

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5478250>

Немного иначе

Направленность: Слэш

Автор: Бри32 (<https://ficbook.net/authors/5325>)

Беты (редакторы): Many happy returns (<https://ficbook.net/authors/1673186>)

Фэндом: Yuri!!! on Ice

Пейринг или персонажи: Виктор Никифоров/Юри Кацуки

Рейтинг: R

Жанры: Романтика, Драма, Повседневность, AU

Предупреждения: OOC, UST

Размер: планируется Макси, написано 80 страниц

Кол-во частей: 18

Статус: в процессе

Описание:

Витя с детства обожает кататься на коньках, восхищается профессиональным японским фигуристом и его сердце замирает от новых программ Кацуки Юри.

AU: в начале истории Виктору шесть, он постепенно взрослеет и оказывается покорен катанием Юри, который старше его на четыре года и знать не знает о своем маленьком фанате.

Присутствуют ОМП и ОЖП — семья Виктора.

Публикация на других ресурсах:

Разрешено только в виде ссылки

Примечания автора:

Спасибо всем тем, кто отмечает опечатки в публичной бете. Очень вам благодарна.)

Many happy returns, этот волшебный человек согласился помочь привести текст в надлежащий вид, но беттинг пока сильно "в процессе".

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3
Часть 2	6
Часть 3	9
Часть 4	12
Примечание к части	15
Часть 5	16
Часть 6	19
Примечание к части	22
Часть 7	23
Примечание к части	26
Часть 8	27
Примечание к части	33
Часть 9	34
Примечание к части	37
Часть 10	39
Примечание к части	44
Часть 11	45
Примечание к части	48
Часть 12	49
Часть 13	53
Примечание к части	57
Часть 14	58
Часть 15	64
Часть 16	71
Часть 17	78
Часть 18	84

Часть 1

С самого детства Виктора убеждали, что он любим этим миром. Его опекает тот абстрактный небесный Бог, в которого верила бабушка, когда соблюдала посты, ставила свечку в храме, если кто-то из семьи болел, и молилась накануне экзаменов внуков. Или иное божество, в коего верили другие люди.

Иногда Витя тоже верил, что является любимчиком у Судьбы, которая дарила ему много счастливых случайностей. Мама когда-то шутила, что человек, названный Виктором Никифоровым, дважды победителем, не может не стать кем-то великим. «*Разумеется, если постарается*» — обычно добавляла она перед тем, как начать его учить читать по слогам или стоять на коньках.

Лёд ему долго не давался. Предательски скользил под ногами и больно обжигал руки при падениях. Приходилось провожать завистливым взглядом старшеклассников, которые уже уверенно пересекали пространство катка у соседней школы. Но Виктор слышал, что ему говорили, какую мысль внушали. Если не получается — пробуй ещё, приложи больше усилий и труда, и они окупятся сторицей.

Поэтому рождественским утром он проснулся совсем рано, когда за окном ещё стояла темнота, и отчётливо решил: сегодня должно произойти чудо. Он просил о нём Деда Мороза, просил Бога и мир. И, схватив потрёпанные коньки, доставшиеся от выросшей из них сестры, убежал на каток. Весь день катался один-одинёшенек, пока его не нашла сбившаяся с ног, запыхавшаяся и перепуганная до полусмерти мама. Но прежде, чем она бы его отругала, он подлетел к ней, чуть не столкнув в сугроб у залитой «коробки».

— Смотри, мам, у меня получается! Я научился!

Он чувствовал словно светится от восторга, бесконечно гордый и спешащий поделиться новостью со всем миром, который так обожал его в ответ.

Витя помнил, как мама тяжело вздохнула, покачала головой и промолчала. А потом улыбнулась, поправила сползшую на лоб шапку и взяла его за руку. Вечером, за ужином, он, не умолкая, хвастался сестре и отцу. В конце концов мама фыркнула под нос: «*Чем я буду каждый раз с ума сходить, не зная, куда он удрал на сей раз, пусть лучше ходит к Яше*» — и, мстительно растолкав спозаранку, отвела его в Ледовый дворец.

И Витя влюбился в первый раз — навсегда.

Не в соседскую девчонку или звезду с телевизионного экрана, как остальные. А в пробирающий до костей морозец на катке, в залитый светом искрящийся лёд, поскрипывающий под коньками. В зычный голос Якова Давидовича и его горячие руки, помогающие, направляющие, которыми он учил всех детей в группе разговаривать со льдом. В шумных ребят, кто постарше, кто помладше, катающихся рядом. Которые обидно смеялись, видя его падения, и провожали восхищёнными взглядами, когда у него получалось особенно изящное вращение.

Витя от всей своей души, во всю силу детского сердца любил каток и всё, что с ним связано. Так, как мог, насколько хватало дыхания. С раннего утра бежал во дворец, оттуда домой, торопливо обедая и тут же исчезая снова в направлении льда, пока сестра не забирала его.

Приходя глубоким вечером, отмахиваясь от обеспокоенных взглядов семьи, крепко обнимал маму, залезал к отцу на колени и рассказывал обо всём произошедшем за день. Хвастал, когда удавалось освоить новые шаги; смущённо краснел, если не очень, и засыпал в углу серого диванчика в мелкий синий цветочек.

Ему было *шесть* — и в его теле родилась страсть ко льду, неумолимая

и незатухающая. Следующая за ним на протяжении всей жизни.

С появлением в привычном укладе такого явления, как школа, об утренних тренировках пришлось забыть. Будучи истинным жаворонком, на радость родителям, он не видел проблем в том, чтобы рано проснуться. Но Витя огорчённо вздыхал, проходя с мамой за ручку мимо дворца. Даже несмотря на то, что Яков Давидович не позволял кататься дольше пары часов, ему нравилась сама атмосфера катка. Выполняя разминку на полу, можно было переброситься парой фраз с друзьями, а во время перерыва посмотреть выступления фигуристов на большом экране телевизора в тренерской. После тренировок Яков зачитывал им теорию, пока техника выполнения элемента не отскакивала от зубов. Виктор пребывал в родной стихии, окружённый такими же, как он сам, восторженно влюблёнными в лёд.

В школе всё было иначе. Непоседливому мальчишке с трудом давалось умение высидеть целый час без движения, не отвлекаясь. Учительнице отчего-то не нравились его отрастающие сзади пряди, которые она уже неоднократно грозилась отрезать сама. Одноклассники обсуждали фильмы и комиксы, которых не видел Виктор, тогда как они понятия не имели о том, что такое «флип», а «заклон» вызывал у них глупое хихиканье. И там впервые услышал фразу, которую затем ему часто повторяли: «*Фигурное катание — для девочек*».

Он загибался и хирел, как цветок без солнца, и оживал только во второй половине дня, когда появлялась возможность сбежать на каток. Только приходилось возвращать домой раньше, чтобы сделать домашнее задание, иначе на следующий день пришлось бы остаться на «продлёнке» и не попасть во дворец вообще.

Ещё ему нравилось словосочетание «Ледовый дворец». Куда больше, чем «стадион» или «каток». «Стадион» вызывал воспоминания о спорте в общем, атлетах и футболистах, что было так далеко от сверкающего и изящного мира фигурного катания. «Каток» звучал уже лучше, но наталкивал на мысли о неровно залитых школьных «коробках» или открытых катках в центре, где собиралось большое количество людей, основная масса которых на коньках умела только стоять.

Витя был далёк от снобизма, ещё даже не осознавая такого понятия, но он хотел, чтобы некая часть его жизни принадлежала лишь ему и людям с похожими ценностями. Поэтому он защищал её по-своему, и на вопросы одноклассников, куда он спешит после уроков, гордо отвечал: «Во Дворец». В Питере их много, поди угадай, в какой именно. А даже если и догадаешься, что речь идёт о Ледовом, то, опять же, их было несколько.

Однажды вечером к ним домой зашли Яков с Лилией. Родители аккуратно вытолкали Витю из кухни, попросив поиграть в своей комнате, и предложили гостям чай. Витя обиженно фыркнул и тут же устроился под дверью, примкнув к ней ухом. Слышно было плохо: мешал работавший телевизор и мерно гудевший холодильник.

Кажется, взрослые спорили. Зычный голос Якова перекликался с холодным тоном отца. Насколько Виктор понял, окончательную точку поставила мама — её негромкие слова, сказанные с особой интонацией, часто оставались последними в любой дискуссии.

— Если он этого хочет — он будет заниматься.

На секунду стало тихо и послышался чей-то усталый выдох.

— Как скажешь, — ответил отец и, видимо, отодвинул стул, на котором сидел ранее.

Витя едва успел убежать в зал, когда дверь распахнулась. Он успешно сделал вид, что заполняет прописи, и вскоре вежливо попрощался с гостями. Чуть позднее мама

подозвала его, прикрыла дверь и усадила рядом с собой на кресло, расположенное в углу. В тишине и темноте она прижала его голову к груди.

— Вить, расскажи мне про каток.

— Про Дворец, мам.

Она тихо рассмеялась — так, словно на самом деле понимала, какое значение это слово имеет для её сына. И внимательно слушала, нежными пальцами перебирая и вправду уже слишком отросшие волосы.

В конце Витя добавил, что скоро будет клубное соревнование среди «своих».

— Вот бы победить. Я уже почти все шаги знаю, правда. И аксель приземляю чисто — Яков Давидович подтвердит.

— Конечно, Вить. Если ты постарайся, то у тебя непременно всё получится.

И он уснул, убаюканный её тихим голосом и теплом. А через неделю мама вела его по сугробам совсем в противоположную сторону от школы. Он удивлённо смотрел на неё, но ведь это мама, которая лучше знает, где им нужно быть утром. Они пришли к Ледовому.

— Вить, ты взрослый мальчик. — Мама присела на корточки, поправила ему рюкзак на плечах. — Во дворце строго до одиннадцати, Яша знает. Пообедаешь и бегом в школу. Вторая смена начинается в час. Вечерняя тренировка со старшей группой — в шесть. Я зайду за тобой после неё. Один не уходи.

Виктор недоверчиво потёр глаза. В старшей группе занимались те, кого Яков отобрал лично. Они участвовали в юниорских соревнованиях и готовились стать профессиональными фигуристами. Витя бросился к маме на шею.

Через два месяца он принёс домой маленькую медальку, размером с пятирублёвую монету. Лёгкая, алюминиевая — она ничего не значила. Её вручили на домашних соревнованиях среди групп спорткомплекса. К ней даже ленточки не прилагалось — так, детям поиграться.

Но медаль была золотой. Первой золотой медалью Виктора Никифорова.

Часть 2

Однажды Яков Давидович отменил тренировку. Ничего удивительно — такое иногда случалось. Вите тоже приходилось их несколько раз пропускать: бывает, свалится с противным гриппом либо в школе учительница попытается энергию активного и весёлого мальчишки направить в полезное русло, заставив участвовать во всяких мероприятиях в духе первого звонка (а ведь он почти третьеклассник!) или же майских концертов.

Только вот он и так две недели провёл на даче под бдительным присмотром бабушки, изнывая от жары последних летних дней и от тоски. Да, там имелась пара неплохих ребят одного с ним возраста, с которыми можно было весело пробежаться до местного пруда, но чего-то всё равно не хватало. Витя осознавал, что скучает именно по родному катку, по друзьям и даже по Якову. А тот отзвонился, сказав, что занят.

Как же, как же. Все в секции давно знали, когда начинался балетный сезон. И чем быстрее надвигалась осень, тем реже тренер мог видеть свою жену дома. Но Витьке-то не нужно на них глядеть — ему бы ключ от катка, и он скроется прочь от этой парочки.

Он прошмыгнул в Михайловку через задний вход, приветливо улыбнулся вахтёрше, заверив, что по важному поручению «*Лили Дми́тревны*» — ну, которая та самая, Барановская, — и затерялся в коридорах. Он смутно помнил, где находились балетные классы по прошлым своим посещениям. Лилия некогда однозначно намекнула, что если мальчишка хочет добиться в фигурном хоть каких-то результатов, то должен начать с балета — мол, он развивает гибкость и грацию. В тот день особенно раздосадованный неудавшимся двойным тулупом Витька, иногда резкий на язык, сообщил, что предпочтёт заниматься на льду, где и собирается получать эти самые результаты.

Со временем он осознал необходимость отработки элементов в балетном зале у перекладины и извинился, однако фундамент их общения развалился ещё на стадии проекта. Витя держался вежливо и отстранённо, а Лилия примирилась с его ершистостью и больше не лезла с советами. И порой позволяла пользоваться домашней студией, за что он и был ей крайне благодарен.

Продвигаясь в полутьме запутанных лестниц и закутков театра, он расслышал негромкую, почти робкую музыку. Любопытство повело его, ошутимо потянуло за нос и заставило подкрасться к двери. Через замочную скважину отчётливо виднелись пианино у стены и тонкие девичьи пальцы — быстро, почти шутя скользившие по клавишам. Мелодия казалась очень знакомой, словно бы родной, и он заслушался, притаившись у проёма. Даже не заметил, как горячая рука жёстко цапнула его за ухо и потянула вверх.

— Ты что тут забыл, партизан?

Витя почти рассмеялся. Удача снова улыбалась — пусть со стороны могло показаться иначе.

— Яков Давидыч, да я же к вам. Хотел ключи от катка попросить.

— Заняться тебе больше нечем, что ли? — проворчал тренер, отпустив ухо мальчишка и поправил пиджак, застегнув его на все пуговицы.

— Я ж только с деревни, соскучился, а вы гоните!

Видно было что-то в его словах искреннее, раз Яков довольно хмыкнул под нос и подтолкнул по направлению к выходу.

— Ладно, орёл, убедил. Пойдём посмотрим, не разучился ли ты прыгать за лето.

— Вот ещё! А вы слышали, что играло? Знакомое вроде, а вспомнить ну никак.

Мужчина пожал плечами.

— Шопен, может. Из учебного, наверное. А что, Настасья играла?

Витя помотал головой. Сестра когда-то закончила «музыкалку» по классам

сольфеджио и фортепиано, но с тех пор бросила диплом куда-то за шкаф и не притрагивалась к пианино, теперь смиренно собиравшему пыль в зале и ставшему подставкой под цветы.

— Просто слышал когда-то. Возможно, показалось, — ответил Витя и собирался уже выбросить всё лишнее из головы, в мыслях переносясь на лёд. Только Яков заинтересованно взглянул на него.

— На катке слышал?

— Да. Как мне кажется, именно там.

Тренер промолчал. Хлопнул по плечу, как иногда делал перед сложным прыжком — в духе «*Не бойсь, прорвёмся!*» — и пошёл к машине. Витька в недоумении помчался за ним.

Возвращаясь однажды вечером домой, Витя слушал музыку в недавно подаренном то ли на Новый год, то ли на День рождения плеере. Подпевал вполголоса прилипчивому мотиву попсы и пинал попадающие под ноги снежки и ледышки. На улице стояла удивительно тёплая для января погода, и, хотя снег всё не таял, Витя с облегчением стащил с головы шапку, наслаждаясь прохладой. Взволнованно продумывал планы на грядущие выходные: папа обещал купить билеты в цирк на последние новогодние представления.

— Девочка, подожди!

Витя недоумённо вытянул один наушник из уха и огляделся — рядом никаких девочек не находилось. Пожав плечами, он хотел продолжить путь, когда его кто-то резко дёрнул за плечо.

— Да подожди же, кричу ведь, — возмутился незнакомец. Он дышал часто, запыхавшись, и застёгивал тёмную куртку до горла — очевидно, успев замерзнуть.

Витя нахмурился, тревожно осматривая улицу в поисках других людей. Время ещё не настолько позднее, чтобы родители опасались отпускать его куда-то одного, тем не менее вокруг было уже по-зимнему темно. Прохожих не наблюдалось. Его волнение не осталось незамеченным:

— Не бойся, я ничего тебе не сделаю. Я сам из Москвы, турист. Слушай, меня должен друг встретить, договорились у Банковского моста, где грифоны такие, с золотыми крыльями. Я их только раз видел, днём, а теперь по темени найти никак не получается. Не подскажешь, куда идти хоть?

Виктор расслабился. Ему, как коренному петербуржцу, приходилось сталкиваться с подобным каждые праздники. Регулярно иногородние школьники и иностранцы выцепляли необычного на вид мальчишку и приставали с вопросами — причем, не всегда на русском. Обычно это проходило весьма забавно. Он без опаски развернулся, указывая направление:

— Пройдите до набережной, тут совсем недалеко...

И его обхватили сзади за шею, другой зажав рот, и преградили доступ к кислороду. Виктор отбрыкнулся, попытавшись прицельнее пнуть, и прикусил чужую ладонь, однако в следующий момент его ударили в затылок чем-то тяжёлым. Тело тут же будто увеличилось в весе — двигаться стало невероятно трудно, и замутнённым взглядом он видел, как его тащат к припаркованной машине.

Он ещё раз попытался вырваться, но на деле его трепыхания мало помогали. Рот всё ещё крепко зажимали — и закричать не получалось. Мысли лихорадочно прыгали в голове, однако так сразу, как назло, ничего путного на ум не приходило. Когда

похититель открыл дверь салона, Витя приготовился к рывку. Внезапно мужчина неожиданно покачнулся, словно на него кто-то набросился сзади. Рука, удерживающая мальчика, дёрнулась вниз, выпуская. Виктор бросился в сторону, отбегая на приличное расстояние, и только потом позволил себе оглянуться.

На руке туриста повисла огромного размера чёрная собака, непрерывно рыча и скалясь, но не разжимая зубов. Она мотала головой из стороны в сторону, трепала куртку и руку под ней и даже не думала отступить.

Витя прекрасно понимал, что должен немедленно бежать. Затеряться в подворотнях и дворах, выйти в людное место и позвонить родителям. И продолжал стоять на месте.

Наконец мужчина сориентировался и пнул собаку изо всех сил — да так, что та отлетела на полтора метра в бок, с куском ткани в стиснутых клыках. В ярости от боли он надвигался к ней, разом позабыв о мальчишке. И тот, сам шалея от глупости и храбрости, бросился сначала к тротуару, хватая брусчатую плитку, затем к мужчине, обрушивая её на чужую голову.

Виктор не стал дожидаться, пока тот придёт в себя (если придёт), схватил псину за шкуру, приподнимая, и, ухватив за продранный ошейник, бросился к станции метро, горевшей вдали спасительным синим огнём. Задыхаясь, проскользнул через прозрачные дверцы и, только услышав гневный вопль «*Сюда с собаками нельзя!*», остановился, рассмеявшись. От души, вытирая слёзы на глазах одной рукой, другой — он прижимал к себе скулившего пса. Улизнув от переполошившихся вахтёрш, он подошёл к первому же человеку в форме на станции и с абсолютно честной мольбой в голосе попросил закрыть глаза на нарушение правил.

В вагоне он рассмотрел свой трофей. Пёс оказался не взрослым кобелём, как Витя с перепугу подумал вначале, а щенком. Тот доверчиво жался к его ноге, невообразимо лохматый и грязный. Не видя собственными глазами безобразную сцену минут пятнадцать назад, Витя в жизни бы не поверил, что этот плюшевый зверь может кого-то тронуть.

Он вытащил телефон и позвонил матери. Та всегда умела слышать стоящее за словами и давать ценные указания.

— Вить, у тебя тренировки дважды в день, учёба. Ещё и собака. Сдюжишь ли?

Но Виктор уже всё решил. Мама в трубке тяжело вздохнула и — он почувствовал — покачала головой.

— Смотри, на тебе будет.

Часть 3

У Виктора всё меньше и меньше оставалось свободного времени. Ранний подъём с утра, прогулка с Маккачином, который радостно помогал проснуться. Завтрак и круговерть «тренировка-школа-тренировка». Ещё необходимо как-то успеть выполнить домашнюю работу, учителя продолжали придерживаться извечного принципа, что только смерть является уважительной причиной для неподготовки к занятию. Но к всеобщему удивлению, собака только помогла Вите, став своеобразной отдушиной. Хотя к вечеру сил не оставалось вовсе, время, проведённое вместе с ней, становилось единственным, когда он мог позволить себе расслабиться. И оттого на душе делалось легче.

Только всё же хотелось иногда общаться не только с псом, но и семьёй. Сестра готовилась ко вступительным в институт и с ней стало труднее общаться. Отец всё чаще проводил время за монитором компьютера или на телефоне — дела в проектировочной фирме хлынули волной и он отчаянно пытался её обуздать. А мама стала казаться настоящей кудесницей. Не как тогда, в детстве, потому что всё знала и умела, а сейчас — за то, что находила время для каждого. Приносила бутерброды и кофе полуночничавшей за учебниками сестре, помогала отцу с утра отыскать тот самый голубой галстук и необходимые ключи. Неизменно приходила каждый вечер в спальню к Вите, гладила его волосы и шептала: «спокойной ночи». Эта привычка настолько въелась в сознание, что Виктор физически не мог уснуть, не услышав волшебное пожелание. Вдали от дома, на сборах, он тихонько их говорил в подушку и улыбался.

Так что её дня рождения он дожидался с нетерпением. Заранее купил подарок на свои первые выигранные на областных соревнованиях деньги и спрятал в нижнем ящике шкафа, надеясь, что маме не придёт в голову наводить порядок в его комнате. Он с утра нашёл на кухне список продуктов, а раз так, то, видимо, вечером накроют стол. Даже на катке не удалось до конца унять нетерпение. И на удивление товарищам, он не собирался задерживаться дольше положенного, не сегодня. Виктор уже развязывал коньки, когда Яков махнул рукой, подзывая:

— Никифоров, Попович и Бабичева, в тренерскую.

Милка, мелкая бойкая девчонка, на пару лет младше его с Гошей, присоединилась не так давно к клубу. Приехала из Красноярска с родителями и сразу же очаровала хмурого Фельцмана до такой степени, что он забрал её в свою личную группу.

Единственную из всех девочек, хотя ими обычно занимался другой тренер. Яков смерил детей оценивающим взглядом и прокашлялся. Затем ткнул в календарь.

— Осенью в Москве пройдёт детское первенство. У вас, — он кивнул на мальчишек, — уже есть областные награды, вы проходите автоматом. Мила, пойдёшь летом на питерские городские. Затем я натаскаю вас на Москву. Будете у меня третий разряд открывать.

Витя переглянулся с Поповичем. Они занимались не так много, всего два года. По меркам фигурного катания, начали кататься безобразно поздно, в шесть. И тут — разряд? Виктор переодевался в каком-то заторможенном состоянии, механически складывая вещи в рюкзак и прощаясь с друзьями. Осознание накрыло только на улице.

Разряд же! Первый шаг к профессиональному фигурному катанию! Всего три юношеских, затем ещё второй и первый взрослые и кандидатский, а потом уж и мастер спорта.

По правде говоря, Витя даже не задумывался о своей карьере. На дурацкие вопросы в духе: «А кем хочешь стать, когда вырастешь?» отвечал невпопад, отмахиваясь

и отшучиваясь. Но когда перед глазами возникла подобная картина... Чтобы он, мальчишка, да в настоящие спортсмены? И он будет участвовать в национальных, а может и международных соревнованиях?! И уже на него будут смотреть такие же, как и он сам, ребята по телевизору.

Он вытер о джинсы вспотевшие ладони. Он хотел — Боже, как он хотел! — всего этого. Лишь раз представив, на миг допустив, что подобное может оказаться правдой — он вдруг обнаружил в себе огромное, обжигающее желание воплотить мечту, добиться, сделать былью.

И сорвался с места, бросился бегом к дому, лишь бы скорее, скорее рассказать, поделиться! На одном дыхании забежал на шестой этаж, позабыв про лифт. Влетел в квартиру, не раздеваясь, проскользил по паркету в мокрых сапогах и заглянул на кухню. На столе лежали разложенные продукты, а в раковине размораживалась рыба. Нахмурившись, Витя медленно стянул куртку и обошёл квартиру. Отец ещё на работе, Настька наверняка у репетитора — привычная картина. А мама задерживалась.

Он почувствовал лёгкую обиду. И стоило так торопиться, если никто ещё не собрался? Впрочем, навряд ли мама ушла далеко, может чего не хватало и она пошла до рынка?

Маккачин сонно приподнял ухо и вышел из Витиной комнаты поприветствовать хозяина. Мальчишка потрепал его по голове и обнял, уткнувшись в шоколадную шерсть. А затем, глядя во всепонимающие глаза друга, жарко прошептал:

— Макка, а ты знаешь, я решил — я стану фигуристом. Настоящим. Какие на чемпионатах мира катаются. Вот.

Пёс согласно твякнул. Конечно, мол, куда ты денешься?

Виктор прилёг на диван в зале, затянул к себе Маккачина и приготовился ждать. Часы тянулись медленно, за окном разгорелся малиновый закат и постепенно затух. Витя от нечего делать залез на «ютуб», начав просматривать чужие детские прокаты. Прикидывал, какие элементы для разряда ему необходимо отшлифовать и разучить, а что сойдёт и так. Три одинарных: аксель, конечно, тулуп и сальхов. Можно для подстраховки взять флип, он тоже неплохо получался на последних тренировках. Над каскадами опять же подумать.

Когда в двери, наконец, загремел ключ, Витя обрадованно вскочил, потревожив прикорнувшего пса, но тут же сел обратно. Это вернулась сестра.

Настя шустро осмотрелась и вытянула из пакета букет алых астр. Сбегала за вазой и поставила на подоконник. Сменила пуховик на симпатичное платьице, поправила аккуратные косички. И только тогда под села к брату, чуть потеснив устроившуюся на диване парочку.

— Не звонила?

Витька покачал головой. Макка тихонько провыл и положил голову ему на колени. Через час Настасья не выдержала. Набрала маму, недовольно нахмурилась и отзвонилась отцу. Тот ответил не сразу, только после нескольких томительных гудков. Сестра начала гневно его отчитывать, но тут же умолкла, её рот беспомощно раскрылся и сама она в раз побледнела. Коротко взглянула на Витю и бросилась в другую комнату, заперла дверь. Дальше вела разговор уже на повышенных тонах.

И всё же Виктор успел. У него всегда был тонкий слух, даже через три стены он различал бурчание телеведущей на кухне или грохот лифта на первом этаже. С лёгкостью подслушивал разговоры, не предназначенные для его ушей. Запросто помнил на слух тексты песен или иностранные фразы.

И слабый шёпот он тоже успел услышать: сбили на пешеходном переходе, водитель скрылся. А «скорая» не успела, скончалась на месте. «Еду на опознание».

В каком-то забвении они с сестрой молча поужинали имевшейся в холодильнике заготовленной снедью, выпили обжигающего чая и уснули всё на том же диванчике в зале. Прижались друг к другу, как когда-то очень и очень давно в полузабытом детстве, и слушали чужое дыхание совсем рядом.

Внутренний будильник разбудил Виктора привычно рано. Позёвывая, он умылся, оделся и выгулял собаку. Вернулся домой и присел за кухонный стол и только в тот момент его настигло ощущение неправильности, нереальности происходящего. Обычно к его приходу на столе стояла чашка чая с молоком, лёгкий завтрак, а тёплые руки задорно трепали волосы на макушке. Шершавые губы целовали лоб и приветствовали «добрым утром».

В квартире затаилась тишина. И сильно пахло астрами, любимыми мамиными цветами. Витя приоткрыл дверь в родительскую спальню, посмотрел на заправленную кровать, говорящую о том, что отец дома не ночевал, и ушёл к себе. Плотно закрыл дверь, прислонился к ней затылком и сполз на пол. Уткнулся в колени и только затем крепко-крепко прижал ладони к горящему лицу.

Он давно не плакал, уже много лет как. С детского садика, в который ходил всего-то крохотные полгода, пока не начал болеть и у мамы не кончилось терпение лечить бесконечные детские простуды. Но и за тот короткий срок ему успели вбить в голову, что мужчина не должен никому показывать слёз. Мама, услышав о таком впервые, к его полной неожиданности, рассердилась: «Плачут те, кто сильно чувствует. А если все вокруг чёрствые бараны, то не нужно им уподобляться». Таким образом Виктор пришёл к компромиссу — наедине с самим собой реветь можно.

Витя выплакал все слёзы и, казалось, даже больше чем у него имелось, но к тому времени, как из посёлка приехала бабушка, успел ещё раз умыться. И зачесать неряшливую чёлку, чтобы она хоть немного прикрывала опухшие глаза. Попытался улыбнуться, принять вид милого внука, который рад её видеть. Только когда на жалкую попытку не обратили внимания и стиснули в жёстких, до боли сильных объятиях, он был благодарен.

К ночи вернулся отец. Выглядел он лучше неумело притворявшегося Виктора, но хуже, чем упрямо сжавшая губы и стойко держащаяся Настька. Кивнул и виновато посмотрел на тещу, разливавшую всем чай с ромашкой. Та выдохнула устало и протянула ему чашку, присаживаясь рядом. И сказала, совершенно спокойно и обыденно:

— Да-а, не ожидала я, что мне придётся дочь закапывать раньше, чем саму в гроб сложат.

И столько в её мутно-синих глазах оказалось принятия, понимания, что Витя вздрогнул. Эти слова старого человека, примирившегося со скорой встречей со смертью, но скорбящего о том, что не его первого забрала безносая, звучали слишком просто и оттого жутко.

Настя рядом беззвучно заплакала, болезненно цепляясь белыми пальцами за бока пузатой рыжей кружки. Виктор нет. Уже не мог.

Часть 4

Виктор умывался, все еще чувствуя себя разбитым. Опухшее лицо наверняка напугало бы своим отражением, а ноги отказывались сделать хоть шаг, отзываясь ноющей болью каждое мгновение. А на душе кошки не скребли, нет, резали стальными когтями края сердца, разрывали изнутри клапаны и заполняли артерии жгучей кислотой, от которой тянуло мышцы и резало глаза. Но Маккачин уже проснулся и, несмотря ни на что, хотел гулять и есть. Виктор помнил — пес на нем. И хоть разверзлись земля, а слово, данное самому близкому другу, своему верному мохнатому защитнику и товарищу, необходимо держать.

Возвратившись домой, он по привычке подхватил спортивную сумку и замер у входной двери, поняв, что именно сделал. Пальцы проехали по шершавой лямке вниз и почувствовали через плотную ткань твердость лезвий коньков. Все внутри продолжало просить и уговаривать остаться, не тревожить свежие раны, позволить им затянуться в спасительном одиночестве. Он бы хотел.

Но не мог, ведь он дал еще одно обещание. Не высказанное вслух, никогда не произнесенное им самим, но с него взяли зарок, поверили в него и Виктор взял на себя эти обязательства. Его не было во Дворце уже неделю. Яков не звонил — очевидно, знал новости и не тревожил. Поначалу решение тренера казалось правильным и он чувствовал признательность. Однако теперь подуспокоился и задумался.

Семь дней — очень приличный срок. Если пропустить больше — мышцы отвыкнут от нагрузок, тело забудет вызубренные, вымученные каждодневным упорным трудом движения. А в сентябре чемпионат. Витя хорошо знал — спорт не ждет опаздывающих. Не поедет сейчас — тут же придут другие, займут то, что могло бы достаться ему и: «Прощай, Никифоров. Передавай привет школьному катку, а у нас тут занимаются профессионалы». Внутренний голос обладал интонацией Якова. Маккачин вертелся возле ног, не понимая причин заминки хозяина, в конце уселся рядом и пристально посмотрел черными глазами-бусинками на Виктора. Витя в нерешительности протянул руку к куртке и услышал негромкий, словно подбадривающий лай. Пес знал установленный порядок: сейчас хозяин подхватит рюкзак и сумку, накинет ветровку и умчится до обеда, а после будет вкусно пахнуть морозцем и металлом.

Мальчишка робко улыбнулся. Маккачин понимал, что Вите нужно не хуже, чем он сам. Ему было больно, очень, но основной приступ прошел и необходимо встать на путь к выздоровлению. Виктор задыхался дома: от беспросветной тоски, наполнившей воздух, от печали, притаившейся по темным углам, скорбных взглядов и завешенных зеркал. Даже смотреть не мог на приготовления и черные ленточки. Его раздражали подобные ритуалы. Да, ему плохо и остальные скорбят вместе с ним, но к чему выставлять это напоказ? Кичиться, словно о таком необходимо знать всему миру.

На волне приподнимавшегося в душе недовольства, как на трамплине, он схватил вещи, потрепал по шерстке довольно замахающего хвостом пса и выбежал из квартиры. На льду его, наверняка, заждались.

Осенью в Москве Виктору стало неловко. Вокруг сновали дети, в основном, семи лет, кто-то даже чуть младше. Он и Гоша, третьеклассники, вытянувшиеся за лето, разительно выделялись на их фоне. Милка честно пыталась их подбодрить, хотя сама мандражировала не меньше. Шутила, что зимние парни, как особо важные гости, должны

приходить на праздник позднее.

Вскоре появился еще один повод для смущения — почти все юные фигуристы оказались девочками. Витя никогда не обращал внимания на то, сколько спортсменов из Дворца занимались катанием, а сколько — хоккеем. Сейчас же разница стала очевидна. Списки выступлений девушек почти в четыре раза превышали юношеские. По этой причине их пропустили вперед, хотя Яков и бурчал под нос, что открывать соревнования положено леди.

Виктор вытянул шестой порядковый номер, Гоша — четвертый и после разминки они расположились на сидениях. Недовольно хмурились, так как оба предпочли бы отстреляться поскорее, вместо того чтобы дожидаться своей очереди и изводить нервы друг другу. Яков снисходительно посмеивался, наблюдая за их бледными лицами. Даже расщедрился на объятия и торопливый гордый шепот: «Вам они не конкуренты».

Когда прозвучала музыка и первый участник начал программу, до Виктора постепенно дошло, о чем именно говорил тренер. В родном Ледовом мальчишки привыкли, что они самые младшие на льду и все вокруг катаются во много раз дольше, соответственно, сильнее и аккуратнее. Милка очень быстро стала своей в доску и не воспринималась как кто-то ниже уровнем, да и требования к женскому катанию стояли иные. И теперь Виктор в первый раз осознал, что в сравнении, наверное, он катается лучше. Гораздо.

Звучали фамилии участников и различные города, которые они представляли. Прогремел родной Петербург и Попович встал. На самом деле, стоило бы посмотреть его выступление, но Витька и так достаточно на него насмотрелся во время тренировок. Если бы появилась необходимость, откатал бы и Гошину программу и Бабическую за компанию, настолько часто они мелькали перед глазами. Зато баллы он услышал отчетливо — на восемнадцать выше прошлого лучшего результата. Украдкой глянул на Фельцмана, который отнюдь не выглядел удивленным. Витя припомнил всю колоннаду кубков, которые стояли в стеллажах на входе во Дворец и резко захотел рассмотреть их поподробнее — затесалась уверенность, что среди них он найдет не один всероссийский, может и мировой. Яков внезапно открылся с другой стороны: не старый добрый знакомый, почти приятель, неотделимый в его голове от питерского катка, а кто-то больше и выше. Значительнее.

— Дядь Яш, а ты многих чемпионов тренировал, да?

Фельцман недоуменно взглянул на ученика, который чуть ли не в первый раз так фамильярно обратился к нему на стадионе. А потом лихо, задорно улыбнулся, так, словно скрывал какой-то секрет.

— Если повезет, еще парочку воспитаю.

Никифоров серьезно кивнул. Конечно, а как иначе? И, под звуки собственного имени, искаженные громкоговорителем, отправился на лед.

Возвращались уже утром, только-только с поезда, чертовски усталые, зато с медалями. Никифоровским золотом игралась Милка, а Гоша сравнивал собственное серебро с аналогичным за женские выступления. Ругался на четыре балла разницы, на что Витька посмеивался, мол, рановато тебе, Гошенька, подрасти надо, а потом уж о наградах думать. Яков зевал за рулем и вполголоса строил планы, не слишком понимая, что делает это вслух.

— На январский всех троих отправлю. Как раз перед Чемпионатом Европы стариков

потрясти успеем. Пусть полюбуются на молодую кровь.

Ребята осовело кивали, пытаясь не уснуть друг на дружке. Когда Витя наконец попал домой, он нашел в себе силы включить ноутбук и, пока тот загружался, сделать марш-бросок до холодильника. Ответил на сообщения в приложениях, похвалился сестре по «контакту» и, в свою очередь, поинтересовался, как у нее дела в институте, а затем увидел письмо на электронной почте. Лилия иногда скидывала ему мелодии для программ, по большей части, классику. Почему именно ему, а не напрямую мужу — Виктор не знал и не старался особенно узнать. У взрослой женщины могут быть свои причуды. Поставив музыку фоном, он собирался переодеться и с чистой совестью заснуть до вечера, но она увлекла его, заставила прислушаться. Невольно Витя представил как будет под нее кататься, отметил, что тут ритм ускоряется и неплохо бы сделать выход из вращения, а здесь — эффектный прыжок.

И следующим утром подбежал с записью к Якову, успев его поймать до начала тренировки. Попросил прослушать.

— Лилия дала, да? — скривился мужчина.

— Да не важно, Яков Давидович, давайте возьмем!

Витя будет просить, хоть вплоть до зимы станет бегать и ныть. Именно под эту мелодию он видел свой прокат, даже костюм начал продумывать. Она что-то цепляла в его душе, простая, по сути, вальсовая аранжировка.

Фельцман, тем временем, заглянул в планшет, и, видимо, нашел что-то забавное в интернете.

— Ну коли так уверен, то бери, боец, — усмехнулся он, а в следующую секунду нагнулся и пристально всмотрелся в глаза мальчишки. — Но если берешь серьезную музыку — должен и откатать соответствующе. Нет ничего хуже падения под классическую скрипку.

И они взялись за программу. Поставили ее весьма быстро, все же выбор музыки из уже готовых, обрезанных под определенное время, здорово упростил задачу. Дальше стоял вопрос техники: отшлифовать до филигранной точности каждый элемент, каждый прыжок. Под конец ноября Виктор мог насвистеть ритм и под него исполнять.

Однажды появившаяся в Ледовом Барановская присмотрелась к прокату и покачала головой: «Совсем плохо». Витя не обратил внимания, она всегда так говорила. Не помнил еще ни разу, чтобы ей пришлось по вкусу чьи-то выступления. Лилия, помня о давнем уговоре, поправлять его не спешила.

А затем пришла еще раз, в обеденный перерыв. Пристроилась на диванчике в углу, скрестила руки на груди, всем видом давая понять, что ее не стоит трогать. Юные фигуристы пожали плечами и, подключившись к чьему-то ноутбуку, настроили телетрансляцию одного из этапов Гран-При. Взрослые выступления «Skate Canada» они уже пропустили, так что посмотрят в выходной, а вот юниорские начинались с минуты на минуту.

Виктор с первых же мгновений узнал музыку. Плавные переливы пианино, вскоре словно возносящиеся к небесам, и робкая скрипка, вплетающаяся в сложный узор.

— Вить, это же..! — воскликнула Бабичева, и они с Гошей уставились на друга.

— Знаю! — потрясенно воскликнул он, не отрываясь от экрана.

Небольшой мальчишка на льду в светлом костюме свивался с нотами в одно целое. Позорно упал на первом прыжке и тут же вновь взлетел следом за протяжной мелодией, протягивая ей руку и скользя навстречу. Тончайшие жесты рук в белых перчатках переплетались с историей, повествовали языком тела и, казалось, ничто не сможет их разлучить. Виктор видел не молодого фигуриста, а кого-то из позапрошлого столетия,

танцующего в балетном зале под живую музыку, сжимая в объятиях прелестную даму. Штрафное касание во время второго прыжка показалось удивительно уместным, словно так требовалось по задумке, точно он ласкал холодный лед. И как бы в насмешку над прошлыми ошибками поднялся в каскаде, с алмазной точностью и одновременно небрежностью, подчеркивая, как мало ему требуется усилий для сложнейшего элемента.

Только застынув в финальной позе, словно вынырнув из забытья, спортсмен вновь стал простым мальчишкой. Смущенно и радостно улыбнулся в камеру, раскланялся трибунам и сбежал под крылышко тренера, получать заслуженные оценки.

А Виктор одновременно понял почему смеялся Яков, услышав о музыке, и чем так недовольна Лилия в его прокате. Действительно, оказывается, мало программу откатать — ее нужно прожить. Только тогда она заиграет всеми красками, увлечет каждого зрителя, от первого ряда на арене, до последнего пацана в крохотном буфете с ноутбуком на коленях. Никифоров спиной чувствовал прожигающий в нем дыру взгляд балерины и рассмеялся. Есть, дядь Яш, есть кое-что похуже падения под скрипку. Японский юниор недавно доказал это всему миру.

Примечание к части

Только сегодня увидела, что Виктор и Георгий родились 25 и 26 декабря. Зимние, рождественские мальчики. (Выходит, в АУ, где они одногодки, они могли впервые встретиться еще в роддоме. О-о, дружба с пеленок?)

Часть 5

Увидев разницу между «техническим» и «душевым» прокатом, Виктор взялся за программу с новыми силами. Первым делом, когда пришел домой, просмотрел все выступления Гран-При: как основные, так и юниоров. Во взрослых артистичность и сложность стояла совсем на ином уровне, и пока он не слишком себе представлял как это выстроить с собственной темой. И немаловажным моментом стала близость тем с японским фигуристом. Он еще несколько раз прокрутил ролик с «Белым вальсом» (как про себя его назвал Виктор, не разобрав вычурное название на английском), а затем забил имя подростка в поиск и до вечера рассматривал его выступления (заодно и вспомнил, где слышал Шопена — прошлогодний детский Азиатский крутили на катке неоднократно, особенно двойные на повторе). Разбирал посекундно, всматриваясь в скольжения и жесты, высматривая в них отсылки и тайные знаки. Постепенно стал понимать значения некоторых из них: вот протянутая рука и приглашающая улыбка, такая теплая, словно он приглашает на танец не знатную даму, а давнего друга. Отходит от нее спиной вперед, точно не может налюбоваться напоследок, а вместе с тем это изящный заход на тройной риттбергер. Цель вырисовывалась четче.

Витя залез в комнату отца и достал потрепанную видеокамеру, которой когда-то часто пользовались, но теперь она пылилась в шкафу. И во Дворце показал как ею управляться загоревшейся идеей Миле и скептически пожавшему плечами Гоше, упросив их помочь. Почти час после основной тренировки убил на то, чтобы записать идеальный прогон его произвольной. И дома с той же дотошностью вглядывался в видеозапись, иногда утыкаясь носом в подушку и прикусывая ее от стыда, невольно сравнивая. Боже, и он-то гордился московской медалью? Еще и над Поповичем подтрунивал?

Утром смущение стало невыносимым. Никифоров торопливо отчитался Якову, что на тренировке его не будет и, отключив мобильный, сбежал в Михайловку. Тепло поприветствовал неизменную вахтершу, взлетел по лестнице и заставил себя войти в залу к Барановской.

— С чем пожаловал? — Лилия даже на голос казалась до крайности довольной. Сил, чтобы поднять глаза и убедиться, у Виктора не было.

— Вы ведь знаете, Лилия Дмитриевна, — запальчиво начал он и постепенно сдулся. — Мне бы в хореографическом позаниматься. Можно? Только я пока сам, а там...

Показывать Лилии недоработанные фигуры? Да ни в жизнь! Еще и такого позора он не вынесет.

Но балерина смилостивилась, кивнула и не стала ехидничать, видимо, догадавшись о глубине его неуверенности. Или заметила пылающие уши. А может и все вместе, с нее станется.

Огромная зеркальная стена в соседнем помещении без прикрас показывала деревянные движения, дополненные детской угловатостью. Виктор огорчился из-за неудач, бесился на самого себя, просматривал видео на телефоне и вставал в позу заново. К середине дня кое-что уже складывалось удовлетворительно. Дождаться Барановскую пока не имело смысла, и Витя сбежал, прокравшись мимо балетного зала. Разумеется, прогулял школу, но при этом оставался абсолютно уверен — не зря, ой не зря.

На вечерней тренировке Фельцман вновь проявил свою недюжинную наблюдательность и мгновенно распознал чужой стиль в катании ученика. Схватил за ветровку и отволок в темный уголок — как иногда называли тренерскую между собой фигуристы. Пристроил на мягком стульчике, уместился напротив.

— Я рад, Вить, что ты решил развиваться. Рано или поздно бы пришлось, но ты заметил самостоятельно, увидел чего именно не хватает — и это похвально. Но.

Яков пригнулся ниже, чтобы их взгляды оказались на одном уровне. И дальше вел беседу в серьезном тоне, с ноткой металла.

— Но ты уж, Никифоров, сразу реши: катаешь свое или чужое? Если стремиться стать просто похожим, то пошел вон с катка немедленно и не трать зря мое время. Я тут готовлю профессионалов с их собственным стилем, если хочешь, единственным и неповторимым. Во-первых.

Виктор слушал, боясь не то что пошевелиться — вздохнуть слишком громко. Яков с поразительной точностью стрелял по мишеням и попадал ровно в яблочко. Указал на то, что Витя упустил из виду, погнавшись за призраком чужой чудесной программы.

— А во-вторых?

— Знаешь, чем русское фигурное отличается от всего мира? Во главе угла — техника. Да, сейчас у нас другие реалии, на соревнованиях хотят, порой, странного. Только интерпретация — штука ненадежная. Когда тебе за нее под сотню поставят, а когда и сорока пожалеют. Хочешь полагаться на случай и настроение: свое и чужое, тех же судей?

Мальчишка осторожно покачал головой.

— То-то же, — довольно хмыкнул тренер. — А вот первая половина оценки — зависит только от тебя и никто не придерется. Если ты прыгнул идеально и выехал на сто — так и как тут подкопаешься? Так что, парень, хореография — прекрасная и нужная вещь, а все же для начала убедись, что прокат не завалишь. Иначе будешь как тот, японский птенчик — крылышками трепещет красиво, а полететь не может.

Витька вышел из тренерской в смешанных чувствах. Согласиться полностью с Яковым Давидовичем он не мог — все же канадская арена замирала в трепетном восхищении не от идеальных вращений или тройных. Но и не понять его логики не мог: баллы выставляют судьи, а не зрители. Звучало разумно, но Яков же сам сказал — у нас тут профессионалы с неповторимым стилем. А кем будет Никифоров, если станет беспрекословно следовать указаниям тренера?

В голове зрела коварная затея. Их же с тем юниором непременно начнут сравнивать? Значит Витина задача — откатать свой «вальс». Не «белый».

На областных Виктор выходил первым — ему это пришлось по вкусу. Он решил воспринять порядковый номер как знак. Фельцман привычно бурчал наставления ему и Гоше, уже откатавшая Милка кривлялась со зрительских мест. Попович нервно шутил про бронзу волос подружки и поразительные совпадения, Витя помалкивал, настраиваясь.

Дождлся пока со льда удалятся остальные из группы, оставил на бортике теплую куртку и сделал еще круг, привыкая. Строгий черный костюм отлично контрастировал с белыми поверхностями катка, даже казался бы слишком мрачным, если б не блестки, и Витя позволил себе шалость — выпросил черные перчатки. Лилия, первый раз их увидев, шипела истинно змеей, прекрасно понимая откуда растут ноги выходки и осознавая как четко будут видны руки фигуриста. Но Виктор настоял.

Едва услышав музыку, он закружился в танце с неведомой девушкой, привычно ведя ее за собой (дали знать несколько посещенных уроков вальса). В свое время он решил: если катание Кацуки — танец с другом, то его станет последним прощанием.

Виктор пропитался нежным звучанием скрипки, которая тосковала и плакала вместо

него. Робкие самообъятия в тройном тулупе звучали, как и положено, призывно и одиноко. В дорожке он мчался за ускользящей тенью, что пропадала во второй половине программы. А, застыв в финальной позе, чуть приподнимал голову, словно увидел нечто безумно интересное на другой стороне арены.

Витя про себя пафосно назвал прокат «Вальс прошлого и будущего». И с нетерпением ожидал, как окружающие воспримут его первую попытку настоящей произвольной. Вышел со льда, вцепился в пиджак тренера и замер, обратившись в слух.

Милка завизжала прямо над ухом, первой увидев цифры. Сбежала из зрительского сектора и кинулась Вите на спину, молотя руками. Затем Витя осторожно посмотрел на Якова. Что ему баллы? Вот Фельцман лучше знает, когда результат хороший, а когда очки — это просто очки. Мальчишка недоверчиво протер глаза.

Яков просто сиял. Сгрел его своими медвежьими ручищами и аж приподнял над полом, сжимая до треска костей. Даже костюм не пожалел.

Приговаривал:

— Ух, Витька, ух, чемпион. Откатал так откатал. Мы с тобой еще не так зажжем!

А Никифоров про себя радовался, что все получилось. И техника не подкачала, конечно, можно бы и лучше, но точно неплохо. И хореографию они с Барановской выправили на ура. Даже тройной этот дурацкий, вымученный за зиму, удачным оказался. А главное — прокат абсолютно «его» получился, совсем не японский.

На сей раз он золотом гордился гораздо больше, товарищам по катку не отдал — сам не мог налюбоваться. Слишком много было вложено в медаль сил, не только физических, а еще и фантазии, даже вдохновения.

Повесил над письменным столом в комнате. И, наконец, зашел на «ютуб», решившись посмотреть как выступили юниоры в финале — до того он сознательно не слушал новостей о юношеском Гран-При, чтобы не появился вновь соблазн уподобиться, пусть бы и невольно.

Но свежий поиск по имени азиатского фигуриста выдал видео с совсем коротким интервью, словно его чудом поймали на пару минут уже в аэропорту, незадолго до посадки.

— *Кацуки-кун, вы можете что-то сказать о схожей с вашей программе на российском детском чемпионате? У вас общая музыка, не так ли?*

Разговор велся на японском, но внизу бежала строка английских субтитров. Виктор покусал палец в задумчивости и вбил текст в онлайн-переводчик.

«Ох».

Часть 6

С недавних пор, Вите перестало казаться забавным слово «совпадение». В детстве он развлекался тем, что разбирал его на части и гадал над смыслом. Ну правда же, совпадение — получалось «падение сов»? Зачем им куда-то падать? Или «совместное падение». Совместное падение сов. Как синхронное катание, только не на льду, а куда-то вниз. «Ух» — и летишь в темную пустоту.

Вот именно что-то подобное он за собой и подмечал.

Казалось бы, всё шло своим чередом, весьма позитивным причём. Он умудрился закрыть в межсезонье первый юношеский и готовился уже к настоящему, второму спортивному разряду. Оставались последние ступени до КМС*, самые ответственные и важные — а с кандидатом можно выступать в юниорах. Тут не забалуешь: вместо двух-трёх минутной имитации произвольной, ставились обе программы и это вызывало определенные трудности. Развести в уме элементы стало труднее и иногда он уплывал, начиная под бодрый темп короткой выводить плавную, растекающуюся дорожку. Это сразу же замечали все присутствующие на льду: старшие смотрели с сочувствием, понятливо кивали, тогда как неожиданно вывалившиеся пара дошколят разевали рты. Витя выпадал из ритма, безбожно отставал от мелодии, но вместе с тем словно светлел лицом и катал с абсолютной уверенностью. Яков ругался сквозь зубы, дергал за локоть и волок не сопротивляющегося мальчика к бортику. Совал в руки стаканчик обжигающего несладкого чая и только тогда Никифоров удивлённо хлопал глазами.

— Но я же... шёл за музыкой. Вы ведь сами сказали, слушать мелодию.

И, когда слышал в записи свою тему, ошарашенно прислушивался. Пожимал плечами. Мало ли что показалось, бывает.

Приходил домой, старался дольше гулять и играть с родным Маккачином, а меж тем ставил на загрузку новое видео с японских национальных. Сколько же пришлось потратить усилий в свое время, чтобы догадаться, как их найти. И хмыкал, вновь в очередной раз слыша в колонках уже знакомую музыку. Ровно ту же, под которую неведомым образом катал во Дворце за пару дней до юниорских соревнований. И это было совсем не смешно.

Он научился с первого взгляда на лицо юного спортсмена через скверную запись определять стиль проката. Как есть игра «Угадай мелодию», вот там нужно узнать песню с первых нот. Если бы там загадывали исключительно музыкальные композиции одного японского фигуриста — Виктор стал бы абсолютным чемпионом. Однажды поделился этим странным наблюдением с Милой (в последнее время Гоша ходил хмурый и избегал его по неизвестным причинам), та засверкала глазами и выдала что-то про межконтинентальную телепатию. Пришлось отмахнуться от дурацких попыток разгадать тайну.

Тем более, в прокате Никифорова к осени должны были появиться не меньше четырех безупречных двойных прыжков и это не считая каскадов. Виктор не привык к мысли, что у него что-то не получается и уперся — ему хотелось все шесть. И тройной в начале произволки, как свечку в торт.

Тройной тулуп у него имелся. Почти идеальный, отшлифованный до яркого блеска, выстраданный отбитыми боками и коленями, с не сходящими синяками. Витя прыгал его ежедневно, раз по десять на дню, все боясь что-то упустить, забыть какую-то невероятно важную деталь в исполнении. Стремился создать его таким, чтобы не стыдно прыгать даже в юниорской лиге.

Милка завистливо вздыхала, сдавшись после двух недель безуспешных попыток под

непрекращающиеся крики Якова, стремящегося прекратить произвол. Покивала понятно на его объяснения в различии катания юношей и девушек и продолжила вздыхать, но уже за бортиком. Гоша тоже пробовал, где-то с месяц, а потом плюнул, буквально. Отхватил леща от тренера и начал из-за чего-то грузиться.

А у Никифорова не ладилась дружба с риттбергером. Вообще. Вот ни на грамм. Даже пресловутый самый сложный лутц покорился за пять месяцев. И ему бы плясать от радости — пять из шести, это же восхитительно. Но он тихо бесился, а изредка и не очень.

Яков Давидович выглядел скорее довольным. Показывал снова и снова: либо сам, либо в замедленной записи, поясняя, что Витя делает не так. Советовал немного расслабиться.

— Видишь какое дело, Витёк, — он прихлебывал кофе из термоса и прикусывал наспех сбитым бутербродом. — У всех есть какие-то предпочтения. Толчковая нога там, опорная. Некоторые крутятся по часовой и ничего. Вот и тут, если любимые прыжки, то удаются при любой погоде, а бывает и так, — кивнул на перешнуровывающего конек парня, устроившегося прямо на льду. — Про лутц четверной слышал уж?

Витька кивнул. Еще бы не слышать, всем спорткомплексом гудели.

— Тулуп и сальхов простые, их еще в девяностые взяли. Казалось бы, дальше флип и риттбергер, как средней тяжести, ан нет. Я вон, флип терпеть не мог и ничего, смирился и катался с другими. Вот и ты...

Тренер договаривать не стал, ожидая, что его поймут и так. Понять-то поняли, только соглашаться не спешили.

Витька вычитал в одной из брошюрок в тренерской понятии «спортивная злость». Не когда ты кого-то вправду не любишь, нет. Дружишь, симпатизируешь, удачи желаешь сопернику. А потом он выходит на арену и творит что-то невообразимое, невозможное для тебя. И непонятно, то ли восхищаться, то ли злиться, раз сам так не можешь.

Японец прыгал все тройные, хотя и падал часто. Реже всего на столь же ненавистном Викторе акселе. Чуть чаще — на риттбергере. Вот и выходила чудная панорама чувств тепло-холодно. И время от времени гуглились спортивные новости. Так что когда Кацуки распределили на Кубок Санкт-Петербурга, Витька чуть не закричал от переполнивших эмоций. В его родной город, сам прилетит — это ли не удача?! На следующей тренировке он хвостиком ходил за тренером, заглядывал ему в глаза и печально-печально вздыхал.

— Да выкладывай уже, сил моих больше нет! — взревел Фельцман под вечер, а затем всмотрелся получше в сияющее честностью голубые глаза. — Впрочем, сам догадаюсь. Япощка твой?

Витя помотал головой возмущенно, мол, как вы могли помыслить!

— Нет! И не мой он.

— Уж да уж. Когда хоть любоваться пойдём?

— В последнюю пятницу августа короткая. Яков Давидович, пойдём же, да? — Никифоров тербил чуть короткие рукава толстовки, напрасно стараясь не выдавать ажиотажа.

— А что, не у нас будет?

— В «Спартаке».

Мужчина скрестил руки на груди, задумался на минуту и наконец определился:

— М-да, в «Юбилейном» бы лучше, конечно. Ну да ладно, устроим пацанам показательную.

Когда Юра мелким первоклашкой пришел в Ледовый дворец записываться в секцию, он думал только о том, как это будет круто. Засматривался на кубки в стеллажах, критически осматривал фотографии на стендах с соревнований и тренировок. Мужественный спорт, травмоопасный и идеально ему подходит — так он считал, напевая заевший мотив: «В хоккее играют настоящие мужчины, трус не играет в хоккее». Уже подбирал коньки.

Можно было бы подумать, что он увидел известного фигуриста и влюбился в катание — ничуть. В жизни все оказалось куда проще — места в секции закончились. Однако продолжался набор в фигурное катание. Юрочка заявил, что это для девчонок и ему не подходит, но после предложения перейти через пару месяцев куда ему больше хочется, неохотно согласился.

Вскоре начались занятия в младшей группе (в чем смысл их разделения, Юра до конца не понимал — занимались они часто одновременно, только уходили раньше). Мальчик познакомился с ребятами и с некоторыми умудрился сдружился. Иногда косился на парней чуть постарше, Витьку и Гошу, особенно когда те начинали придуриваться: чередовали вращение в разные стороны, пока у кого-то первым не закружится голова или катали сокомандников паровозиком вдоль бортов. Он фыркал недовольно, учился твердо стоять на коньках и рвался повторять за ними, так и продолжая время от времени поглядывать на расписание хоккеистов.

Пока однажды в выходной тренер не пришел в приподнятом настроении, подхватил ребят из обеих групп и отвез на каток на другой стороне Питера. Гоша говорил, что там сейчас проходит один из юниорских этапов Гран-При, и если ты не видел произвольные чемпионов своими глазами, то какой ты к чертям фигурист. Юра вертелся в пластиковом кресле на трибуне, не особо следя за программами. Даже когда погас верхний свет и ramпы направили на арену, он дергал за отросшие до плеч волосы Витю — дразнить его было куда забавнее. Тот вырывал пряди из детских рук и раздраженно обещал завтра же постричься. Собирался еще что-то добавить, но внезапно умолк и восторженно уставился на каток. Юра проследил за его взглядом.

На лед выходил невысокий мальчишка в черном костюме, японец, как объявили по мегафону. Задумчиво проскользнул по кругу, пару раз взмахнул руками, разминая, и замер в центре катка. Зал постепенно наполнила музыка и за мгновения до первых отзвуков пианино, фигура тронулась с места. Спортсмен, несмотря на еще не ушедшую детскую пухлость, двигался легко и свободно. Тонкие руки-веточки тянулись к зрителям, а плавные движения гибкого тела привораживали, заставляя задержать на себе взгляд. В какой-то момент он неуловимо улыбнулся публике и решительно взлетел, только и щелкнули лезвия об лед. Яков Давидович нагнулся к младшим из своих учеников и вполголоса стал пояснять его действия: «Тройной аксель из кораблика, а вот сейчас — каскад тройной тулуп-двойной сальхов. Видели ошибку — потерял равновесие на дорожке? М, весьма выразительная либела с переходом в полубильман. Попович, чтоб завтра повторил!»

Большую часть Юра не понял, хотя заметил, что Витька слушал чрезвычайно внимательно, впитывая каждое слово. И именно потому рассмотрел нечто иное: остальные спортсмены через половину программы катались как сонные мухи, выжимая последние силы и обливались потом. А азиатский парень, казалось, усталости даже не чувствовал, прыгая так, точно презрительно смеялся над способностями человеческого тела. Фельцман подметил его взгляд, согласно хмыкнул:

— И откуда в таком цыпленке столько выносливости? Если бы еще комбинированное

вращение не срывал и аксель чистый.

Плисецкий недоверчиво взглянул на тренера. Того, что показывал этот раскосый мальчишка мало?

— Все элементы как из учебника, прыжки неуверенные. С ним еще работать и работать.

Когда фигурист замер в финальной позе, группа не утерпела и вскочила со своих мест, хлопая с такой силой, что заболели ладони. Спортсмен раскланялся и сбежал в КиК**, только теперь позволив себе согнуться от усталости и задышать чаще. Озвучили баллы, но Юра не знал, какие они: высокие, низкие? Никифоров уставился на экран под потолком, торопливо повторяя имя выступавшего, словно хотел вызубрить наизусть.

Позднее, уже когда они пробирались к выходу, этот Витька пропал. Не то, чтобы его особенно жалко, да и не пропадет почти двенадцатилетний лоб один, но Яков отказался уезжать без него. Пока все столпились у автобуса, Юрка прошмыгнул через задний вход в здание и как раз успел заметить беглеца. Он притулился у стены и, когда фигуристы проходили мимо, осторожно дотянулся до темной олимпийки с японским флагом на рукаве. Молодой спортсмен неуверенно оглянулся и, увидев мальчика, что-то спросил. Наверное, по-своему или по-английский, раз Витя нахмурился. Но Никифоров не растерялся, протянул плакат и фломастер и, подглядывая в телефон (Юра узнал расцветку онлайн-переводчика), что-то сказал. Японец робко рассмеялся, совсем не зло, очень по-доброму и скорее удивленно. Присел, чтобы быть с Витей одного роста, кивнул. Подписал плакат, кажется, даже что-то нарисовал рядом. И легонько погладил по голове, едва-едва проведя пальцами по волосам. Витя солнечно улыбнулся, очевидно, поблагодарив, и проводил юношу взглядом, пока тот не скрылся в зоне для участников соревнований. Очень аккуратно свернул плакат, засунул в тоненькую папочку и только потом помчался к выходу.

Юрка с удовольствием бы поиздевался над старшим товарищем, припомнив по ходу поездки домой его фанатство, но мальчонку заняли другие мысли. На все эти ласточки-заклоны ему по-прежнему плевать с высокой колокольни, равно как и на каких-то там иностранных фигуристов. Но зато живо запомнилось как зал громко реагировал, особенно на прыжки: взрывался одобрительными криками или огорченным гудением, в зависимости от успешности выступавшего. Это звучало здорово. Даже интересно. Раззадоривало. Юрка с интересом обнаружил в себе азарт и желание помериться силами. Чуть подумав, он решил дать фигурному катанию шанс.

Примечание к части

*КМС – кандидат в мастера спорта.

** КиК – Kiss and Cry, уголок слез и поцелуев.

В каноне говорится, что Никифоров стал первым исполнителем флипа. Ли Сынгиль - первый, кто прыгнул 4-й риттбергер (2-й Эмиль Некола; Леруа утверждал, что Виктор прыгал его только на показательных). То бишь, по АУ они еще не взяты.

Поздравляю всех с отпусками и каникулами, сострадаю таким же неудачникам, заболевшим в теплые дни.

Часть 7

После лета Никифоров резко перестал разговаривать. То есть, он и раньше не являлся самым болтливым человеком — скорее, общительным. Но его всегда было много, в плане ощущений: стоило ему зайти в помещение, или хотя бы на огромную ледяную гладь катка, как невольно на него начинали обращать внимание. Или, скажем, подойдет к общающейся группке людей, спокойно постоит рядом и отчалит по своим делам, не проронив ни слова — а создавалось впечатление, словно сказал больше всех. Являлось ли подобное следствием Витиной живой мимики или ярких жестов — неизвестно. Однако когда он почти вовсе перестал раскрывать рот — это стало вызывать множество вопросов. Один из них хотелось бы задать последнее прибавление в семействе Ледового: какого хрена Юра не попал под ту категорию людей, которые наслаждались тишиной? Так как с ним-то Витя болтал за троих, отрываясь.

Разгадка для остальных пришла с неожиданной стороны — Попович забасил. Вернее, сначала забавно хрипел около месяца-другого, потом перешел в приличный такой баритон, а постепенно голос опускался все ниже. Заподозрившая недоброе Мила добралась и до Вити, подло поймав после тренировки и убедилась в его... да она понятия не имела, как этот тембр правильно называется! Но он оказался высоким. И тоненьким.

Парни на два голоса возмущенно отпирались, краснели и пытались смириться с мыслью, что это безобразие не навсегда. Получалось не очень. Яков хмыкнул, тревожно осмотрев мальчишек, и выдал четкие указания относительно диеты. И строго-настрого запретил разучивать хоть что-то новое, вплоть до угрозы моральной расправы.

— И теперь будете все элементы прогонять ежедневно. Оба.

Поначалу Витя удивлялся, негромко ругался про себя (тройной риттбергер издевательски помахал ему ручкой), а затем с потрясением обнаружил, что задыхается под конец тренировки. А к вечеру ноги хотелось отстегнуть и положить рядышком с кроватью. И недавно подаренные бабушкой школьные брюки, полтора месяца назад подметавшие полы, сегодня выставляли на всеобщее обозрение разноцветные носки.

Витька с тревогой бегал каждое утро к дверному косяку, царапинами отмечая рост. Прикидывал насколько вытянется еще, всматриваясь в институтские фотографии родителей, украдкой переводя дух — оба не являлись особо высокими. Полностью переучиваться прыгать из-за смещенного черт знает куда центра тяжести стало бы обидно. Да и вообще, со средним ростом в катании проще. Чай не парник, куда ему?

Фельцман, кстати, намекал: дескать, они с Гошей растут парнями видными и если есть желание, у него есть знакомая парница под их возраст, да и Милка подает надежды. Но ребята ясно видели, как мужчине не хотелось передавать никого из них в чужие руки, пусть бы и в родном спорткомплексе. Ну, Виктор не знал за остальных, а относительно самого себя давно решил — ему дорога только в одиночки. Все вокруг твердили, что его ждет светлое будущее и он бы не желал зависеть от партнерши, волноваться за возможность помарки со стороны другого человека. А так хоть все на виду — если лажаешь, то кто же виноват?

Ему бы только снова за тройные взяться. Когда спину перестанет так зверски ломить по вечерам.

В первых числах октября Никифоров планировал подбить Якова на второй туристический поход для клуба, где-нибудь поближе к Кубку Ростелекома. Правда-

правда, еще давно собирался. А затем, копаясь в мобильном и пытаясь одновременно с тем сложиться пополам на полу, резко выдохнул:

— Он перешел во взрослую лигу!

Юра недоуменно на него глянул и тут же раздраженно фыркнул, продолжая разминаться.

— Ну надо же, а внешне все такой же мелкий.

— Не тебе об этом говорить, — отмахнулся Витя и наконец уделил внимание собственной растяжке, откладывая телефон. — Интересно, мне нужно огорчиться или обрадоваться?

Юра вопросительно промычал. Не то, чтобы его интересовали всяческие заморочки питерца, но в утреннюю смену мало кто из детей занимался и собеседника выбирать не приходилось. Между тем у них с Никифоровым зрела небольшая москва-питерская война, сводившаяся пока к легкому поддразниванию над основными стереотипами. У Виктора имелся численный перевес в лице земляка Гоши, Юрка обходился наглостью, по-детски смешливой.

— Я надеялся встретиться с ним в следующем году на Гран-При и, если повезет, на чемпионате мира.

Ну конечно, Никифоров, со свойственной ему самоуверенностью рассуждал о соревнованиях международного уровня так, словно у него сорвалось свидание с девочкой из соседнего класса. Можно подумать, его бы допустили до них. Разбежался.

— Но с другой стороны, ведь взрослый ЧМ будет в Сочи! Как бы мне уговорить Якова взять нас туда? Или, возможно, он снова будет распределен на каком-то из этапов к нам.

Юра здорово сомневался, что тренер сочтет возможность поглазеть на японского фигуриста — достойной причиной для столь дальней поездки. Нет, Фельцман по-своему добр и заботлив к ученикам, изредка угощал народ с катка домашними фруктами и полностью разделял любовь ребят к катанию. Но вот к иностранному мальчишке — навряд ли поймет. Советская закалка, патриотизм и все такое.

— Для этого тебе нужно быть самым везучим человеком на планете, — абсолютно честно отозвался Плисецкий.

— Конечно! А я разве не такой? — засиял белозубой улыбкой Витя, которая смотрелась забавно на расцарапанном лице.

Все же иногда Юре хотелось его пнуть. Особенно когда Никифоров оказывался прав.

На московских соревнованиях на них с Витей напялили одинаковые синенькие костюмчики в облик, от которых все тело безумно чесалось. Они и еще небольшая группа ребят из других школ вызвались собирать цветы и игрушки с катка после каждого спортсмена и сдавать их сотрудникам, чтобы те уже отнесли выступавшим. Задача не сложная, зато во время выступлений их усадили на первые ряды, и от близости ко льду происходящее казалось сном. Почти все из них еще являлись детьми, ни разу не выступавшими в чем-то более значимом, чем внутриклубные конкурсы. Даже Витя с Гошей, самые старшие, с парой областных в кармане, имели право кататься в юниорах только со следующего года. Однако холодок от катка окатывал колени, а шорох льда под коньками спортсменов слышался совершенно отчетливо. Не было нужды поднимать головы на экран — выступление и так виделось в мельчайших деталях, вплоть до капель пота на лбу фигуриста и легкой дрожи в ногах перед четверными.

Сейчас Юра уже с легкостью отличал флип от лутца, еще по движениям в заходе на прыжок. Подмечал знакомые ссадины на ладонях, какие появляются только от удара о лед. И это создавало ощущение причастности ко всему происходящему. Несмотря на то, что он не выходил под музыку со своей программой, его уже нельзя назвать сторонним

зрителем. От такого что-то в груди отзывалось приятной дрожью.

Угадывать, когда настанет время осточертевшего за последнее дни японца даже не пришлось — достаточно было взглянуть на лицо Никифорова, которое работало точнее таймера. Вот мучительное ожидание прогорело, взорвалось в его глазах и он затих, скромно сидя на самом краешке кресла. Женский голос огласил имя и страну, привычно переврав ударения, а табло над ареной кратко показало турнирную таблицу и переключилось. Юноша у бортика настороженно размялся, выслушивая последние наставления пожилого японца и стройной девушки рядом, и устремился на лед. Нервно облизнул губы, одернул синий пиджак и застыл, тревожно вслушиваясь. Дождался звучания протяжных трелей и ослепительной вспышкой пронесся вдоль борта, набирая скорость, чтобы затем взлететь раз — и тут же другой. С изумлением Юра узнал тройной лутц и тройной же риттбергер. В первые секунды программы?! За его спиной возбужденно загудели, приветствуя решительный каскад. Спортсмен сосредоточенно смотрел перед собой, не отвлекаясь на зрителей и даже не думая сбавлять темпа, хотя казалось бы мелодия шла неторопливо — и прыгнул очередной тройной, на сей раз тулуп. Описал широкую дугу и прыгнул вновь, сальхов в связке с акселем, наверное. Точнее Плисецкий сказать не мог, так как юноша не удержал равновесия, коснувшись льда на миг рукой и сбив настрой перед заключительной частью комбинации. Едва уловимо выдохнул, прикрыв на миг глаза, расслабляясь, и унес себя в изящное вращение. Продолжил набор сложными элементами, катаясь внешне расслабленно, но...

Юра заторможено оглянулся на сокомандника. Что-то было не так, в прокате словно недоставало какой-то части. Необходимой связующей для всех этих компонентов, по отдельности, может быть и красивых. Виктор смотрел во все глаза в полнейшем ошеломлении. Пытаться сейчас у него выяснить, что происходит — бесполезно.

Их подзывают и они вместе с другими детьми уже толпятся у выходов на каток, дожидаясь последних секунд. Фигурист взял себя в руки, показав невероятную по сложности программу. На данном этапе — прямо-таки поразительную техничность, о которой у него даже не подозревали.

И без чужих подсказок, Плисецкий понимал — баллы будут высокими. Запредельно. На катке смолкает музыка, чтобы зал мог разразиться овациями. Японец обмирает на секунду, колени его подводят и он падает как подкошенный, обливаясь потом. Нахмуривает брови и поднимается, собравшись с силами, улыбается зрителям и поднимает пару цветов из наиболее близких.

Юрка быстро осмотрелся и набил руки букетами и прочими плюшевыми сувенирами, попытался перекинуть все разом через довольно высокий бортик. И тут же испуганно ахнул, приподнятый чужими сильными руками на полметра в воздух. Пораженно оглянулся на фигуриста, успокаивающе ему улыбнувшегося, и послушно сбросил ворох вещей за ограждение, после чего его чрезвычайно аккуратно опустили. Японец осторожно вышел со льда, притормозив на минуту чтобы надеть защиту, судорожно вцепившись белыми пальцами в пластик борта, и ушел к ликующему тренеру. Мальчишка только сейчас начинает злиться, пытаясь понять: какого сейчас вытворил этот...? Но внезапно пришедшая мысль выбила все негодование из головы. Он оглянулся на Никифорова, сейчас усердно прятавшего разобиженный взгляд, и расплылся в ехидной улыбке.

Кацуки в тот день забрал золото, улучшил собственный рекорд, впервые набрав за технику фантастические для него баллы. Но на церемонии награждения стоял хмурым,

хотя и отчаянно пытался это скрыть.

Никифоров промучился противоречивыми думами весь вечер и часть ночи, а затем остался в Москве, уговорив юриного дедушку приютить его еще на несколько часов. Заранее сбежал к стадиону и взволнованно караулил у черного входа, а затем окликнул подошедшее японское трио, изо всех сил стараясь ничего не перепутать и произнести максимально четко непривычные японские фразы. В конце концов сдался и, пунцовея лицом, протянул недоумевающему фигуристу сложенный пополам тетрадный лист. Витя мельком подумал, что происходящее напоминает дурацкое аниме, ему еще только юбочки не хватает и чтобы ветер растрепал волосы — иначе бы полное попадание в образ. И, убедившись, что Кацуки разобрал его торопливую фразу, для верности продублированную на английском и японском, сбежал в прохладный лабиринт метро, шалея от собственной дерзости.

«Мне бы очень хотелось увидеть, как вы катаете то, что вам действительно нравится, Кацуки-сан!»

Показательные Витя посмотрит уже дома, едва успев на поезд в Питер. Включит запись трансляции, искусавав все губы от нетерпения, и восторженно заорет. Японский фигурист выбирает задорную песню на родном языке, скорее всего что-то из бессмысленной попсы. Меняет безликий костюм на абсолютно хулиганские джинсы и легкую футболку, в которой наверняка чертовски холодно на катке. А во время проката в уголках его губ нет-нет да и мелькнет шальная улыбка. Тот неуверенный огонек, просвечивающий через толщу неуклюжего детского катания, подмеченный Витей в чужих движениях, чуть не потухший в конкурсных программах, вдруг засиял ровным огнем. Японец скользит так невесомо и свободно, как еще никогда прежде. Именно такое зрелище мечтал увидеть в столице Виктор, ради этого погнался в другой город.

Плисецкий шугается его лица на катке все утро, в сердцах назвав «въебавшимся фанатом». Витя пропускает мимо ушей оскорбление, хотя и любопытничает, откуда тот узнал подобные выражения. Юрка в ответ смотрит на него как на дебила. Ах да, как же: Москва, дитя улиц.

А через неделю Никифоров видит в интернет-издании заметку о том, что молодой медалист, сменивший музыку для показательной за день до выступления и полностью переписавший программу, покидает финал Гран-При с шестым местом и расстается со своим тренером.

Примечание к части

Если кому-то любопытно, что натолкнуло на мысль о последней сцене, то вот оно (Показательная Ханю в Москве, после того, как на этапе ГП взял золото):

<https://www.youtube.com/watch?v=U18fbPP1rsU>

Часть 8

Под конец зимы Виктору передали атрибуты кандидата в мастера спорта. Не обошлось без бюрократических проволочек, как иначе-то, но Яков отмахнулся — отдали и ладно. Небольшая бордово-красная книжечка вкусно пахла бумагой и свежей кожей, с трудом раскрывалась до конца и хрустела при этом. Гоша вертел в руках такую же, и мальчишки с удовольствием сравнивали практически идентичные удостоверения. Сбежав в раздевалку, нацепили значки на воротники ветровок и толкались у зеркала. Милка кружила рядом и пыталась тоже потрогать, сокрушаясь, что родилась позднее на несколько месяцев.

В радостном возбуждении парни провели последние каникулы, а затем их мгновенно впрягли в работу. Юношеское Первенство и Кубок России навязчиво маячили перед носом и если они собирались заявить о себе на весь мир, то время пришло.

Каток неуловимо наполнился людьми, смутно казавшимися когда-то и где-то знакомыми, но без конкретных имен и лиц. Почти из ниоткуда воссоздавались основы программ, которые, конечно, можно крутить и менять по мере разучивания. Музыка, в целом приятная, но ничего не цепляющая. А Виктор только и мог вертеть головой, наблюдая за хороводом вокруг, позабыв о всяком желании спорить. Когда бы, если до полудня погибаешь у балетного станка, в перерыве торопливо обедаешь и тут же на лед, где Яков тиранит и мочалит так, словно искренне ненавидит тебя и всех твоих родственников до седьмого колена. Еще и успеть на примерку костюма как-то надо.

Попович изредка ныл в раздевалке о их нелегкой судьбе. Витя может и последовал бы его примеру, если бы не проваливался в сон всякий раз, когда его оставляли в покое. Он всегда считал фигурное катание тяжелым спортом, но только теперь осознал — насколько. Весной не оставалось сил ни на что, лишь бы доползти от дома до Дворца, от катка до постели. Выжить на тренировке, когда ноги сводило судорогой, и воздух в легких казался раскаленным, а необходимо вставать и прыгать-прыгать-прыгать.

В редкие дни отдыха Виктор просто валялся в кровати, растекаясь по ней в блаженстве. Обнимал Маккачина и извинялся перед другом за то, что их встречи стали такими короткими. Пересматривал на экране мобильного московскую запись, замороженно следя за сложнейшими вращениями и разящими дорожками, пытаюсь представить: а сколько Кацуки вложил труда в свои прокаты? Как много он времени проводил на льду или тренажерном зале, чтобы его движения казались обманчиво-легкими и будто не требующими усилий. Переворачивался на спину, уставившись в побеленный потолок и понимал — много. Несоизмеримо много.

Однажды вечером Витя пересекся с отцом. Редкий случай, когда работа и спортивные занятия позволили им обоим поужинать вместе. С телевизионным гулом на фоне, он рассматривал незаметно постаревшее лицо папы и будто помутневшие серые глаза. Внезапно тот отвлекся от собственных мыслей, взглянул на сына и устало улыбнулся.

— Ну что, Витюш, как дела в школе, на катке?

Мальчик пожал плечами, отпивая чай с молоком.

— Неплохо. Зимние сдал без троек. А с Гошей и дядь Яшей второго уезжаем на соревнования.

— Куда на сей раз?

— Сначала Новгород, до шестого. Потом в Саранск, примерно так же.

— Накатаешься ты будь здоров, — присвистнул мужчина, склонив голову набок и приложив задумчиво пальцы к губам. — Тогда Макку в следующее воскресенье Лидии

Георгиевне отвезем. У меня тоже поездка намечается, во Владимир.

Витька кивнул. Бабушке можно доверить кремлевские часы вместе со звездой над ними, она сохранит.

И в понедельник трясся в поезде, позевывая. Попович с Фельцманом уже успели закутаться в одеяла на нижних полках и сладко засопеть, а вот ему не спалось. Без Бабичевой уезжать казалось странным, привыкли всегда путешествовать квартетом. Хотелось позвонить и извиниться, хотя и не за что вроде. За окном медленно пробуждался розовый рассвет, а мерное легкое покачивание усыпило и его.

Кубок России пролетел незаметно, отпечатавшись в памяти только парой запомнившихся моментов, но, в общем, стерся довольно быстро, не отличаясь от других соревнований. Да, масштабнее и многолюднее, а лица вокруг знакомые — встречались либо на областных, либо на московских. На жеребьевке Никифоров невозмутимо сидел в спортивном комплекте (приобретать выходной костюм не имело смысла — безумные темпы роста не снижались), а вокруг вышагивали изящные девушки в платьях под руку с юношами в строгих рубашках, почти сплошь парники и танцоры. Во время разминки парни постарше вполголоса обсуждали голубовато-белый образ Виктора, не особо скрывая веселья. Витя тоже не стал смущаться, открыто улыбнулся им в лицо, когда на табло высветилась сумма баллов, бьющая всех присутствующих на голову. Зато Гоша затаил обиду, перенервничав во второй день и заняв лишь четвертое место. С этим тоже нужно было что-то решать, так как сезон закончится, а с Поповичем еще на одном катке тренироваться. Но Георгий показал себя лучше, чем Витя поначалу на него думал, что одновременно стыдило и радовало — он перебежал ко второму тренеру и в ударном режиме начал подготовку к следующим отборочным. Даже на пару с Бабичевой пожелал удачи в Гран-При.

И происходящее казалось удивительным. Виктор на цыпочках обходил квартиру, трогая все вокруг, словно пытался впитать в себя суховатую и теплую атмосферу дома перед отъездом. Не верил до конца, что скоро отправится на международные соревнования. В первый раз за границу и сразу с туром по Европе: Острава, потом Таллин. И если очень-очень повезет, если все-все получится — на Лазурный берег Марселя.

Два российских кубка после некоторого размышления заняли место на крышке пианино, потеснив горшки с цветами. Виктор позволил себе немного ими полюбоваться, наслаждаясь робким еще торжеством, пробуждающимся чувством гордости в груди. Сжал в кармане крышку мобильного, на котором недавно листал сводки спортивных новостей и решительно нахмурился. Гоша может сколько угодно изображать оскорбленную добродетель, но Виктор никому бы не отдал выцарапанные награды. Да, они оба старались и трудились, но это не его вина, что у кого-то получилось лучше.

В Чехии боевой настрой чуть дрогнул. Никифорова окружили совершенно незнакомые люди и чужие стены, захлестнуло новыми тревожными ощущениями. Особенно ударило по уверенности то открытие, что вокруг не говорили ни слова по-русски. Чешский звучал очень похоже, слух улавливал сходные корни, но они произносились до того причудливо и быстро, что уловить смысл становилось не так легко. В спорткомплексе, к ужасу Виктора, большей частью присутствовали иностранцы, и все общались на английском. Школьного курса отчаянно не хватало, а обычно с легкостью запоминающий новые фразы ум сдался после первого же десятка.

Ситуацию спасал Фельцман, ставший истинно незыблемым маяком стабильности в

океане страстей. Он спокойно вел беседы с комитетом и небольшим количеством прессы, ими заинтересовавшейся, на четком британском. Перевел Витины часы на местное время, выписал расписание для парней-одиночников и заставил вызубрить как «Отче наш», чтобы случись чего Виктор знал, где и когда обязан быть.

Утром перед короткой Яков заметил дрожащие пальцы подопечного, натягивающего одежду излишне медленно, и обматерил на чем свет стоит. Громко, не сдерживая голоса, на исконно-русских выражениях, которые наглецу Плисецкому и не снились. Никифоров слушал, разинув рот, с таким восторгом, открывая для себя новую черту сроднившего тренера. Чувствовал привычное, родное — точно никуда с питерского катка и не уходил, и иррационально успокаивался. Дядя Яша давно знал, что иногда Витю необходимо метелить почем зря, иначе дурь из головы не выбить. На тренировках сдерживался, предпочитая иной подход, возвращая в спортсменах сознательность, а теперь понял — надо давить, сам Витя не справится.

Перед короткой фигурист внутренне подобрался, насколько смог. Зачесал длинные волосы в тугий высокий хвост, затянул шнуровку и поправил костюм. И вышел на каток, разом успокоившись. Рядом скользили иностранные спортсмены, трибуны переговаривались на всех языках мира и на них уставились десятки камер. Но кое-что, помимо Якова Давидовича, оставалось неизменным.

Лед был во всех отношениях таким же, как в привычном Ледовом Дворце. Коробка имела точно те стандартные размеры, что и каждый каток, на котором Виктору пришлось побывать. Даже бортики казались похожи, увешанные малопонятной рекламой.

Расслабиться оказалось проще, чем он думал поначалу. Стоило только прикрыть глаза, не обращая внимания на публику, и вслушаться в строгое напутствие тренера, представить — это обычная тренировка. Он сейчас откатает въевшиеся под кожу движения, а из-за борта заорет что-то недовольное Юрка, Милка посмеется с другого конца площадки и прыгнет к нему Попович, в духе: отойди, сейчас я покажу как надо.

Виктор улыбнулся и направился к центру арены. В теле гудело предвкушение.

Он выполнил короткую на отлично. Дорожки и проклятые вращения казались идеальными. Чуть запнулся на выезде из ненавистного тройного акселя, исправился на лутце и дождал во второй половине каскад флип — тулуп. Показал результат лучше, чем в России, но по промежуточным итогам занял третье место.

Виктор потрясенно молчал всю дорогу до отеля. Как, вот как можно кататься еще сильнее?! Дома никто даже близко не мог подобраться к его баллам, а здесь... «Тут тебе не там, Витек». Шестнадцатилетний китаец и мальчишка из Швейцарии наглядно показали — не суди по родине весь мир, на ней свет клином не сошелся. Эта, в общем-то, очевидная мысль прежде не приходила ему в голову и теперь прочно в ней укоренилась.

На третьем месте далеко не уедешь, даже если получится удержать его завтра. А еще второй этап и плакал финал. Прости, Гош, бахвалился и не смог.

Под душем Витя вцепился в волосы и резко дернул, до боли, коря себя за упаднический дух. Ничего пока не кончено, разрыв между золотом и бронзой составлял пять очков с копейками. Опускать руки нельзя ни в коем случае, все решаемо.

Под бдительным взглядом Фельцмана он устроился за столом с блокнотом и телефоном, просматривая собственную произвольную с Кубка России.

— Яков Давидович, как мне сократить разрыв? Я хочу поменять прыжки.

Тот, кряхтя, пристроился рядом, заглянул в исписанные листы. Нахмурился:

— Аксель не трогай, ты не вытянешь его во второй половине, как и лутц. Но вот

третий каскад можно и взять, — отобрал ручку и набросал несколько вариантов. Обвел самый эффективный. — Идем утром и смотрим, какой потянешь. Осилить — будут тебе шесть баллов сверху. А нет — так смотри, Вить, бронза лучше, чем ничего.

Мальчик кивнул, запоминая комбинации. Повторил на полу номера несколько раз, чтобы тело запомнило и свалился на кровать. Голова слегка гудела, ровно как и ноги. Услышав как на соседней кровати укладывается тренер, отвернулся, доставая из рюкзака наушники.

— Долго не сиди, не выспишься — сразу можем уезжать, — наказал Яков перед сном.

На Ледовой арене мандраж накатил с новой силой. На открытом прокате тряслись уже не только пальцы, а лед словно самовольно выезжал из-под коньков. Витя последний раз столько падал в далекие восемь лет. И ему постоянно казалось, будто на него направлены взгляды каждого в помещении, и все шепчутся о нем, посмеиваясь. Это выбивало из колеи и, на удивление, немного злило.

Яков пригрозил отменить тренировку, если сие безобразие продолжится и, худо-бедно, фигурист собрался. Несколько раз прогнал новую версию произвольной и чуть расслабился, убедившись в своих силах. Даже попробовал любезно улыбнуться корреспонденту местного телеканала, очевидно, зря, так как тот резво направился к нему с намерением взять в оборот молодого русского спортсмена. Фельцман тут же оттеснил его от подопечного, согласившись ответить на пару вопросов.

Украдкой вздохнув, Никифоров прислонился к бортику, теребя в ладонях кончик хвоста. И услышал за спиной чуть слышный выдох:

— Wow, chéri fleuron! *

За ним наблюдал другой фигурист, показавшийся весьма смущенным тем, что его заметили. Чуть поколебавшись, он робко улыбнулся и подъехал ближе, также облакачиваясь на бортик.

Никифоров вернул приветствие, и, не желая показаться невежливым, с усилием воскресил в памяти багаж слов, причем больше почерпнутый не из учебников, а интернет-форумов.

— And what should I say in answer? **

Мальчишка удивленно приподнял брови, видимо, не ожидавший от него попыток завести беседу, но с явным удовольствием продолжил, также переходя на английский:

— *Редко вижу кого-то, говорящего по-французски. Не самый популярный язык.*

— *Я им тоже не владею, но ты использовал распространенное выражение.*

— *Оу, это было недоразумение. Не хотел тебя обидеть. Виктор, верно?*

Собственное имя в чужом произношении звучало непривычно, превратившись в занятное *Виктор*. Но собеседника окликнул тренер и он с сожалением махнул рукой, ускользнув на другую половину катка. Запоздало Витя припомнил, как его звали — швейцарец Кристоф, располагающийся на строчку выше в рейтинге. Чуть проследив за ним, он решил, что, наверное, тот неплохой человек и они могли бы еще пообщаться. Только стоит научить его правильно произносить «*Виктор*».

Перед произвольной он успел умыться и прохладная вода несколько успокоила взбудораженные эмоции. К чему лишние нервы? В конце концов, он просто сделает все, что сможет.

Вновь выйдя на каток, Виктор постарался максимально сконцентрироваться. Прогнал в голове компоненты, напоминая очередность и проследив за жестикуляцией. Он

намеренно изменил только прыжки — иначе бы пострадала хореография и интерпретация. Черт его знает, как воспримут чешские судьи другую версию, не хотелось рисковать попусту.

Сделал круг, привыкая к ощущению льда под ногами и простенький одинарный аксель, чисто для настроения. Минута перед включением музыки подошла к концу и он принял позу в центре. Тело среагировало быстрее разума и под первые мотивы само начало двигаться. Пока руки описывали изящные жесты, Виктор судорожно пытался понять — не рано? Он же не выдал фальстарт? Усилием воли задвинув звоночки паники, скользя в легком пируэте, плавно набирая скорость. Открывал программу его сильнейший каскад: тройной лутц с тройным тулупом. Внимательно вглядываясь назад, подобрал момент и прыгнул, еще в воздухе почувствовав, что элемент вышел удачным. Абсолютно не задумываясь, сразу как опорная нога коснулась поверхности, бросился в тулуп, следя за собственным положением. Расслабился только на выезде, удивляясь, как аккуратно все вышло.

Размеренной дорожкой расчертил каток, собираясь перед акселем, но отвлекся, не уследив за всеми деталями как должно. Выставил вперед руку, не дав себе завалиться и тут же оттолкнулся, восстанавливая равновесие. Затопила обида — самый ценный прыжок теперь выйдет со штрафом, но уже поздно горевать. Впереди еще шесть и их необходимо выполнить идеально. Он вслушался в мелодию, пользуясь ее замедлением для того, чтобы восстановить дыхание. Пластично изогнулся в кораблике, перешел на нужное ребро, срываясь во флип. Любимый элемент не подвел, вернув уверенность и внутреннюю гармонию. А затем пришло осознание — сейчас или больше никогда в этом сезоне.

Заканчивалась первая половина и именно здесь находился тройной лутц, второй по стоимости. Если сделать его позднее, всего на сорок секунд — пойдет прибавка за усталость. Яков будет ругаться, очень, зная Витины пределы стойкости.

Чувствуя себя непроходимым идиотом, Виктор пододвинул вращение в плане, уходя в него раньше срока. Сейчас, совсем скоро ритм изменится и можно будет вставить лутц между другими. Дождавшись, почти сразу, без перехода прыгнул тройной тулуп, осознавая — зря. Перед глазами путалось, вестибулярный аппарат не успел вернуть стабильность и приземляться пришлось на обе ноги. Сжав зубы, он выругался про себя. Но главное — удержался, падение вышло бы страшнее. Выстраданный лутц послушно себя показал, как и двойной каскад. Оставались последние два прыжка, но Виктор уже задыхался, не в силах вдохнуть полной грудью. Мышцы почти не чувствовались, а ноги потеряли значительную долю чувствительности. Он не ощущал тела, управляя им на одних инстинктах. На спине костюм противно прилип к коже, вниз соскользнул пот, почти сразу впитываясь в ткань.

Никифоров прикусил язык, чтобы поддержать сознание в ясности. Напряг остатки выносливости и выполнил тройной каскад, чудом умудрившись не сорвать заключительный двойной тулуп. В этот момент он от всей души ненавидел собственную музыку, умоляя ее закончиться побыстрее, иначе ноги не выдержат и он рухнет прямо сейчас под взглядами судей. Едва различая звуки от шума в ушах, сжал кулак в драматичном жесте сильнее чем требовалось, впиваясь ногтями в ладонь. Пережил последний двойной аксель, вымучил ровную финальную позу, застыв в ней точно на секунду и сломался. Выжатый абсолютно до суха соскользнул на лед. Воистину, обжигающий холод показался ему райским наслаждением. Сделав пару глубоких вдохов, заставил себя подняться и торопливо раскланялся болельщикам. Скользнул к выходу и рухнул в горячие руки Якова, вовремя его подхватившие. Тот затряс его, шепча на ухо:

— Давай, Вить, не умирать. Рано еще!

Вдвоем они преодолели несколько метров до диванчика в уголке для слез и поцелуев и благополучно упали на него, под добрые смешки операторов.

Кажется, Виктор отключился на пару минут от окружающего мира, потому что тренер встряхнул его, указывая на экран. Цифры расплывались. Никифоров точно помнил, что за короткую у него семьдесят шесть баллов. Прищурившись, он разглядел сто шестьдесят три и четверть. Мозг сосчитал быстрее компьютера. В сумме без долей выходило двести сорок чертовых очков.

Виктор закрыл глаза. Вот и все. Больше он ничего изменить не в состоянии. Дальше катался Кристоф и китаец, то ли Чен, то ли Чоян. Джакометти как раз снимал защиту с лезвий, затем оглянулся и показал большой палец. Витя улыбнулся. И решил, неважно какими выйдут сегодняшние результаты, обменяться с швейцарцем контактами в соцсетях.

Виктор обогнал их на полбалла. Точнее, на ноль целых и сорок девять сотых. Поначалу даже поверить не мог, просто зажал рот руками и шокировано всматривался в турнирную таблицу. Знал, если отпустит руки — заорет от восторга, а вокруг камеры, неприлично. Их мгновенно окружила толпа, выкрикивая что-то на английском, чешском и еще черт знает каких языках, они все равно смешивались в единообразную какофонию.

Более менее способность связно мыслить вернулась лишь к вечеру, ровно перед самой церемонией награждения. Стоя перед тяжелой шторой, в коридоре у переполненного катка, Витька в ужасе вцепился в рукав тренера:

— Дядь Яш, а что делать-то?!

Тот внезапно подавился словами, расхохотавшись. Никифоров так не трясся перед соревнованиями, как сейчас. Утерев слезы, Фельцман толкнул его вперед, бросив напоследок:

— Гимну вслух не подпевай и все обойдется.

Ничего не обошлось, вот ни фиги. Витя позабыл нагнуться на вручении медали, не среагировав даже когда судья тактично кашлянула. Кристоф — святой человек! — дернул его за локоть, намекая. Пока играла незабвенная «Россия священная наша держава», уши Никифорова полыхали ярче Олимпийского огня.

Затем их все-таки отловили журналисты, бескомпромиссно приперев к стенке. Но к счастью среди их полчища нашлась одна россиянка, и Виктору не пришлось краснеть снова. Осторожно подбирая слова и внимательно следя за реакцией тренера, он отделялся общими: «Понравилось, сложно, постараюсь еще».

Распрощался с Джакометти, взяв с него обещание порвать «как tuzik grelku» всех в Дрездене, чтобы вновь сойтись во Франции. Уже в аэропорту залез в интернет, хмыкая над собственными фото и забавными прозвищами, которыми наградили чехи полюбившегося им русского мальчонку. Милка и Гоша, паршивцы, прислали смс, что чуть не померли от хохота во время трансляции.

Затем вдруг замер, осененный идеей. Снова залез в сеть дабы проверить и оказался прав.

Он напрочь позабыл, что Финал юниорского Гран-При и взрослого проходит на одной арене. Более того, в общие дни! И Виктор пребывал в абсолютной уверенности, что Кацуки уже прошел национальные.

Фигурист уткнулся носом в рюкзак и едва слышно застонал. Наивное сердце пыталось вырваться из груди.

Примечание к части

* — Вау, какой милый цветочек!

** — И что я должен ответить?

Часть 9

Виктор пропустил первое сентября. Будучи в Острове, это событие ускользнуло из его внимания, и вот теперь, в Питере, обнаружилось. Не то чтобы он часто его посещал, Витя вообще не помнил точно, когда последний раз присутствовал на школьной линейке. Но толпы школьников в белых рубашках или платицах и колышущееся море цветов создавали определенного рода настроение. А у Вити соревнования: Гран-При, Чехия, вон, через месяц Эстония. И не одиноко ничуть, успело стать обыденным.

Медаль пришлось принести на каток, иначе бы его удавили. Все вертели в руках, рассматривали со всех сторон, передавая друг другу, и только после окрика Якова вернули владельцу. Уже дома Витя замялся, не особо представляя, куда ее пристроить — и накинул на один из кубков.

После пристал к тренеру с вопросом о второй программе: как же, самовольно поменял композицию — а где все? Ждал, когда Фельцман начнет ругаться, еще в самолете ждал, но тот лишь пожал плечами. Мол, что с тобой сделаешь, если такой больной, то и катай как хочешь.

И Виктор стал ее повторять на домашнем льду, из раза в раз поражаясь, как сумел выдать экспромтом на соревновании. На адреналине вылетел, не иначе, потому как в Юбилейном он издыхал к четвертой минуте. Растекался по катку, обессиленный, и ловил удивленные взгляды друзей. Яков злорадствовал помаленьку, явно отыгрываясь за этап, но поглядывал при этом строго: «Сам вызвался — сам и тяни!». Виктор намек понимал с полуслова, стискивал зубы и поднимался на очередной прогон.

Через пару недель во Дворец заглянула парочка смутных личностей с камерой наперевес. Попытались пристать к Гоше с сомнительными предложениями рассказать немного о сопернике и тренере, но Попович показал, что не лыком шит и послал их прямым текстом. В следующий свой приход они напоролись на Фельцмана.

— Ну, налетели, коршуны! — помрачнел он, едва усмотрев журналистов на катке. Потом подтянул Никифорова за капюшон поближе, инструктируя. — Этим ни слова. Ничего не знаю, мне на тренировку пора, на электричку опаздываю и все в таком стиле. Перевернут и будешь ходить как оплеваный. Рановато тебе еще для прессы.

Витя понятливо покивал и старался более не отвлекаться. К пристальному вниманию он успел привыкнуть, хотя камера продолжала нервировать, в частности, когда записывала особо эпичное падение с акселя. Касание на нем на произвольной и запоротый выезд на короткой ему тоже не простили.

За пару дней до отъезда на каток занесли опечатанную коробку, сплошь оклеенную логотипами почтампа. Повсеместный осмотр и пальпация к разгадке не приблизили. Только Юрка, проходя, уточнил, не тикает ли? Фельцман разогнал консилиум и, бурча под нос: «А чего уж сразу к Рождеству не прислали?», вскрыл посылку. Окликнул:

— Варвара-краса, поди-ка сюда!

И вытряхнул Вите в подставленные ладони форму: синюю, с белыми вставками. С флагом на рукаве и вязью «Russia» во всю спину. Мальчишка поначалу недоуменно вглядывался в одежду, а затем вздрогнул и сжал в руках.

На этапе Гран-При многие спортсмены ходили в олимпийках с родной символикой. И все же большей частью это были старшие ребята, не раз выступавшие на чемпионатах, кого спортивные новости знали в лицо и чьи фамилии уже гремели на весь мир. А тут... Витя.

— Чего застыл? Ты теперь страну представляешь, Никифоров. Лучше примерь, вдруг мала.

Не каток уже, не город даже — страну. Пальцы задрожали, и Витя поспешил натянуть куртку прямо поверх тренировочной футболки. Штаны просто прислонил, смеряя длину. Фельцман солидно кивнул.

— Чуть великовата, ну да и к лучшему. Рукава попроси кого-то подшить и брюки.

Складывая вечером вещи к отлету, Витька не сдержался. Нацепил форму, подогнанную сестрой под его размер, и собрал волосы в высокий хвост, как обычно делал на прокатах. Разглядел детали: герб на левой части груди, триколор на рукаве, обрамленный золотой нитью, и, конечно, широкую надпись сзади. Покрутился перед зеркалом, словно тайком, и улыбнулся отражению.

На втором этапе уже не тушевался, шел следом за тренером с прямой спиной и ровной осанкой. Начал прислушиваться к разговорам вокруг, с интересом осматривал соперников. Заметил как итальянский парень на открытой тренировке проводил его недовольным взглядом, сразу после каскада из тройных флипа и тулупа. Посмеялся над задумчивым свистом канадца, игнорируя малопонятную шуточку про леди.

А в Питер приехал четвертым. Всю дорогу помалкивал, углубившись в собственные мысли, напрочь игнорируя и навязчивую прессу, и осторожные переглядывания других пассажиров, ставших узнавать спортсмена. Яков пожал плечами, мол, не каждый раз должно везти, и прокат может просто не получиться — такое случается и никто не застрахован. Подброешил до квартиры, напомнив о тренировке.

Через несколько дней отзвонился Кристофф с серебром из Германии, на смеси трех языков посочувствовал и от души согласился, что неким чешским фигуристам давно пора во взрослый тур, а одному конкретному Леруа просто стоило бы проваливать. И порадовался, что баллов хватает для финала.

Виктор завершил разговор и свалился на диван в гостиной, блуждая взглядом по стенам, пианино и запнулся на кубках и медалях. Подчинившись порыву, затолкал олимпийку в самые дальние недра шкафа. Маккачин тоскливо завыл из угла комнаты. Мальчик обнял пса, привычно уткнувшись в его шерсть носом и глубоко вдохнул. В начале зимы финал, предстояло еще столько всего сделать, научиться, исправить. Но руки опускались.

После очередного выматывающего вечера Витя провалился в сон без сновидений, чтобы через несколько часов проснуться от настойчивого гудения мобильного. На экране уже высвечивалось несколько пропущенных звонков и сообщений от приятелей с катка. Разозлившись, он растер глаза и щелкнул по последнему. Мила кричала капсом:

«Немедленно включай трансляцию, гад, или завтра тебе не жить!»

Недоумеая, Витя начал просыпаться. Обычно она не ругалась, да и опечаток не делала. Мальчик прочитал предыдущее смс: *«Просто включи эту гребаную трансляцию. В Америке твой японец сносит башни»*.

Никифоров подскочил прямо в постели. Первый этап взрослого Гран-При! Он же его караулил который месяц! И позабыл в тот самый день.

Ругаясь спросонья, выбежал в зал, подключая ноутбук к плазме. Пока устройства загружались, успел побрызгать в лицо ледяной водой и натянуть свитер. Открыл новостной сайт и прокрутил запись до непосредственно начала чемпионата. Затаил дыхание.

На шестиминутном прокате перед выступлениями группы Кацуки выделялся мрачным костюмом, значительно отличающемся от его прошлых. Сосредоточенно чеканил дорожки и разогревал мышцы. Камера выхватила крупным планом высокую стройную женщину, со строгими чертами лица рядом со льдом. Виктор мельком удивился, не наблюдая привычного наставника, тренировавшего Юри все эти годы.

Комментатор также это подметил:

«Японский фигурист, Кацуки Юри, выступает с музыкой из мюзикла „Отверженные“, под руководством своего хореографа — известной балерины Минако Окукава. Напоминаю, что по окончании прошлого сезона спортсмен расстался со своим тренером по причине некоторых разногласий и до сих пор тренируется самостоятельно. Посмотрим, что он сможет нам представить.»

Фигурист обменялся крепкими объятиями с женщиной и, не раздумывая, отправился на позицию: встал на колени, устремив взгляд в небо. И начал прокат.

Комментатор сокрушался потерей формы спортсмена, профессиональный взгляд Виктора подмечал и неуверенные прыжки, и откровенно слабые вращения, в один миг потерявшие центровку, да и в общем программа сильно сбавила в элементах, особенно в сравнении с прошлой Москвой. Но, глядя на Юри, Никифоров ни за что бы не вспомнил о каких-то ошибках — он завораживал. Очевидно, отбросив идею гнаться за техникой, Кацуки сосредоточился на артистической составляющей и словно впервые вдохнул полной грудью, разворачивая весь свой арсенал, показывая всю свою художественную одаренность. Он не катался — он играл, рисовал спектакль, без слов повествуя историю борьбы. На почти три минуты арена в далекой Америке и один юный спортсмен в пустой квартире забыли, что необходимо дышать. И синхронно закричали в восторге по окончании программы, не в силах сдержать эмоции.

Голос за кадром негромко выругался, тут же извинившись и попытался рационально прикинуть баллы выступавшего. Но зачем? Все и так очевидно.

Кацуки Юри проиграл всем присутствующим на этапе по технике. И порвал к чертям все существующие шаблоны в оценках за интерпретацию. В комментариях под видео люди надрывались: *«И это он поставил сам?! Без тренера?! В одиночку?! Как, мать его?!!»*

Витя закрыл лицо ладонями, не понимая чего ему хочется больше: разреветься или запрыгать от радости. Подчинившись порыву, сорвал с вешалки пуховик и умчался на пробежку со счастливым псом, проблуждав по пустынным улицам и встретив рассвет на Невской губе. И приперся в Юбилейный прямо в национальной олимпийке, гордый и злой.

На следующей тренировке зевали всей компанией. Гоша вполголоса материл разницу во времени с Детройтом. Фельцман покрикивал, чтобы не расслаблялись, и отрывался на воспрянувшем Викторе. Тайком тоже зевал в кулак и хлебал кофе из термоса.

Витя смотрел на них и думал: ну кто еще не будет спать две ночи подряд, только чтобы посмотреть на кумира своего товарища по льду?

Плисецкий врезался в него, сорвав вращение. Вскочил и, не извиняясь, умчался на другую половину катка. Но к его несчастью, Виктор успел заметить красные от недосыпа глаза.

Воистину, его команда — самая лучшая.

Кристофф часто выходил в скайп, благодаря чему (а также бесконечным форумам) разговорный английский Никифорова развивался семимильными шагами. Во время одного из таких диалогов швейцарец поднял вопрос показательной:

— Учитывая, что мы оба прошли в финал, стоило бы призадуматься.

На этапах требовали одну программу для публики. Виктор, как и многие, откупился прошлогодней произвольной, не заостряя на том особого внимания. Финалисты же показывали обычно два номера.

— Уже начал что-то готовить? — поинтересовался Виктор. Маккачин с любопытством

уоставился в камеру ноутбука, расположив лапы на письменном столе и пододвигая хозяина на экране.

— Есть одна задумка, собираюсь завтра начать. А то я скоро от обязательных с ума сойду.

Витя согласно промычал. Пока взрослые соревнования шли в полном разгаре, у юниоров оставалось время подготовиться. Так и не полюбив собственные прокаты, идея чуть разгрузиться на новом номере показалась соблазнительной.

— Думаешь передать привет французской публике?

— Ты слишком хитрый, Виктор. Я не собираюсь так просто выдавать все секреты, — рассмеялся иностранец. — Но да, я думал об этом.

Выбрать песню на языке той страны, где проводились соревнования — хороший тон. И у Вити есть одна на примете. Только на сей раз программу он поставит сам, не отдавая на откуп казенным хореографам.

Переодеваясь перед церемонией открытия, в частности, застегивая олимпийку, Виктор чувствовал словно вешает на себя мишень. Из всех финалистов-юниоров они с Крисом оказались самыми молодыми, единственными тринадцатилетками. Разумеется, пресса взяла их на прицел — заявления о юных талантах всегда волновали зрителей. Еще дома он слышал фразы: «Заслуженный тренер вновь вышел на мировую арену. Фельцман везет на Гран-При новую звезду». Сам же тренер предпочитал отмалчиваться, иногда предостерегая его: «С тем же успехом завтра они назовут тебя очередным провалом старого маразматика». Про себя Витя сформулировал немного проще: не говори гоп, пока не перепрыгнешь.

Когда он пробирался по запутанным переходам к выходу на лед, над катком уже потушили свет, и фигурист пытался не заплутать во всеобщей толчее. В коньках он немного возвышался над привычным своим ростом, но разглядеть что-либо впереди не представлялось возможным, чужие спины и головы полностью заслоняли обзор. Услышав фанфары, открывающие представление, он заторопился — юниорам полагалось выходить на лед первыми. Запнувшись о спутанные провода пресс-центра, он оступился и немного завалился на темную фигуру, прислонившуюся к бортику. Тело сдвинулось, вовремя подхватив его. Смущаясь, Виктор отодвинулся от теплого бока, торопливо извиняясь, и восстановил равновесие. А затем опустил взгляд ниже: на неожиданном спасителе тоже были надеты коньки. Присмотревшись, в полутьме ему удалось различить черную форму и блестящие светлые нашивки.

Заводная мелодия нарастала, и Никифоров бросился к основному коридору, где уже столпились его будущие соперники. Крис приветственно помахал и уступил место впереди себя в соответствии с рейтингом ISU. Над ними вспыхнули рампы и колонной спортсмены заскользили к центру катка, под одобряющие аплодисменты. Кланялись, когда комментатор на оба языка представлял каждого из них публике.

И у Виктора неожиданно перехватило дыхание. Все происходящее реально. Он действительно сейчас находится здесь, в Марселе, а через несколько часов будет бороться за звание лучшего международного фигуриста в своей возрастной группе.

И, как вишенка на торте, всего в паре десятков метров взрослый состав готовится представлять свои страны. Он сможет своими глазами, не со зрительского места, а как равный, как другой фигурист увидеть выступление кумира. И впервые выступит на том же льду, что и Кацуки Юри — понимание этого дарило крылья за спиной.

Примечание к части

Детройт действительно несколько раз принимал этап Гран-При Skate America, но Юри пока тренируется в Японии.

Часть 10

Виктор выходил на лед вдохновленным, а уходить пришлось в состоянии бессильной злости.

Во время короткой программы удалось собраться и вполне удачно проявить себя, ошибок он наделал немного, и те незначительные. Конечный результат по баллам вышел не самым лучшим, но все же близким к нему. Трудности возникли в другом: не только Виктор улучшил прокат за эти месяцы. На этапах ему приходилось соревноваться с теми, кто катался хорошо, даже замечательно. В финал отобрались лишь лучшие. Каждый из соперников держал высокую планку и не позволял расслабляться ни на секунду. Казалось бы, прежде побежденный Кристоф учел недостатки и поработал над сильными сторонами: скольжение приобрело еще большую плавность и раскованность, сгладились переходы между элементами. Теперь его исполнения выглядели ровно так, как он того желал, уверенный в способностях собственного тела. И не только Крис преподносил сюрпризы. Канадец со второго этапа также ворвался в финал, и, весьма довольный тем, продемонстрировал всем вокруг свою харизму и высокую техничность, хотя и уступал в последней чешскому фигуристу. Некола же удобно устроился на вершине турнирной таблицы со своими отточенными четверными, а почти уже взрослый таец сверкал улыбкой, находясь чуть ниже по баллам.

Виктор не имел права на передышку. Если ему хотелось еще раз оказаться на льду мировой арены, возвратиться домой с гордо поднятой головой и честно посмотреть в глаза товарищам — он не мог сейчас расслабляться.

Сразу как восстановились силы после проката, мальчик ушел на тренировочный каток. Остро встала необходимость прогнать произвольную заново, начисто, чтобы изгнать старые ассоциации. Не хватало еще чтобы тело вспомнило помарки завтра, вместо правильных движений. Мышцы требовалось переучить, и срочно. Он катал до тех пор, пока Яков не скомандовал «Хватит», и не пришлось дать место другим участникам. Главный минус стартов в чужих странах — всем не хватает льда. Участников априори больше, чем катков, и расписание жестко разграничивало возможности подготовиться.

Пойдя на сделку с совестью, Виктор кратко глянул в интернете результаты первого дня во взрослом дивизионе. Времени на полный просмотр было отчаянно жаль, и наивные надежды посмотреть программы вживую пришлось затолкать подальше. «Завтра, все завтра» — уговаривал сам себя Никифоров и включал набившую оскомину музыку в наушниках вновь.

Зато после завтрака пришло нежданное спокойствие. Накатила усталость, далекая от физической, и внутренняя пустота. Тревога и волнение изнывали внутри с самого первого дня сезона, толкали вперед, и вот теперь выгорели. Пришло осознание — каким сегодня не окажется результат, это будет последний конкурсный прокат. Конечно, впереди еще отборочные на чемпионат Европы, но это потом, дома. Потому пришло облегчение и дышалось намного легче. Яков с подозрением косился на подопечного, ожидая срыва, но опасения были беспочвенны. Никогда еще Виктор не чувствовал себя лучше перед выступлением. Тренировка прошла как по нотам, тело послушно исполнило необходимые команды, на одном дыхании откатав произвольную. Оставалось зависнуть в этом состоянии, не дать ему уйти раньше времени, и дожидаться своего выхода.

Именно ожидание оказалось самым нестерпимым. Виктор барабанил пальцами по коленкам, включал и выключал композицию на телефоне и все равно не мог до конца унять нетерпеливую дрожь. Он пытался сосредоточиться на разогреве, уйти в ощущения мерно растягивающихся мышц, но впустую. Рядом разминались другие фигуристы: кто-то

повторял программу на полу, просто бегал или, как Крис, тянулся, но никто не разговаривал, тренеры тоже поймали настрой и обменивались понимающими взглядами. В воздухе натянутой струной звенело предчувствие сражения.

На лед пригласили первого из группы. Итальянца проводили в целом поддерживающим гулом и, как только он скрылся за шторой, включили мониторы. Несмотря на концентрацию, взгляд нет-нет да и скользил в их сторону, отмечая особенно впечатляющие моменты программы.

Наконец, очередь дошла и до Виктора. Он подпрыгнул пару раз на месте, прикрыв глаза, кивнул сам себе и вышел на арену. Яков за спиной помалкивал, позволив себе только сжать плечо перед выходом на лед. Виктору не требовалась поддержка: ему хватало себя. Собственные ощущения наполняли изнутри до краев, пропитав уверенностью и скрутившись где-то в животе. С апломбом прошел мимо телекамер и направился ко льду.

Привыкая к катку, легко скользя вдоль бортов, Витя поймал себя на мысли, что хочет взглянуть на закрытую ложу в центре: по негласной договоренности ее обычно занимали другие спортсмены. Но то определенно была глупая затея, и Виктор сдержался. Никифоров глубоко вдохнул и вскинул в воздух кулак — он готов к произвольной программе.

В КиК Виктор постепенно возвращался к жизни, учась заново дышать и вспоминая, как передвигаться по прорезиненным поверхностям. Вместо твердого шага невольно хотелось совершить скольжение и, даже сменив родные коньки на новенькие кроссовки, желание никуда не пропало. Баллы воспринялись спокойно: пока он первый, но впереди еще произвольные Леруа и Чуланонта, да и Некола составлял основную конкуренцию. Все могло измениться кардинально — или не меняться вовсе.

И все же, его роль на сегодня завершена и можно расслабиться. Витя быстро сменил костюм на свободную одежду, прикрывшись олимпийкой сборной, и с вновь проснувшимся любопытством забежал на трибуны. Чужие прокаты тоже стоило увидеть — хоть бы и из чистого удовольствия или для пользы дела. Но его ждал сюрприз: стоило выглянуть из коридора и ступить на спортивную зону трибун, как с разных сторон послышался задорный свист и чьи-то крики, поначалу слившиеся друг с другом, и с опозданием Виктор признал в них поздравления. Только оглянувшись, он рассмотрел на верхних сидениях других фигуристов, причем не только юниоров: там собралась самая разношерстная компания. Одиночники и парники, мужчины и девушки, русские и иностранные спортсмены — все одновременно захлопали и крикнули что-то ободряющее. Говорили приятные слова о его программе, и Никифоров невольно попытался спрятать лицо в ладонях, чувствуя как уголки губ расплзаются в стороны. А в углу, с самого края, вот так просто сидел Кацуки Юри и улыбался вместе со всеми. Негромко что-то добавил, присоединяясь к хору:

— Прекрасный прокат, — угадал Виктор по губам. — Omedetou.

Витя выдохнул, позволив радости затопить его. И крикнув всем «Thank you so much! All of you!», на внутреннем порыве взлетел к верхнему ряду и, не давая себе времени передумать, уселся сбоку от японца. Осторожно взглянул, убедился, что не доставляет неудобств и перевел взгляд на каток.

Его все-таки подвинули с первого места, но он удержался на пьедестале, и это позволило с чистым сердцем также поздравить других соперников, поднимавшихся после прокатов в зал. Мелькнула идея поделиться знанием об этой милой традиции с Гошей,

скучающем в чате, но на миг представив его шокированное лицо и то, как Попович бы непременно прослезился, Виктор понял — он будет хранить эту святую тайну, пока не настанет уже его черед чествовать юниоров с трибун. А Юри от всей души был счастлив за невысокого мальчишку Чуланонта, отобравшего Витино золото, но у Никифорова не находилось причин на него обижаться — он наслаждался тем, что может разделить чужую радость, чувствовать ее рядом с собой, греться. Пусть даже мужчины-одиночки не остались надолго, сбежав на собственную тренировку, а их место заняли отстрелявшиеся утром танцевальные пары — Виктор оставался доволен. Нельзя требовать от судьбы слишком многого, всего и сразу — ему и так досталось от нее порядочно.

Кристоф беззлобно подшучивал перед награждением, чтобы Виктор ничего не забыл на сей раз, но медаль легла на шею как влитая, словно именно там ей и место. На финале Гран-При каждой сборной полагался свой переводчик, и Витя положился на немного тучную женщину с бархатистым голосом, доверив ей свои слова, выражаясь по-русски. Все тот же Джакометти, дожидавшийся своей очереди на интервью, заговорщицки подмигнул: «Правильно, Вить, зачем всем знать о твоём уровне в английском — так же веселее».

С ним же и отправился на трибуны, наблюдать за взрослыми произвольными. И, проникшись атмосферой соревнований, они орали на две глотки, встречая старших коллег на катке, вместе с ними переживая огорчение от поражения и сладость удачных прокатов. И Виктор взволнованно следил за каждым движением Кацуки, пробираясь мурашками от звука, с которым металл конька встречается со льдом во время выезда из прыжка. Дрожал, скрещивая пальцы перед собой, внимательно отслеживал происходящее в уголке для слез и поцелуев и подсчитывал про себя баллы за технику. Тревожно вглядывался в разочарование на лице Юри, сдерживая желание подбежать, растормошить: «Что ты, не печалься! Ты же прошел в финал Гран-При, куда мечтают попасть фигуристы со всего мира, занял не последнее место, гордись собой!» А затем вспоминал собственное состояние после поражения на втором этапе, понимая — не поможет. Ничьи слова тут не помогут, это надо пережить самому, найти где-то силы для борьбы или вдохновение. Никто не достучится сейчас. И от всей души надеялся, что Юри справится, как можно быстрее отпустит переживания, чтобы начать творить нечто новое.

А Кристоф, пронизательный и проникновенный, так тонко чувствующий единство с катком, как и сам Виктор, опустил взгляд на побелевшие костяшки рук. Задумчиво протянул:

— А знаешь, вот сейчас, когда вы оба перед глазами, это стало очевидным, — и продолжил, заметив удивление на Витином лице. — Я имею ввиду, манеру: все по-другому, каждый катается иначе, но что-то единое прослеживается. Особенно в дорожках.

Никифоров пожал плечами. Как ни старайся, трудно скрыть на кого ориентируешься, отрабатывая тот или иной элемент, невольно прикипаешь к чужому стилю. И наблюдательные люди это замечают, никуда не денешься.

Вечером они отправились гулять по ближайшим к отелю улицам, клятвенно заверив наставников: далеко не уйдем, на камеры лишнего не скажем, буянить не станем, да, мамочка, телефон всегда включен. В этом прослеживался определенный шарм: бродить по ярко освещенным люминесценцией бульварам, оглядываться на загадочно мерцающие витрины и пытаться разговаривать с местными. Крис, полиглот несчастный, все-таки выдал военную тайну: дома он разговаривает на немецком, как и большая часть Швейцарии. Но вместе с ним занимались еще и несколько ребят из других кантонов и

волей-неволей налипло. Витя понятливо кивал: именно так дела у него самого шли с английским. Правила не учились от слова «совсем», но разговорный навык приобретался поневоле. В связи с чем случались забавные курьезы, как, например, в кафе: «I would like fruit ice cream with... как же это по вашему-то, блин! Chris, say it!» Тот хохотал и заказывал клубничный сироп, просто из вредности.

Уже подходя к отелю, натолкнулись на девушек-призеров, выпадающих из такси. По слухам, благоразумные организаторы договорились относительно банкета и сняли ночной клуб только для фигуристов. Разумеется, Никифоров, как и прочие юниоры, с ним пролетел. Яков посмотрел на него настолько возмущенно, еще и покрутив у виска, что желание пререкаться пропало вовсе. А затем тренер присоединился ко взрослой части русской сборной, вероятно, обмывывая возвращение на мировую арену. Ну и скатертью дорожка.

Кристоф толкнул его локтем под ребра, кивнув в сторону заднего двора отеля:

— Знаешь загадку: сколько нужно заплатить японцу, чтобы завербовать того в американца?

В тени декоративной растительности беседовали двое мужчин в костюмах, благодаря подсказке, одного из них удалось опознать. Витя помотал головой и поинтересовался:

— А второй кто?

— Тренер Леруа, Челестино. К нашему золотцу Пхичиту он тоже подходил после награждения.

— Думаешь, предлагает свои услуги?

— Наверняка. — Швейцарец пожал плечами, заразительно зевая. — В одиночку-то далеко не улетишь, а Кацуки толковый наставник нужен до зарезу. — Что доказывало пятое место в турнирной таблице. — Если ему технику выпрямить и поставить прыжки, он же рвать всех будет. Фигуристы с мировым именем на катках не валяются.

Это-то и звучало удивительно, почти парадоксально. Кацуки второй раз оказывался в финале Гран-При и уже трижды выигрывал Чемпионат Японии, но с прошлого сезона так и не обзавелся постоянным тренером, меняя их ежемесячно. Только хореограф оставался прежним. Вопиющий случай, пресса дневала и ночевала у его номера, лишь бы выведать причины.

— Странно, что за ним нет колонны желающих, — поделился своими мыслями Виктор, не собираясь подслушивать чужой разговор и проходя в холл отеля. Товарищ шел следом.

— Так и толковых тренеров с именем немного, и у каждого свои приколы. Твой Фельцман выглядит как берсерк на пенсии, представляю, что творится у вас на тренировках. — Витька насмешливо фыркнул, впрочем, не желая развеять мифы. Хотя временами бывало всякое, не без этого. — Мой с ума сходит по пластике: пока на паркете не отыграешь идеально — льда в глаза не увидишь. А как я слышал, с Юри сладить непросто.

— Восток — дело тонкое, — пошутил Никифоров. Припомнил собственные перепады настроения за сезон, чешскую выходку со смещенным лутцем и посмеялся про себя. Якову Давидовичу с ним тоже ой как не сладко.

Ранним утром спорткомплекс казался вымершим, так еще изображают города в фильмах про зомби-апокалипсис. Все работает, вокруг светло и ни души, только персонал бродит бледными тенями на границе зрения — обычная картина после финала. Что впереди еще Гала-представление, фигуристы зачастую забывали и на родине, что

уж сейчас-то говорить. Используя пропуск участника, Виктор спустился в рабочую зону, где в раздевалке впервые заметил следы человеческого присутствия. На крючках висела безликая спортивная сумка под коньки, а за скамейкой виднелись аккуратно оставленные кроссовки. Витя мельком огорчился — ощущение, когда весь лед принадлежит лишь ему одному, было приятным, будоражило воображение. Но нашелся в спорткомплексе еще один фанатик, пожелавший прогнать показательные заранее, а не как обычно.

Стараясь ступать неслышно, не нарушать бряканьем протекторов густой тишины, Никифоров поднялся к катку, затормозив у бортика, чтобы обнажить лезвия. Другой спортсмен как раз счищал налипший лед с коньков.

— Доброе утро, — крикнул на английском Виктор, пытаюсь быть вежливым. Все же его тренировочные часы стояли гораздо позднее и по правилам у него не имелось права использовать арену. — Я вам не помешаю?

— Здравствуй, — фигурист вздрогнул и выпрямился, робко улыбнувшись. Ему, Виктору, улыбнувшись. Кацуки Юри, собственной персоной. Ух ты! — Нет, нисколько, я уже собирался уходить.

Пока ноги постепенно немели и легкие отказывались понимать, что вообще-то неплохо бы и поработать, хладнокровный рассудок Виктора напомнил — часы японской сборной тоже стояли после обеда. И парень взволнованно выпалил, торопясь:

— Пожалуйста, я не хотел мешать. Катайтесь дальше, — и прикусил язык с досады. Хотелось сказать лучше, не так, словно он любезно позволяет, но Кацуки же мог подумать, что его отсюда гонят. Не признавать же, что Витя тоже тут, можно сказать, нелегально.

Японец расслабился и кивнул, отъезжая в сторону, негласно отдавая левую половину катка Виктору, и прикрыл глаза, сосредотачиваясь на неизвестной доселе программе. Виктор перевел дыхание и начал неторопливо нарезать круги, разогреваясь, и украдкой подглядывал.

Взрослый спортсмен явно не выспался и потирал изредка глаза, в попытке смахнуть дремотное настроение, но тихая обстановка располагала ровно к противоположному. Виктор не нарушал его умиротворения, и вскоре Юри о нем позабыл, размеренно чертя причудливые рисунки на льду. Кацуки во всем отличался от своего привычного стиля утонченного и холодного мужчины, столь далекого и недостижимого. Чуть ли не впервые Виктор наблюдал его в послеконкурсном спокойствии и впитывал диковинный образ. Непослушные пряди опустились на лоб, придав лицу мягкое выражение, разом украв пару лет. Костюм для соревнований сменился на уютную водолазку, такую, наверное, чаще носят дома, чем где-то на публике. Безотчетно пришла мысль, словно Витя заглянул за ширму в театре или подсматривает в чужое окно, прежде занавешенное тяжелыми шторами. Становилось неловко от одного взгляда на расслабленного и уютного японца, хотелось отвернуться и никогда больше не сметь бросать взгляд. Но Виктор смотрел.

Программа явно ставилась под национальную музыку: Виктору не требовалось слышать, он угадывал ее по чужим движениям. Плавные повороты напоминали традиционные танцы, а то, как Кацуки удерживал ладони в напряжении, ровно, бросало намеки на некое оружие. Витя рассеянно гадал: может, танец с катаной? Выглядело бы интересно.

После нескольких повторений собственной показательной, Никифорову стало скучно и он по привычке стал забавляться с дорожками шагов, пытаюсь повторить недавно увиденные аккуратные восточные движения. Насколько похоже получалось, сам Виктор бы вряд ли оценил, но Кацуки остановился и заинтересованно пронаблюдал еще несколько попыток. На дне его глаз чуть блеснул азарт и он повторил вращение Виктора,

приподняв над собой руки, изображая то ли свободный полет, то ли птицу.

Ах так, да? Витя тоже так умел.

Он рассмеялся и повторил любимый аксель Юри, только взяв двойной вместо тройного. И глянул задорно, словив в ответ шальную улыбку. Кацуки уже брал разгон.

Через полчаса, притомившись, они присели на первый ряд зрительских мест. Виктор как раз потянулся за водой, когда Юри поинтересовался:

— Что за музыка у тебя будет второй на гала? Хореография выглядела необычно.

— Понравилась? — просиял Никифоров. — Сейчас покажу.

И дотянулся до мобильного, включив воспроизведение. Когда из динамиков зазвучал французский голос, Кацуки прикрыл глаза, сосредотачиваясь, и вскоре начал покачивать головой в такт.

— Красиво, — согласился он, когда песня закончилась, негромко добавляя: — Может, именно то, что мне сейчас нужно.

Виктор не успел спросить. Дверь позади распахнулась — канадцы оказались на удивление пунктуальны, первыми поборов приступ утренней лени. Пришлось уступать лед.

В раздевалке японец весьма резко собрался и, едва попрощавшись, словно испарился. Вновь они с Витей встретились только на закрытии Гран-При: мельком пересеклись перед показательными, торопясь переодеться между номерами — конечно, там было не до разговоров.

В самолете Виктор уже привычно заткнул уши наушниками, переосмысливая последние несколько суматошных дней. Вереница событий мгновенно закружила его с самого прибытия в Марсель и только теперь отпустила. Но, оглядываясь назад, Никифоров не мог не признать — ему пришло по душе эта суэта, приправленная соусом конкуренции. Несмотря на напряжение, все же больше в ней оказывалось радостного возбуждения, связанного с приобщением к поразительному миру. Казалось, словно он только сейчас прошел посвящение и лишь с этого момента мог с чистой совестью именоваться фигуристом. Теплый прием, который оказали старшие спортсмены, особенно грел сердце, а забавная кутерьма гала-представления задним числом показалась веселой. Соревноваться, как выяснилось, сложно до умопомрачения, но возможно — а это главное. И Виктору уже не терпелось проявить себя вновь на мировой арене.

«Согласно последним новостям, японский фигурист-одиночник Кацуки Юри принял решение присоединиться к группе тренера Челестино Чалдини, также как и золотой призер юниорского Гран-При тайский спортсмен Пхичит Чуланонт. Для тренировок Кацуки планирует переехать в Америку. Будем надеяться, их сотрудничество окажется плодотворным».

Примечание к части

Музыка показательной Виктора подразумевалась: Livid – Mon Ami (feat. Shaka Loveless)

Часть 11

Не то, чтобы Виктор ждал чего-то особенного, скорее все же нет. Во время пересадки до Питера, в зале ожидания его узнали только две девушки, очевидно, тоже фигуристки. Улыбнулись из другого конца зала, пошептались и отвернулись. В домашнем аэропорту его встретил спортивный телеканал, щелкнув разок Витю с медалью на фоне крылатых белых девушек под потолком и перевел камеры на Фельцмана, добившись десятиминутного интервью. Витя ощущал себя частью интерьера, скупающе переступая с ноги на ногу и ближе к концу просто присев на собственный чемодан.

Еще для фото ему всучили букет роз. Виктор продолжал держать его в руках, не слишком понимая, что с ним делать дальше. На соревнованиях просто: подарили, сфотографировали и можешь бросить куда-нибудь в уголок или передать Якову. Те, что бросали на лед, оставались в номере отеля, не везти же их на поезде или самолете, повянут к приезду. В Петербурге ему цветы дарили впервые и это не то чтобы смущало, но вызывало странное чувство.

Приехав домой (Яков пресек попытку забыть букет на заднем сидении автомобиля), Виктор заторможено его разглядывал. Желтые розы, ближе к оранжевому даже, не особенно красивые, хотя запах от них приятный. Наверное, надо поставить в вазу, да? На том и порешив, Витя задвинул композицию на подоконник, и тут же забыл об ее существовании.

Вскоре на зимние праздники приехала сестра, а следом за ней и отец вернулся в город. Витя, как мог, пытался помочь в подготовке к праздникам, но еще массу формальностей необходимо было утрясти и дома он появлялся только под вечер. Во время одного из усталых ужинов отец заметил увядающий букет.

— И давно Настьке веники стали дарить?

Витя не сразу сообразил о чем он.

— А, нет, это не ее.

Отец удивленно приподнял бровь, а потом сложил в уме.

— С катка принес?

— Вроде того.

Вряд ли имело смысл расписывать подробнее. Если бы возник интерес — новостные каналы давно крутили сюжет, а уж в интернете не писал только ленивый.

Вечером Витя ненадолго притормозил у потрескавшегося пианино. Оглянулся на родительскую спальню и протянул руку за последней медалью. Та была крупной, размером больше чем половина ладони, и захочешь — не пропустишь. Сестренка как приехала, сразу заметила, удивленно взвесила в ладони, поражаясь ее тяжести. Ну, после того как поздравила — сначала сообщением, потом уж лично.

Фыркнув, Витя аккуратно освободил ленту от прочих и унес в свою комнату. Там критически осмотрел настенную книжную полку, уставленную учебниками и тетрадями. Выгреб все оттуда, протер пыль и поставил медаль на подставке, что шла с ней в комплекте. Сдвинул влево, чтобы оставалась масса свободного пространства и незаполненность полки раздражала. А затем удовлетворительно кивнул — зачин был положен.

По окончанию юношеского чемпионата мира Виктор забрал паспорт, и, после интригующего похода в банк вместе с Яковым Давидовичем, получил на руки пластиковую карточку. Документы, ее сопровождающие, заставили поразиться

количеством нулей. Конечно, определенная часть полагалась федерации и тренеру, но и остаток казался огромным — особенно для школьника.

— Не забывай, осенью новый сезон, — предупредил Яков. Витя понятиливо кивнул. Сезон — это траты. Костюмы, коньки, прочие расходные материалы. Вон, опять крючки отвалились на тренировочной паре.

И все-таки один раз не удержался. Поддавшись уговорам Бабичевой и помогая ей унести тяжелые пакеты из очередного торгового центра, он наткнулся на знакомый ярлычок официального спортивного магазина. Мила закатила глаза, разглядев вывеску.

— Тебе же бесплатно полагается, как члену команды. Зачем?

Но Виктор отмахнулся, его уже несло. Голубая униформа, сливавшаяся с сотней других таких же на домашнем чемпионате, давно раздражала. Новая бело-красная коллекция предоставлялась взрослой сборной, остальным как простым смертным предлагали ее купить.

Никифоров довольно оглядел свое отражение, игнорируя скептически настроенную подругу. Милка приподняла ценник и присвистнула. Девушка с бейджем на груди откликнулась, выразив готовность подобрать мальчику что-то из другой коллекции, более подростковое и по фасону, и по цене. Вся ее фигура молчаливо выражала сомнение в платежеспособности детей.

Выходя из здания, парочка переглянулась и рассмеялась, вспоминая выражения лиц на кассе.

— Витенька Никифоров, занимается фигуркой восемь годиков, — пародировала Бабичева, подкалывая. — Месяц голодал, откладывая деньги со школьных завтраков, чтобы позволить себе футболочку из крутого магазинчика.

Витя замахнулся на нее полиэтиленовым пакетом, сам едва сдерживая улыбку.

— Привозит домой медалки с чемпионатов мира, но какой в этом смысл, если его не узнают в магазинах. Вот погоди, Юрка с Гошаном еще посмеются.

А летом начались сборы, и к морю с радостью уехала вся команда Ледового во главе с Фельцманом, решившимся оставить Питер на долгий месяц. Бегали совместно с группой атлетов, беззлобно поддразнивающих фигуристов под конец марафона и дергавших новоявленного Викторизеля за кончик хвоста (с чего вдруг они решили, будто Витя ролевик — он решительно не понимал, возможно влияние нового фильма о Братстве кольца). Пловцы зазывали вечером на залив, заманивая речами в духе «Мы с тобой одной стихии, ты и я».

Зато днем ездили в город на каток, регулярно и без пропусков. Делили лед, конечно, с остальными группами, но внимания хватало всем. Мелкий Плисецкий, насупившись, повторял программу Поповича и Никифорова, набирая разряды. Милка, звездочка алая, перетягивала одеяло на себя, паникуя перед первыми юниорскими. Гоша, поднабравшись уверенности, толкал в спину только так, острыми своими жестами намекая «уж теперь-то вы у меня посмотрите». Витя...

А что Витя? Он носил олимпийку сборной страны, имел в копилке международную медаль и кубки России. Технически, даже был ведущим фигуристом своей возрастной группы. И хотелось бы возгордиться, но поражения жгли каленым железом, вместе с осознанием: все, что он видел в прошлом сезоне — далеко не предел. Одни перейдут во взрослую категорию — придут другие, более юные. Уступят хоть на миг нынешние спортсмены — тут же сменят следующие, очередь-то позади длинная, тот же Гоша, закадычный друг, не пожалеет.

Всегда необходимо тянуться выше — прописная истина, вызубренная Виктором на отлично. И он усвоил урок — сразу же после Миров подошел к Якову. Витеньке не понравилась бронза на вкус, Витюша хотел золото и четверной тулуп к чемпионату.

Тренер посмотрел на хрупкое телосложение, тоненькие еще подростковые ручки-ножки, которые, казалось, плевком перешибить можно. На едва-едва восстановившееся чувство равновесия, в момент спада после очередного скачка роста, который черт его знает когда вновь вернется. А еще на упрямо сжатые губы и нахмуренные брови. Яков матерился под нос, проклинал Бога за то, что ниспослал ему таких учеников — и соглашался.

— А что с него взять? Откажу — хуже будет, — шипел Фельцман, попивая кофе и беседуя с другими тренерами. — У него же на лбу написано — хочу побеждать. Пусть уж лучше тогда под моим контролем.

Те понимающе кивали, делая вид, словно не замечают, как наострились уши у его подопечных. Зато Яков не сдерживался, едва завидев халтуру:

— Я не понял, у нас один Никифоров на Москву едет, а, Попович?! А ты, Витя, зря ухмыляешься. Я смотрю, у тебя уже и тулуп готов, и аксель без нареканий прыгается?

И Витя катался дальше, пока чаще падая, чем чисто выходя из выезда. Валялся на льду, утыкаясь горящим лицом в лед, и постанывая от удовольствия. Ребята рядом бессовестно хихикали.

— Мы тебя, рыбка золотая, пловцам отдадим.

— Пока не золотая, не дождетесь.

А в последний день сборов лагерь собрался на берегу всем составом, окружив костер и перебивая разговорами музыку из переносных колонок. Гоша засмотрелся на гитару в умелых руках кого-то из старших, и Витю украли из-под зоркого ока тренера. Тезка, Вика, такая же светловолосая и худая, только гимнастка — увела чуть в сторону, разговорившись о недавней новинке кинопроката. На фоне мурлыкали «Ассоль плюс Грей», и пластиковый стаканчик сладкой газировки, столь долгожданной из-за диеты, оказался позабыт.

Утром, потеснившись с Гошей и Юркой на заднем сидении, ему пришлось зажимать уши — Гошан заинтересованно шептал, умоляя о подробностях. Витя пожимал плечами и пытался надеть наушники. Мила сжалилась над несчастным и кинула в него телефон с открытой вкладкой тайком записанной тренировки:

— Ты видал, что Кацуки тоже четверной осилил?

Виктор собирал вещи к началу серии Гран-При, бросая их не глядя на кровать. У сумки сидела сестра, разглаживая и складывая их как полагается. Застегнула молнию, отставляя к рюкзаку с коньками и окликнула чуть дрогнувшим голосом:

— Витяш, ты же на две недели, да? До половины сентября?

— Будем надеяться, — он оглянулся вокруг, проверяя, не забыл ли чего. — Этапы подряд идут, не вижу смысла на полтора дня приезжать.

— Вот и я не вижу, — кивнула она. — Так что я в Москве останусь, мне там место предложили под конец практики. Ты как, сумеешь один?

Витя наклонил голову, ища резинку и заколки. Разлетающиеся во все стороны волосы — красиво, конечно, но страшно отвлекает. Он пару раз во Дворце прокатился с распущенными, после тройного они зацепились даже за то, за что уцепиться невозможно в принципе. Одна парочка замудрилась и тут же дуэтом спела «В мире морском», грозились еще расческу с ручкой от вилки подарить. Балбесы.

— У меня еще папка есть и бабушка. — И тренер. Тренер, пожалуй, даже больше. — Вот во взрослые соревнования перейду, буду к тебе приезжать на Кубок Ростелекома.

Настька притянула его к себе, уткнулась носом в затылок и сжала изо всех сил. Он неловко отстранился от ее груди, и улыбнулся.

— Конечно, приезжай! — сестра рассмеялась в ответ, так похоже и одновременно иначе. — А пока я хочу бельгийскую шоколадку. Привезешь?

— Заказ принят. Но взамен тебе придется смотреть мои соревнования с первой минуты до последней, включая показательные.

Она сжалась в притворном ужасе.

— Три часа симпатичных юношей под красивую музыку — не знаю, смогу ли вытерпеть подобное. Тебе придется очень постараться, чтобы мои усилия не пропали напрасно.

Виктор кивнул. У него на этот счет было очень хорошее предчувствие.

Яков Давыдович остался с Гошей, настраивая и поддерживая. Мила прикрывала тылы, зорко следя чтобы их не прервали и не отвлекли. Момент сосредоточения для спортсмена значил крайне много, пока нет привычки, войти в него сложно и растерять проще простого. Гоша пока не умел.

Виктор открывал чемпионат, стоя у бортика, натянутый как струна. Механически проверил коньки, костюм, затянул резинку и выдохнул. Рядом уже стоял боевой товарищ Крис, со своим наставником, хитро улыбаясь. Ничего, Витя тоже готовил сюрприз, да не один.

В Ледовый пришел новый хореограф, преподающий современные танцы. Молодой, в меру опытный и ровно такой же способный — они мгновенно спелись с Виктором, найдя общую тему. Как в той рекламе «Что за балет?». Лилия Дмитриевна могла бы выразиться жестче, и потому они с Витей редко разговаривали — на разных языках думали. Сегодня он играл по-своему, как ему по душе — и прыгал четверной тулуп в юниорах на зависть прочим.

Кристоф любезно помахал ручкой перед собственным выездом. И едва увидев характерный мах ногой вокруг тела, Виктор знал, что увидит — сальхов. Тоже четверной, тоже в первой половине, с одним лишь нюансом — полбалла чистой разницы, без надбавок, совсем не в Витину пользу. Положение спас грязный выезд Криса, в последний миг утративший координацию движений.

Не красиво, совсем не красиво. Витя получал серебро на подиуме и переглядывался с Крисом за спиной призера. Отнюдь не самый желанный повод для радости, он портил пьянящую победу им обоим привкусом сожаления.

— На следующий сезон жду от тебя нового четверного. — Виктор протянул ему руку для пари. И дополнил: — Идеального.

— Смотри не пожалей, — тот поправлял ленту от бронзовой медали. «Жду от тебя не меньшего».

«Los, Chris!».

Примечание к части

*нем. [Давай]

Часть 12

Устраиваясь на верхних трибунах, Виктор едва мог сдерживать нетерпение. В последний раз лично они виделись на гала-представлении и целый год Кацуки что-то готовил. Невыносимо долгий срок, особенно если дело касалось японского фигуриста, который менялся быстрее переменчивой питерской погоды. Каждый раз, когда они виделись — фигурист поражал Виктора заново, мечась и ища, пробуя нечто новое и продолжая расти. Пересматривая недавно первые юниорские программы Кацуки, рациональная часть Виктора не могла не признать — он его догнал. Тогдашнего, юного пухловатого мальчонку, катавшего «Белый вальс». Но отнюдь не того, кто сейчас стоит на белоснежной глади. И, пожалуй, это скорее волнительно, нежели огорчающе.

Кацуки кивал наставлениям своего американского тренера, прикрывая глаза, чтобы сосредоточиться. Глубоко вдохнул, его грудь высоко поднялась и плавно опустилась, одновременно с тем Кацуки распахнул глаза и оттолкнулся от бортика. Острые плечи показались на миг слишком напряженными, чересчур хрупкими, но наваждение пропало, едва он остановился в ожидании.

В первый миг музыка оглушила, поражая — Виктор с бешеной скоростью перебирал в голове сотни композиций, пытаясь понять, где же мог ее слышать. Тревожная и густая, она задавала насыщенный темп с самого начала, уводя за собой боевым набатом. Обычно первая половина программы звучала более спокойно, чтобы сберечь силы фигуристов для второй. Либо же наоборот, выжимала максимум сразу, затухая к концу, позволяя выстроить композицию гармонично. Сейчас все происходило совершенно иначе: мелодия проката явственно нарастала, и Виктор был готов поклясться, что к финалу станет просто бешеной. Невольно его губы расползлись в улыбке, когда фигурист безоглядно сиганул в четверной тулуп, одиночный, вопреки заявленной в программе комбинации. Поберег возможность его прыгнуть для каскада в финале, увеличивая его стоимость и сложность. Расправил плечи, приобретая все большую и большую четкость в движениях, уверенность в элементах, раскрываясь с неожиданных сторон. Кацуки выдавал все, на что способен. На что он единственный способен.

Поодаль недовольно бурчал Крис, мол, накаркал. Впрочем, особенно раздосадованным он не выглядел. На льду, тем временем, творились невообразимые дорожки. С грациозного прыжка Кацуки заходил во вращение, уже кристально-чисто указывающее на четвертый уровень сложности. А в положении сидя, непринужденно склонил голову и прикрыл глаза, одним жестом плавно погружая арену в заколдованный сон. И позволил ей проснуться только уже склонившись в благодарственном поклоне.

Кацуки пытался скрыть довольную улыбку, но выходило откровенно плохо. Едва добравшись до КиКа, он поклонился тренеру, а затем чуть не оказался задушен в объятиях другого юноши. Витя с некоторым удивлением признал в нем старого знакомого, прошлогоднего призера юниорского финала, Пхичита. Но Кацуки тут же неловко отстранился, чтобы утереть заливший лицо пот, и лишь рассмеялся.

На табло крутили лучшие моменты программы, пока шел подсчет баллов, и беспристрастные камеры показывали и заминки перед прыжками, и не самые ровные приземления. Витя с негодованием отметил, что едва ли хоть кто-то их заметил во время самого проката. Но ничего не попишешь: есть зрительская оценка, а есть судейская и они мало когда совпадали.

Зато Кацуки с оживлением встретил новость о собственном счете. Зарылся лицом в плечо тренера, скрываясь от камер и, кажется, украдкой тер глаза. Ничего не получилось, даже через минуту он выглядел все таким же зареванным, как ни старался.

И, несмотря ни на что, выглядел ослепительным. Счастливым и чарующе красивым.

Виктор, поражено заметил, что его щекам тоже стало холодно и тут же нагнул голову, распустив волосы, пряча лицо. Где-то рядом зачарованно выдохнули зрительницы, мгновенно потянувшись за телефонами. Наверняка, твиттер вскоре заполнят его фото с дурацкими хештегами, но если они увидят только это — плевать.

Кацуки еще дважды сдвинули с места, но вытолкнуть за пределы тройки так и не сумели. Несомненно, его внезапный подъем по турнирной таблице стал бы самым обсуждаемым событием сезона, но нет. Выступавший последним, корейский фигурист умудрился взорвать публику еще больше — Ли Сынгиль, техничный, но в целом безэмоциональный спортсмен, решил разыграть свой тщательно припрятанный козырь. И прыгнул четверной, мать его, риттбергер. В начале программы, чуть смазанный на приземлении, но ровный и правильный. Первый на официальном чемпионате чисто выполненный — что обеспечивало ему имя в истории фигурного катания и, разумеется, золото финала Гран-при.

И каждый присутствующий в зале принял участие во всеобщей истерии. Кроме фигуристов-одиночников. О, мужчины радовались за соперника и коллегу. А еще больше возжелали покорить новый предел, воздвигнутый одним из них. Их глаза разгорелись истинно дьявольским огнем, в которое подливала бензин пресса, во всю мощь колонок объявляя о взятии мирового рекорда. Виктор, захваченный тем же жаром, той же волной, обнаруживал в себе схожие желания. Джакометти, сердито сжав губы, оглянулся. Протянул руку ладонью вверх:

— У меня через сезон будет лутц, — и сощурился с вызовом, ожесточенный и грозный. То, что они сражались еще в юниорах не имело ни малейшего значения. Подобное событие затрагивало весь мир мужского фигурного катания, не могло не затрагивать.

— Я возьму и лутц и сальхов, — усмехнулся Никифоров. И ответил на рукопожатие, до боли сжав руку соперника. Кристоф сжал не слабее.

Виктор не остался на банкет, тем же вечером отыграв показательную и тут же уехав в аэропорт. Тренер обменял билеты еще днем, точно такой же насупленный и взбудораженный. Виктору не пришлось ему даже ничего пояснять и от синхронности их целей хотелось кричать. Фельцман, будь хоть трижды, сотню, тысячу раз тренером, в первую голову всегда оставался фигуристом и реагировал соответственно — желанием показать, чего достоин. Через учеников, наставничество, но непременно задать всем перца. Перед посадкой, зачитывая заголовки новостных сайтов, хлопнул по спине, гораздо сильнее, чем требовалось. Виктор понял — он его главная карта, фигура, которую собираются превратить в ферзя. И тем обстоятельством был доволен до крайности. Спортсмен навсегда, верно, дядь Яш?

Чемпионаты Европы и Четырех Континентов прошли в напряженной обстановке, гнетущей тишине и сосредоточении. Привычная праздность и веселость, неизменно присутствующая в сроднившемся за годы составе фигуристов, затаилась. Ее смело соперничество. Каждый стремился во что бы то ни стало заявить о себе. И кто-то должен был стать среди них отличительным, выстрелить дальше и выше всех. Либо тот, кто это начал — и вакханалия продлится на сезон, либо некто иной, позволив перевести дух. И каждый мечтал оказаться именно тем самым.

Для самого Виктора юниорская Европа прежде всего обозначилась попыткой сальхова, успешно произведенной на короткой и безбожно запоротой на произвольной.

Яков наорал на него, впервые сделав это за пределами родного Питера, прямо в коридоре — и в целом был прав, за два месяца новый прыжок не берут. По ходу сезона усложняют лишь то, что уже тренировали, но не новые элементы, их берут только через сезон, с недоделками риск травмировать себя слишком велик. Виктор все понимал, правда, понимал, но это ни капли не помогало успокоиться. Ему хотелось рвать и метать. Крис, невольно заставший эту безобразную сцену, возвращаясь с собственного проката, попытался его отвлечь и оказался послан, к счастью, по-русски. Ни слова не разобрал, но того и не требовалось. Виктор потом извинялся, искренне сожалея, что сорвался — это не спортивно, не профессионально и абсолютно не честно по отношению к Крису, который на протяжении всего прошлого года, несмотря на собственные проигрыши, подбадривал его. Но швейцарец скидывал звонки и упорно отказывался разговаривать на чемпионате.

Виктор почувствовал укол вины. Ситуация повторялась вновь. Прежде, с Гошей, его другом с самого раннего детства, разделившим его увлечение и последовавшим в Ледовый Дворец, когда-то неразлучным с ним. Мила называла их «зимними мальчиками», но лед, скрывающий их вместе, давно раскололся, столкнувшись с непреодолимой конкуренцией. Никифоров как фигурист стоял на строку выше, почти всегда — и гордился этим. Попович, имеющий не меньшую гордость и напор, находил в этом повод для совершенствования, мотивацию для роста, но больше не единство. Им удалось сохранить дружбу, будем честны, большей частью не Витиными усилиями, но единодушные мысли и стремлений утрачено навсегда. Виктор хотел стать лучше всех. Гоша — лучше Виктора.

А теперь Кристоф. Совершенно неожиданный подарок судьбы, такой же чемпион, понимающий все сложности Виктора. Будучи лучшим в своей стране, набирая отнюдь не меньшие баллы на соревнованиях, он стоял на равных. Витя осознавал всю его ценность, то, как он влияет на него и видел, что этот процесс обоюдный. Виктор учился на ошибках и вновь терять друга не собирался. Оказалось, что сражаться необходимо не только на катке, но и в жизни — не самое приятное наблюдение. И пока неизвестно — как?

Кацуки, тем временем, взял серебро на Четырех Континентах, так и не преодолев корейского оппонента, чем не особенно расстроился, чего не скажешь о всей прочей компании, но умудрился все же сбить воинственный настрой во взрослой лиге. Вчерашние соперники, готовые грызться за сотые доли балла, объединились в своем разочаровании и вывалили на Кацуки все свои надежды и пожелания скорейшей победы. Фигурист, прижатый к стенке, поначалу здорово струхнул и потерял всякую краску с лица от подобного внимания, но тайский парень задорно рассмеялся и заставил друга улыбнуться. Под конец вечера японец даже поблагодарил коллег за оказанное доверие, пусть и залившись румянцем по шею. Всю эту милую картину, разумеется, поймали прицелы телекамер, хотя и не полностью. Пресса не особо осветила событие, как нечто не слишком значительное — людей интересовали более захватывающие вещи. Зато комментаторы от души подбадривали своих спортсменов на Мирах, припоминая ту ситуацию и выражая полную солидарность с их поступком.

Виктор прислушался к словам Якова и на последних соревнованиях сезона прыгал из четверных только уверенный тулуп, чем заслужил гораздо большую оценку за вторую половину программы, так как она стала куда плавнее и гармоничнее, избавившись от рискованного сальхова. И остальную часть свободного времени не скупясь потратил на друга, стремясь если не достучаться, то хоть попытаться донести свою решимость сохранить их общение. И, едва получив собственный результат, отправился к бортику, где кричал вместе с швейцарскими болельщиками, пытаясь приободрить Крису так, как

всегда делал он. А Крис, хитрая зараза, оказывается не терял время зря и шлифовал тулуп, намеренно не прыгнув его на Европе. И совершенно заслуженно забрал полагающееся ему золото, поддразниваяще улыбаясь Виктору. Парень осознал, что вообще-то не так-то просто искренне радоваться за соперника, и не поддаваться мысли «на его месте должен бы стоять я», но он справился. И намеревался продолжать в том же духе, тем более, что Крис, заметив его потуги, сменил гнев на милость.

— Прости, дорогуша, на тебя невозможно долго обижаться, — шутливо трепал он по щекам и гостеприимно распахнул объятия, в которые не замедлил влететь Витя. И наконец-то расслабленно выдохнул, заключая его в кольцо своих рук. — Я соскучился по твоему заразительному ажиотажу. Без тебя соревнования совсем не такие веселые.

Виктор кивнул. Он тоже грустил, и большая часть приятных моментов чемпионата прошла мимо.

— Не переживай, мы еще зажжем на Гран-При, — и похлопал по спине.

— Непременно. — Виктор прижался напоследок посильнее и отпустил. Равновесие в их отношениях постепенно возвращалось. Ну и чудесно.

Яков, молчаливо присутствующий на границе поля зрения, присоединился на пути в отель. С интересом поглядывал и уже в номере спросил:

— Думаешь, оно того стоило?

Виктор понимал, что он говорил в целом, о всех потраченных силах и нервах. И, наблюдая за тем, как стало легче дышать и грудь отпустило тяжелое неприятное чувство, приходил к единственно верному решению.

— Вы же сами звали меня в детстве бойцом. А они своих не бросают.

Яков покачал головой, но ответом, видимо, оказался удовлетворен.

— А я ведь летом во взрослый, да? — внезапно припомнил Витя, испытующе уставившись. Тренер показательно недоуменно приподнял брови и тронул медаль, все еще висевшую поверх олимпийки. И передразнил:

— Пока не золотая, не дождешься.

Часть 13

Витя нежился в постели, встречая солнечные апрельские деньки, и наслаждаясь необходимым отпуском. После возвращения в хмурый Петербург, тренер долго вглядывался в благодостное выражение на его лице, и, плюнув, наказал всю неделю не подходить к катку на расстояние выстрела. Пришлось согласиться, скрестив пальцы за спиной. И сейчас от одеяла становилось слишком жарко, все же пора его сменить на более легкое, летнее, но становилось лень даже от одних мыслей о том, чтобы вылезти. По паркету процокал Маккачин, попутно несильно цапнув голую пятку и разом запрыгнул на вскрикнувшего Витю. Устроился поперек и фыркнул что-то недовольно на своем, мол, безобразиие, хозяин отказывается его кормить и выгуливать, караул. Мальчишка, посмеиваясь, занырнул под подушку, и Маккачин в отместку начал жевать его волосы. Витя, некоторое время пронаблюдав за безобразиием, ласково укусил пса за ухо и умчался завтракать, бутербродами и кофе. Очень-очень вредными и калорийными. А еще газировки хотелось до одурения.

Наверное, поэтому просматривать инстаграм он отправился в ближайшую пиццерию. Хмыкнул над парочкой фото Жан-Жака и казахского спортсмена откуда-то с горнолыжных курортов. Позалипал на веселые попытки Детройтского клуба прыгнуть риттбергер, не ради тренировок, а так, шалости для. Крис запостил скрин электронного авиабилета Цюрих — Хельсинки и лайкал особо интересные предположения в комментариях о том, что фигурист забыл в Финляндии. Особо наблюдательные русские заявляли, что ждут его в Москве с распростертыми, а Крис язвил, мол, знаем мы ваши пробки, слышали. Вообще-то, Виктор шутил, когда расписывал как выглядит Россия на майских праздниках, мол, вот тогда-то города вымирают и народ исчезает в неизвестном направлении. А теперь приходилось составлять маршрут экскурсий, Крис хотел увидеть Эрмитаж. К Спасу на Крови, опять же, сводить, пусть поищет Волинскую губернию, ему понравится. И больше не стоит пытаться его подкалывать, себе выходит дороже.

Как дождь загнал его на каток — Виктор искренне не знал. Вероятно, ноги сами привели, других объяснений не находилось. Одна радость: не в Юбилейный, а на общий, даже подсознание побаивалось гнева Якова. В колонках мурлыкала русская попса, обычно не самое приятное сопровождение, но в такой момент удивительно уместная. Людей рядом почти не было и Виктор просто развлекался, катаясь в свое удовольствие. Настроение удивительным образом скакало от «слишком хорошо, так не бывает» до «царевич в печали, у него одинарный кривоват». И хотелось творить, может, вытворять — не принципиально. Свои программы не катались, зато прочие юниорские, особенно хулиганская Крисовская показательная, которой он чуть не довел тренера до инфаркта — так на отлично. Когда на Виктора стали с подозрением оглядываться парни с шайбой, он ушел в скромное вращение, попробовав повторить недавно увиденный интересный жест и не удержал равновесия. Чуть полежал на льду, вновь привыкая к ощущению «можно», повторил все тройные и нащупал наконец кончик ускользящей идеи, вертевшейся все утро на границе сознания. Задумчиво прогнал прыжки еще раз, прислушиваясь, и на одном из них затормозил, бросив вальсовую тройку на середине.

Тулуп и сальхов есть, это слишком просто. Риттбергер забрал кореец и поделом, Крис успел застолбить лутц и Виктор еще собирался побороться с ним за самый сложный прыжок из уже выполненных. Но все не то. Нужно именно его, чтобы со стороны взглянули и воскликнули: «да это же Никифоров на льду!» Комментатор однажды обмолвился будто бы тройной аксель — коронка Кацуки-сана. Витя тоже хотел что-то свое, и пусть уже за

ним повторяют на тренировках. Слово по щелчку пальцев, задумка сформировалась окончательно.

Юра постепенно начали готовить к юниорским, но осенью пришлось признать — совмещать школу и интенсивные занятия невозможно. Резко пришло осознание, что Никифоров сопел за партой (в те редкие моменты, когда вообще там появлялся) не от собственной безалаберности — каток выпивал все силы до последней капли. Яков хмурился, призывая сделать окончательный выбор: «Невозможно стать профессионалом в чем-либо, если не отдаешь всего себя». Со скрипом пришлось переходить на домашнее обучение.

Лед благодарно принял эту жертву и ответил взаимностью — за несколько месяцев дался двойной аксель. И даже как-то получилось приземлить тройной тулуп. Казалось, и сам воздух в спорткомплексе стал теплее, уже не обжигая ледяной прохладой щеки при входе, а приятно остужая разгоряченный лоб. А вечером, торопливо запихивая коньки, Юра умудрился уронить из рюкзака пару тетрадей (иногда получалось во время обеда сделать домашнее и освободить себе время). Витя, недавно вернувшийся с побережья Женевского озера, умудрился обгореть даже в горах, и теперь недовольно разглядывал готовый костюм, телесная сетка которого сейчас здорово контрастировала с кожей. И разумеется, не мог не сунуть свой любопытный нос.

— О, я помню эти таблицы, — захихикал он, пытаясь разобрать неровный почерк. — Степанова ведет, да? У меня тоже была она.

Юра оглянулся, стоя уже у дверей, а когда понял, чем занимается Витя, бросился к нему с намерением отобрать собственность. Но тот коварно забрался на скамейку и поднял тетрадь повыше.

— Кстати, у тебя в двух предложениях ошибки. И тут не то окончание.

— Заткнись! Если ты порвешь, мне придется переделывать. Я не собираюсь убивать ночь из-за тебя.

Виктор мельком глянул на остальные учебники, выскользнувшие на пол из сумки и внезапно предложил:

— Может тебе помочь? — Юра замер, поначалу не зная как и реагировать. — Ну, мне тоже нечего делать в обед, а Макке скучно, так что... Просто, если ты их приносишь на каток, то, наверное, много, да?

Плисецкий недоверчиво сощурился. Несмотря на разъезды по другим странам, Витя давно прошел его темы, с него случилось бы забыть азы.

— Я правда могу!

Судя по рассказам Гоши, английский в те годы был единственным уроком, на котором Витя действительно слушал, а не бессовестно дрых за его спиной. Или придумывал новые компоненты для программы. Или зависал на ютубе и фанатских сайтах.

Ну, почему бы и нет?

Юра так считал пока не обнаружил под стеклом на письменном столе потускневший от старости плакат. Сощурился, силясь разобрать потрепанные надписи. Спартаковская арена узналась сразу, а вот подросток-азиат на ней не очень. Можно подумать, имелись какие-то варианты? Юра припомнил: фотограф поймал не самый удачный ракурс, но распечатал, торопясь продать сразу, в последний день соревнований. Видимо, покупали его тоже не особо раздумывая. А вот как фломастер не выцвел за пять лет — поразительно.

Из-за занавески выглядел небольшой глянцевый уголок, явно более качественной

печати. Бумага показалась новой, но он решил больше не рассматривать. Мало ли, вдруг обнаружит еще парочку. Стопки рок-дисков и неожиданно заполненный доверху книжный шкаф оказались куда интереснее, правда, он не питал иллюзий — книги наверняка семейные.

Пудель возмущенно прорычал и за корочку вытянул из-под кровати повесть о волшебнике в круглых очках. Предатель.

Первые этапы прошли как и предполагалось: Виктор спокойно занимал второе и третье место, следуя замыслу тренера. На него удивленно косились как сокомандники, так и пресс-центр, ведь он заявлял лишь тулуп и один сальхов в произвольной, повторяя техническую сложность программы с прошлых Миров. Но на камеры он отмалчивался. Мысль о том, какими пораженными будут лица знакомых подталкивала его в стремлении.

В перерыве перед финалом, как и весь остальной мир, внимательно наблюдал за взрослыми отборочными. Корейского и японского спортсмена нарочно разделили, желая накалить обстановку, так как оба с поразительной легкостью взлетали на верхние ступени пьедестала, чтобы сойтись в решающем соревновании. С сожалением Виктор отметил, что Кацуки выбрал площадки «Skate America» и «Skate Canada». Если с первым имелся смысл, все же домашний лед, то почему Канада? Разве не логичнее выбрать родную арену, если имеется подобная возможность? Неимоверными усилиями фанаты обнаружили крохотный кусочек интервью, где Пхичит пару лет назад обмолвился, как его другу тяжело выступать с грузом ожиданий на плечах — и, за неимением комментариев самого Кацуки, ее посчитали за приоритетную.

В финале короткая дарила неплохие шансы на победу и Виктор перевел дух — пока все шло по накатанной дорожке. Если завтра все пройдет удачно и тулуп с сальховым, как и на тренировках, не подкачают — золото принадлежит ему. Крис успел пожаловаться, якобы его тренер перепугался творящегося во взрослых бедлама и решил придержать его в лягушатнике, так что они очень надеялись распрощаться с юниорскими в этом сезоне. Но сделать это необходимо на хорошей ноте.

Тем не менее, волнение вернулось на следующее утро и уже по совершенно иной причине. Следуя давнему уговору, взрослая короткая смотрелась лишь украдкой, по верхним строчкам новостных сайтов и по диагонали прочитанным статьям. Просто для собственного успокоения и чтобы не отвлекаться от программы. Но резкий крах Кацуки оказался ударом под дых. На всех прошлых прокатах он показывал себя блестяще, ему пророчили твердое первое место и тут — шестое. Форум сообщал о падениях с прыжков, даже с обожаемого акселя. Официальное видео с сайта еще не загрузили и оставалось лишь гадать: «Как, Кацуки, как?!» Ты же можешь больше, я знаю, лучше всех.

Виктор сорвался перед утренней тренировкой и умчался в соседний отель, где остановилась команда Челестино. Притормозил перед входом, не имея ни малейшего понятия, что делать дальше, как вдруг увидел их в окне, очевидно, буфета или какого-то другого общественного места. Побелевшее лицо фигуриста, даже через мутное стекло, казалось нездоровым. За плечи его крепко держал тренер и, пригнувшись, что-то выговаривал. Но у Кацуки не имелось каких-то травм или заболеваний, судя по последним видеозаписям в сети, сделанным на вчерашней открытой тренировке — там он выглядел живее всех живых.

Виктор ахнул. И вспомнил один-единственный срыв в Чехии, когда он в панике боялся выйти из гостиничного номера, так, что руки не слушались, и сквозь шум в ушах до него пытался докричаться Яков. И синеватые от ужаса губы Гоши на прошлом чемпионате

России, когда он больше всего на свете желал доказать, что не зря состоит в сборной, не просто тень Никифорова, а сам по себе отличный фигурист, который еще засияет.

А теперь все внимание болельщиков сосредоточилось на японце, за год под руководством нового тренера показавшего невероятный подъем. И завис в шаге от победы.

Виктор не знал, как тут помочь. Раньше все было проще — какой спрос с фаната? А теперь он представлял страну и если он во всеуслышание поддержит чужого фигуриста, последствия будут. Не официальные, конечно, нет. Еще и играл роль инцидент на Мирах, когда иностранные спортсмены выразили свою поддержку — и, кажется, этим только еще больше напугали. Но и молчать нельзя, ни в коем случае.

«Пожалуйста, Юри, подскажи мне».

Он ломал голову всю подготовку к юниорскому заключительному прокату, пытаюсь понять, вспомнить. У него же получалось раньше. Возможно, только возможно, но и он внес лепту в его успех. Нужно только выцепить то общее, что задело струны чужой души, так сумело повлиять на Кацуки.

В один краткий миг Никифоров очнулся, с удивлением обнаруживая самого себя на льду, тогда как тело без участия со стороны разума выполняло заученные действия. Мысли все едино уносились прочь, всей своей сутью устремляясь к другому. И вышел бы очевидный провал, если бы не совпадение. Когда Виктор обсуждал тему своего сезона, ему более всего хотелось удивлять. Вдохновлять других — так, как когда-то вдохновили и его. Увидев единожды взаимосвязь душевного трепета на льду, от поколения к поколению, ему не терпелось встать в ту же цепь, в стройный ряд тех, кто существует лишь ради одного на свете. Это как раз то, ради чего он учился кататься, стремился к победам и боролся. Та часть его существа, что когда-то влюбилась в лед и обрела много большее взамен. Если не сейчас, то когда?

И долгие упорные усилия слились в один миг, сплывились в последнем рывке — Виктор заходил на четверной флип. И доли секунды в воздухе тянулись невыносимо долго, растянувшись на часы и годы, все для того, чтобы лезвие конька соприкоснулось с поверхностью арены выверено и ровно. Идеально.

В КиК он ошеломленно пытался понять, что произошло? Пространство вокруг отрезало от него прозрачной стеной, звуки долетали приглушенно, едва слышно. Баллы, тренер, голос диктора — все не имело значения. Ответ лежал на поверхности. Виктор творил вдохновенно — и тогда все получалось блестяще. Он вцепился в тренера, не в силах вымолвить ни слова, не смея — вдруг состояние ускользнет. И Яков понял, еще бы не понять за столько лет, наблюдая каждый его порыв:

— Уж не знаю, что на тебя нашло, но если это заставляет тебя кататься так, — он кивнул на турнирную таблицу, где российский флаг трепетал на вершине с фантастическим отрывом от всех прочих. — Только ты не торопись, выдохни, а то прямо тут рухнешь. И глянь-ка вон куда.

Яков ткнул пальцем на спортивную трибуну, где в окружении прочих фигуристов находился и, кто бы сомневался, Кацуки. Не сводивший немигающего взгляда под стеклами очков от экрана над катком, где все еще повторяли лучшие моменты предыдущей произвольной. На краткий момент Виктору стало страшно, а сердце пронзила острая боль — что он там мог увидеть? Сам Виктор не помнил ни единого компонента, даже какие элементы выполнял и что прыгал. Но Кацуки уже не выглядел мертвенно-бледным, скулы даже чуть покраснелись от духоты. Скорее, внимательным и непривычно-собранным.

Виктор сжал руки в кулаки, почувствовал впившиеся в ладонь ногти и медленно

разжал. Не снилось.

Текущий финал Гран-При оказался богат на сюрпризы. Юниорское золото забрал восходящий талант, русский фигурист Виктор Никифоров, со своей смелой попыткой четверного флипа, кстати, заявивший, что переходит во взрослую лигу после Чемпионата Мира. Серебро присудили швейцарцу Кристофу Джакометти, также покидающего Юниорский ринг. Бронзу заслужил казахстанец Отабек Алтын, что стало для всех полной неожиданностью. И долгожданное событие, которого многие ждали — в категории мужского одиночного катания пальму первенства перехватил японский спортсмен Кацуки Юри. Мы будем ждать захватывающего соперничества на следующем Гран-При!

Примечание к части

Бубубушный бро, спасибо тебе за чудную ночь под прекрасную музыку ♥ Это было замечательно.

Часть 14

Виктор с интересом осматривался по сторонам, пока мир вокруг выхватывали из темноты лазерные линии и цветные всполохи. Он в первый раз оказался в ночном клубе и ему все было любопытно. Когда еще разглядишь, если не сейчас?

Когда Крис часом ранее завалился в его номер и заговорщицки улыбнулся, Виктор уже знал, что согласится с любой сумасбродной затеей. В следующем сезоне он участвует в составе взрослой сборной: вопрос решен, объявление транслировали на несколько языков по спортивным каналам и интернет-изданиям. Еще не совсем взрослый, но больше не юниор — самое время хулиганить. В общем-то, Крис предложил по такому поводу совершить вылазку на банкет.

Поначалу шло вполне цивилизованно: спортсмены разных категорий вышагивали в строгих костюмах и вечерних платьях, при галстуках или на тонких каблучках-шпильках. Юноши сливались с окружающей толпой, благо, оба относились к разряду тех самых «дядя Степа-светофор», что крайне редко играло на руку. Все прочие вели разговоры со спонсорами, отвечали на редкие вопросы журналистов и общались с другими фигуристами. Постепенно шампанского на столах и подносах официантов становилось все меньше, а общий градус настроения поднимался. Вероятно, сменить дислокацию предложил кто-то из дам, а желание леди — закон. Особенно, если она пьяна и жаждет продолжить сие благое дело.

Таким образом, Виктор оказался в бельгийском клубе, притаившись у стены и силился отыскать хоть одно знакомое лицо в толпе. Громкое техно здорово било по ушам, но ритм, казалось, отражался от всего тела и проникал глубже, заставляя сердце биться в такт. Крис, хитро стрельнув глазами, умчался в сторону бара и, вероятно, пытался убедить, что ему есть восемнадцать. То, как они пробирались мимо охраны — отдельная эпопея и ближайшие несколько месяцев Виктор не был готов о ней вспоминать. Зато у друга не оказалось подобных комплексов и он разжился парочкой цветных коктейлей, подобрав себе нечто голубое, с долькой лимона на дне. Виктору досталось зелено-красное безобразие.

— Подумал, тебе понравится, — подмигнул Крис, пытаясь угнать вишенку из его бокала. Виктор ощутил на языке резковатый, но крайне узнаваемый вкус в сочетании с дынным ароматом. Очень смешно.

Тем не менее, в залах грохотала музыка, фигуры разной степени одетости покачивались в унисон с биением пульса. Когда первая волна ажиотажа схлынула, происходящее постепенно начало становиться невероятно скучным. Виктор начинал жалеть, что позволил уговорить себя на эту авантюру и сбежал на балконы. Пытаясь вдохнуть свежего воздуха, сморщился от табачного запаха и оглянулся на его источник, намереваясь возмутиться, но слова так и остались в горле. На соседнем с ним балкончике, за полупрозрачными занавесями беседовали старые знакомые. И в пальцах Кацуки белела сигарета.

Виктор сморгнул, поначалу списав все на происки воображения — настолько она казалась неуместной. Но та оставалась на месте, иногда задумчиво прокручиваясь вокруг своей оси. Пхичит о чем-то спрашивал старшего коллегу, и судя по негромкому тону — они не собирались выставлять разговор напоказ. Виктор мгновенно подался в сторону, скрываясь почти полностью за декоративной колонной прежде, чем успел подумать об этом.

— Что это было тогда, Юри? — канючил Пхичит. — Мне ведь хочется также!
Тот лишь рассмеялся, устало и как-то по-взрослому. И затаился.

— Если бы я только сам мог ответить, — глубокий вдох и изо рта потекла полупрозрачная молочная дымка. Кацуки облизнул губы и устремил взгляд в небо. — Может, я просто позавидовал?

— Ты о том парнише? — он прищурился, словно пытаешься припомнить, — который первое место в юношеских взял вчера? — Кацуки кивнул. — Да брось, с чего вдруг? У тебя самого золото, забыл?

— Сравнил с собой в его возрасте. Тогда я едва пробрался в финал, но так и остался на последнем месте.

— Чтобы через год оказаться во взрослом финале.

— И толку? Там тоже шестое было.

Пхичит обернулся полностью к другу, облокотившись на мраморные перила.

— Я давно думал спросить, зачем ты тогда во взрослые полез? Катаются же другие до упора — почему нет?

— Поспешил, — Кацуки пожал плечами, аккуратно стряхивая прогоревшую часть сигареты в пепельницу. — Наверное, опрометчиво подумал, словно могу все. Понимаешь, в тот год на одном из этапов ко мне подошел какой-то мальчишка. Смешной такой, маленький, в пухлой куртке — замерз пока ждал. И попросил меня кататься. Задело, надо полагать.

— Ну, фанатская признательность на всех влияет, так или иначе. Похоже, на тебя скорее в положительном ключе, несмотря на паникерство.

И они усмехнулись, припомнив, видимо, нечто забавное. Пхичит хлопнул его по плечу и развернулся в сторону двери.

— Надеюсь, на Мирах ты будешь с тем же уверенным настроем. А пока попробуй расслабиться.

Кацуки мученически застонал под удаляющийся хохот и остался один. Расправил плечи, словно ему стало легче дышать и оглядел тлеющую тонкую палочку в руках. Сморщился и погасил о стеклянную стенку пепельницы. Прошептал: «Не думаю, что курение — это мое», и смочил горло из бокала рядом.

Виктор боялся пошевелиться, в попытке сохранить звенящую тишину между ними. Ничего не подозревающий Кацуки подставил лицо ветру и наслаждался, прикрыв глаза. Виктор тайком разглядывал его, подмечая легкий хмельной румянец, длинные темные ресницы и покусанные губы. Затем Кацуки, наконец, последовал за товарищем, и он долго колебался. Но, подчинившись порыву, протянул руку и забрал с соседних перил чужой бокал. Покрутил в руках хрупкое стекло, вглядываясь в мутные отпечатки на самом краю и робко коснулся их чуть дрожащими пальцами.

Когда из зала послышались восторженные крики, хватка дрогнула — и бокал полетел на плитку прежде, чем у Виктора получилось бы его поймать.

Выглянувший на резкий звук Крис приподнял бровь: «Хочешь заплатить?» Виктор помотал головой и поспешил убраться с балкона. Пожалуй, с него хватит впечатлений на сегодня, для начала предстояло разложить по полочкам уже имеющиеся.

Но кому-то там, наверху, определенно нравилось шутить. Укромная ниша подальше от танцпола и поближе к выходу, в которой он намеревался спокойно дождаться такси, оказалась ненадежным укрытием. Виктор заторможено наблюдал, как под чутким руководством предыдущих медалистов, главный феномен мужского-одионого снимает пробу со всех загадочных бутылочек за спиной у бармена. И, когда Кацуки пожелал сбежать от всеобщего внимания, охотно поделился местом. Наверное, не стоило так налегать на напитки, пусть и в день долгожданной победы — чужое дыхание весьма ощутимо тянуло знакомыми коктейлями и чем-то покрепче. Впрочем, к Виктору это тоже

относилось, иначе как объяснить то, что он замер каменным изваянием, пока Кацуки прожигал его насквозь мутным темным взглядом. Протянул руку и коснулся плеча, попутно слегка коснувшись шеи, чуть оцарапав, и совершенно очаровательно улыбнулся. Ну, или Виктору так показалось, когда он неосознанно приподнялся на цыпочки, стремясь оказаться ближе. Наверное, стоит что-то сказать, да? Хотя бы поздороваться для начала.

— Не приставай к мальчишке, Юри, он слишком юн для тебя, — задорно прокричал кто-то сбоку и волшебство момента тут же испарилось. Оказавшись в центре чужого интереса, Никифоров был опознан сразу — еще бы не узнать победителя нынешнего соревнования. Оглянувшись на них фигуристы поцокали языками, живо обсуждая возможные будущие посты на просторах сети: «Чемпион взрослой лиги обольщает молодого юниора — передается ли золото тактильным путем?» и, под азартные подбадривания, проводили до выхода, прихватив заодно и мгновенно раскрывшегося Криса. Подмигнули и позвали присоединиться в другой раз. Кацуки смотрел вслед не отрываясь, увы, но его лицо не желало выдавать истинных чувств хозяина.

Всю дорогу в салоне автомобиля Крис насвистывал американскую попсовую мелодию, зачехляя смартфон, и любовался на медленно пунцовеющие щеки друга. И перед тем как разойтись в коридоре, не удержался:

— Тебе видео скинуть?

Виктор тяжело вздохнул — этот случай ему явно будут вспоминать еще не один год. Хоть бы Яков не прознал.

Перед следующим крупным соревнованием инстаграм заполонила масса смазанных селфи — настолько, что с трудом можно было разобрать кто там вообще. Судя по сотням комментариев, это уже считалось большим уловом. В принципе, Виктор всегда знал, что на чемпионате четырех континентов творится что-то неизведанное. Непременно вдали от прицелов камер, но время от времени всплывали фото в твиттере или кто-то не выдерживал и заливал на ютуб. Комментаторы до сих пор хранили некоторые вызывающие коллажи. Из-за расплывчатости большинства немых свидетельств точно сказать, кто что сделал являлось невозможным — потому выходки продолжались и фигуристы, чувствуя безнаказанность, периодически забавлялись.

Подумаешь, приятели немного повеселись. По всей видимости, далеко они не заходили, так как на короткой выглядели собранными, серьезными и ничто в облике не могло бы скомпрометировать кого-либо из них. Кацуки и Сингиль шли нос к носу, на два балла меньше Пхичит и завершал финальную четверку, подпирая сзади, молодой Леруа.

Виктор свято верил, что они сосредоточатся на соревновании, пока кто-то из фанатов не заметил спортсменов в бассейне, чудесно проводящих время. Ну, они определенно стремились расслабиться между программами.

На произвольном прокате лидеры обозначились еще яснее, и чтобы посоревноваться с ними ему придется приложить массу усилий. Леруа дождался момента и засиял, подняв публику на ноги по окончании программы. Пхичит сделал ход конем и прыгнул риттбергер, получив штрафное очко за падение, но все же докрутив. Выражение лица Сингиля определенно стоило посмотреть, он нахмурился и прыгнул четыре четверных, упав без сил в самом финале. Зато Кацуки прятал лукавую улыбку, снимая олимпийку, и вышел на лед в атласном черном боди, со скромным вырезом и легким намеком на подол. Погладил изгибы собственного тела черными перчатками, попутно выполнив сложнейшую программу из имеющихся, и показал, кто на льду настоящий чемпион.

Виктор заворуженно наблюдал, привычно устроившись перед экраном ноутбука, но подмечая некоторые противоречивые ощущения. К жару, расходящемуся от центра груди, примешалось робкое желание не только смотреть со стороны, прокатиться рядом, как когда-то на тренировке в пустующем стадионе, а еще и прикоснуться. Дотронуться до кожи, чтобы окончательно убедиться — он не только далекая полуэффемерная мечта, но и живой человек из плоти и крови, как все прочие. Как сам Виктор. Он неосознанно царапнул шею, где когда-то находились посторонние прохладные пальцы и замотал головой, пытаясь отогнать наваждение, сосредотачиваясь на заключительной части мероприятия.

Фигуристы приятельски улыбались друг другу на вручении медалей, словно замышляли какую-то подлость за спиной у ничего не подозревающего Кацуки, пока тот склонился за золотом. И ничего не постили ни в одной из соцсетей., пока зрители застыли в ожидании показательных. Крис отписался, что тоже хотел бы подразнить всех и вообще, почему Чемпионат Европы проходит так цивилизовано? «Не знаю, Крис. Может только азиаты обладают способностью устраивать светопредставление на соревнованиях мирового уровня?»

На рассвете Пхичит выложил самый большой компромат в истории ЧЧК — гифку друга с чьим-то нечетким силуэтом в полутьме, двигавшихся в неспешном танце. Они едва-едва распознавались, но хештеги лишили всякой надежды: #firstgirl #onetime #sohappy. К третьему стакану кофе, вместе с остатками сна, пост исчез. Виктор долго лежал на не разобранной постели, устремив пустой взгляд в потолок, пытаясь избавиться от непреднамеренного чувства обиды. Попытался забыться сном, но не смог — «Добро пожаловать, Никифоров, устраивайся поудобнее, ну, а я пошел. Целую, твой рассудок». Что стоило не давать лишней надежды, в конце концов на банкете присутствовали и девушки-одиночницы, почему бы не заговорить с ними? Но Кацуки целенаправленно подошел именно к нему. Решил посмеяться над фанатом? Раздираемый противоречивыми эмоциями, Виктор печально вздохнул. Скосил взгляд на письменный стол, а потом оценивающе посмотрел в сторону оконной стены, туда, где до сих пор висел плакат. Зажмурился на несколько секунд до белых мушек перед глазами и, смирившись, ушел за ножницами.

Виктор бился над флипом уже на протяжении половины сезона, и он, хоть ты тресни, не выходил так, как должно. Дай бог, если в половине случаев удавалось выполнить без помарок. Его последний финт на Гран-при еще припомнят, и, если не получится дерзкое заявление удержать — клеймят зарвавшимся мальчишкой. Объявить на весь мир о новом прыжке и не выполнить его на следующем же соревновании — вот уж пресса оторвется.

Яков предупреждал, но когда Виктор его слушал? Получал в ответ неизменное: «Вырастил же на свою голову» и они совместно бились дальше. Случались дни, когда получалось все легко и просто, даже не приходилось задумываться о физике или следить за положением тела. Увы, их оставалось слишком мало в процентном соотношении. Только вот перешел в юниоры еще и Юрка, а Гоша набрал форму, раздавшись в плечах и, хотя ему стало труднее в плане координации, он бил всех на занятиях физической подготовки. Налившиеся стальными мускулами икры с легкостью подбрасывали его в высокие прыжки и оказалось, что каскады у него получаются просто восхитительно. Неформальное соревнование во время перерыва, пока тренера не видели сего безобразия, принесло интересные результаты: у Никифорова ноги сводило

судорогой на третьем подряд прыжке, тогда как Попович охотно продолжал и после пятого. Победитель неформального соревнования еще с неделю сиял как начищенный пятак, так и прося кулака. Неизменная Мила, перебравшаяся под начальство женщины-хореографа, но не отлипавшая от ребят во время перерывов, справилась не хуже. Похвалилась результатом Кубка России и повергла порой излишне впечатлительного Гошу в уныние. Пришлось идти с ним на мировую, лишь бы на пару прокатить Милку по льду на животе, уцепившись за ноги. То, что жертва экзекуции хохотала как ненормальная не умаляло ужаса наказания.

Парням пришлось составить ей компанию в кино, в качестве расплаты. И посреди дичайше скучной мелодрамы одновременно троим пришло оповещение ютуб-канала о новом видео. На оба мобильных телефона Гоши и Милы, не особо и таившихся, и Юркин, который успешно это скрыл благодаря режиму «вибро». Никифоровский модный айфон помалкивал под недоуменными взглядами команды.

— Прошла любовь, завяла сакура, — язвительно протянул с заднего ряда Юрка. — Коньки жмут и нам не по пути.

Вставил наушники, в открытую включив видео, и на протяжении нескольких минут тихо посмеивался, а под конец, когда терпение подошло к исходу, бесчеловечно заржал.

— Твой пидор палится, — поделился он, — но хоть не так откровенно как ты.

— Я и не... — и закрылся челкой, отводя взгляд, — заткнись.

На краткий миг повисла тишина, пока Юра недоуменно пялился в ответ.

— Парни, заканчивайте, — надоело первой Миле и та строго посмотрела на них, вероятно, копируя своего хореографа. Выглядело скорее забавно, чем грозно, но шутить желание отбивало. — Витя — наш, и ты, Юра, тоже наш. Хотите грызться — не в моем присутствии. И, Вить, не грузись на эту тему.

Виктор удивленно глянул на старую подругу, так, словно увидел ее под совершенно новым углом. Гоша рядом согласно хмыкнул и толкнул его локтем, мол, чего мы, чужие? Судорожно сведенные плечи расслабились, и Виктор, чуть подумав, попробовал улыбнуться. Пожалуй, да. Не то, чтобы он рассчитывал, будто никто не догадается, все же сколько лет росли вместе, но ощутить их поддержку оказалось приятно. В следующий раз не стоит столько размышлять и волноваться. Яков вон, тоже никогда на его костюмы не ворчал. Значит, прорвемся.

На интервью, кстати, Кацуки спрашивали о романтических отношениях, но тот лишь поморщился и ответил в стиле «Спорт — мой единственный спутник жизни на данный момент». Виктор с усмешкой слушал, как тот аккуратно подбирал гендерно-нейтральные выражения. Может у кого-то и имеются трудности с признанием, но он позволил себе не держать зла. Тем не менее, в отношении самого себя решил, что не станет напрямую врать, как некоторые. В конце концов, каких только слухов о фигуристах не ходит. Некоторые из них, что поразительно, оказались абсолютной правдой.

И пересматривая произвольную в черном, с горечью осознавал, что теперь уже имеет куда большее понимание концепции программы. Подмечал дразнящие движения, кокетливый наклон головы в прицел камеры и ловил себя на мысли, что мало все-таки его в детстве оставляли играть с машинками. Теперь-то уж поздно. И секцию борьбы, на которой пробыл ровно пару месяцев, зря бросил. А вот Юрка, припершийся сразу вслед за ним, до сих пор ходит. Утверждает, что просто нечем заняться в межсезонье. Виктор почти в восхищении, его в двенадцать совсем иные вещи занимали.

А может не настолько уж и другие.

Вами был оформлен заказ № 011578362Z на сайте vsepostery.com

Благодарим за Ваш заказ.

Часть 15

Свое лето Виктор благополучно открыл купальным сезоном. Договорился с Яковом, который добродушно махнул рукой, и умчался, прихватив команду. Пережив утро в толкотне покачивающегося вагона метро, а затем жару и духоту автобуса, ближе к середине дня они добрались до озера. Коркинское встретило на удивление пустынным пляжем, может из-за позднего времени или народ распугали нахмурившиеся тучи, обещавшие вскорости отличный ливень. Тот и впрямь не заставил себя долго ждать и вскоре пришлось скрываться под крышей. Притулившись вместе под навесом и устроившись на пластиковых лежаках, найденных там же, Мила с Юркой распаковали привезенные с собой сумки. Гоша подтащил поближе поваленное бревно, в качестве резервного места для сидения, а Виктор, утащив бутерброд в зубах, отправился напрямик к воде.

— Утонешь — больше звать не будем, — добродушно благословил Юрка, подтягивая металлическую банку слабоалкогольного напитка. Убежденный, будто его не видно — Гоша честно старался не улыбаться слишком снисходительно.

— Если плавать не умеешь — так и скажи, — рассмеялся Виктор, бросая футболку и шорты прямо на песок и оставляя их мокнуть под дождем. Озеро оказалось теплым, и, несмотря на льющийся сверху поток, позволив вытянуться и расслабиться. Подумать.

Виктор перевернулся на спину и закрыл глаза. Ему еще многое предстояло, но в данный момент он мог дать себе передышку. Чувствовал: если не остановится на несколько дней — задохнется. Воздуха в груди не хватит для продолжения гонки. Тело нуждалось в отдыхе, а в мысли требовалось вернуть охлаждающую ясность.

С неделю назад вернувшийся из очередной командировки отец, помявшись на пороге, представил ему Кариночку. Оказалось, познакомились они в ветеринарной клинике еще несколько лет назад, когда Виктор пропадал на очередных соревнованиях. Женщина оказалась заводчиком карликовых пуделей, и совпадение показалось бы забавным, но не в тот раз. Она двигалась мягко, в чем-то даже застенчиво, обращалась не иначе как «Виктор Андреевич». Посмотрела все его выступления за последние три года и в общем-то старалась поладить с будущим пасынком. Виктор бы и принял выбор отца, но тут она заметила полку в его комнате, сплошь уставленную медалями. И ее глаза загорелись от такого количества золота одновременно.

Она восхищенно прижала пальцы к губам и очень осторожно, предварительно спросив разрешения, поочередно сняла каждую. Виктор позволил, потому как не мог иначе. И едва сдерживался от того, чтобы не передернуться от отвращения. С таким трудом доставшиеся сокровища, которые бесцеремонно разглядывал кто-то, не имеющий к нему никакого отношения — это словно пачкало их, делало грязными. Так, что потом не отскребешь и не отмоешь.

Женщина будто заражала все пространство их мигмом показавшейся слишком тесной квартирке на Варшавской, от скрипучего паркета под ногами до высоких сталинских потолков. Виктор улыбался по закрепившейся привычке, так, как требовала ситуация, и молчал. Заставить себя соврать не сумел, но сбежал.

И теперь, погружаясь все глубже, позволяя легкому течению, поднымаемому из-за ветра, отнести себя к центру озера. Помнится, он обижался на Кацуки, что тот лжет, а сам поступил не лучше. Притворился, покривил душой, смолчал. Виктор понимал, где-то глубоко внутри, там, где мама называла душой, что не доволен. Собственным отношением, которое удивило в первую очередь его самого. И оставлять территорию за этой женщиной казалось тоже неправильным, словно сдал территорию врагу без боя.

Отдавало фальшью. Не таким он себя хотел видеть, не такого из себя лепил человека.

Где-то рядом пробежали волны и его закачало на них — неслышно из-за шума дождя подобралась Мила. Положила скрещенные руки на его живот и повернула голову на бок, всматриваясь. Понимающе помалкивала. Милая, милая Милка. Сколько лет они знакомы, какую часть времени из них дружат, хотя поначалу хулиганистая девчонка его раздражала. Что бы ему в нее не влюбиться?

— Можно я тебя поцелую? — неожиданно громко спросил Виктор, желая удостовериться. За серой пеленой их все равно с берега будет не видно. Мила пожала плечами и приподнялась, удерживая себя над водой при помощи его плеча.

Губы были такими же мягкими, как и тогда в лагере. Не похожими на собственные, чуть суховатые и слегка более жесткими. Зато с горьким привкусом пива и это напомнило о встрече в полутемной зале клуба далекой Бельгии. Но ничего кроме.

Конечно, Виктор не ожидал фейерверков и фанфар, как оно обычно описывалось в книгах и изображалось в фильмах, но хоть что-то. Пожалуйста? Сидевшее глубоко в груди гнусное чувство ехидно смеялось и скалилось. Другая же его часть почти осязаемо гладила по голове, утешала. Приходилось признать очевидное.

Он вздохнул и кивнул в ответ на: «Убедился?». Мила повисла на его спине, болтая ногами где-то в глубине. Как все было бы проще, будь он хоть немного другим. Чуть более похожим на остальных. Но все тот же гнусный голос спрашивал: «А тебе самому-то хотелось бы быть обычным?» и он покаянно мотал головой, осознавая: «Нет, ни за что».

— Думаешь, мне стоит пойти ей навстречу? — спросил он под влиянием момента, зная, что подруга уже в курсе его ситуации.

— Думаю, тебе стоит попытаться, — проговорила Мила на его ухо, очерчивая то пальцем. Виктор тихо усмехнулся, думая совсем не о мачехе. Мила тем временем продолжила гладить края раковины, убрав мешающиеся волосы на ухо. Внезапно дернула за мочку. — Знаешь, тебе бы пошли серьги! Гвоздики такие металлические, под простое железо. Строго и элегантно, а если спросят, заявишь, что увлекся роком.

Виктор отрицательно что-то промычал, задумавшись. Серьги — нет, слишком, как выражается Юрка, по-пидорски. Но идея поставить программу под Металлику показалась занятной, где-то в стопках дисков у него имелась хорошая композиция.

Первый взрослый сезон налагал массу запретов и прибавлял трудностей. Вместо привычных уже двух этапов, Виктору полагался лишь один — федерация сомневалась в его способности взять высокое место сразу, с наскока. Несмотря на золото юниорского, они возлагали больше надежд на стариков сборной, отдав им наиболее престижные места. Но зато ему предложили выступить в Москве на Кубке Ростелекома. Организаторы полагали, на домашнем стадионе он будет чувствовать себя спокойнее. Виктор лишь фыркнул под нос — он давно ощущал себя на любом катке мира как в родном Дворце.

Зато когда на сайте ISU выложили информацию о фигуристах, выступающих на тех или иных этапах, он резко передумал хоть как-то возражать. Победители последнего чемпионата мира имели право выбирать страны, в которых выступают. Занявший первое место в прошлом сезоне Кацуки Юри ожидаемо потребовал Америку и, внезапно, Россию. У Виктора пересохло во рту и горло сжалось — ни вдохнуть, ни выдохнуть. Правда, что ли?

На кой черт, почему сейчас? Он боялся думать, слишком смелой казалась фантазия, словно Кацуки мог захотеть приехать в Москву персонально к нему, будто ему есть

какое-то дело до очередного фаната. Да, выигравшего юниорское золото, но всего лишь поклонника.

Осознание ударило резко, под дых. Конечно, он ведь теперь не просто юниор — соперник. Конкурент. Думать о таком показалось неприятно. Да ладно, какой из него противник? Сравнить детские чемпионаты со взрослыми? Нет, для этого они отличались слишком многим.

И все же, это будет первое их противостояние. Открытое, на виду всей публики «Мегаспорта», под пристальными взглядами судей и комментаторов, беспристрастное до сотых долей баллов. Виктор бы в жизни не отказался от подобного, даже под угрозой пролететь на фанера над Финалом Гран-При.

Но прежде пришлось поизнывать у экрана телевизора, болея за товарищей на юниорских. Первые их этапы приходились на конец лета-начало осени и в этот раз Яков, посадив в самолет привычный квартет, исчез с горизонта. За одним исключением — место Виктора занял подросший Юрка, и должно бы стать обидно, но нет. Юра уже давно воспринимался своим, родным. Шипел на окружающих из-под козырька кепки, но все одно упыхивался рядом на тренировках и любил фигурку всем сердцем — для Виктора подобное являлось достаточным критерием. Если двое любят одно и то же, значит, рано или поздно, они если не поладят, то станут вполне прилично общаться. И не может быть иначе.

На собственный Кубок Ростелекома он отправился заранее, желая привыкнуть к обстановке, и прихватил с собой Маккачина, все же поддавшись уговорам сестры. Та очень хотела посмотреть в кого превратился щенок-переросток. Приняла радушно, устроила в отдельной комнате на раскладном диване, и не приставала — кажется, у нее заиграла личная жизнь новыми красками. Виктор намек понял и старался оставаться на арене допоздна, даже по окончании открытых тренировок. И именно потому раньше всех увидел мелькнувшего в дверях чемпиона, направлявшегося на регистрацию. Виктор опрометью бросился вслед в административную часть корпуса, едва накинув на плечи обычную уличную ветровку, в которой прогуливался по улицам.

Возможно, план подкрасться со спины к человеку в наушниках, по здравому разумению, был не лучшей его идеей, но Виктор не собирался больше ждать. Они и так видятся от силы пару раз в году, не считая почти случайных пересечений на пресс-конференциях, на которые его недавно стали настойчиво зазывать.

Кацуки аж подпрыгнул, когда почувствовал его рядом, но довольно быстро взял себя в руки. Ошалело оглядел сверху до низу и негромко что-то пробормотал под нос. Виктор решил считать это приветствием.

— Вероятно, вы меня не узнали, — он протянул руку для рукопожатия, — я Виктор Никифоров, в этом сезоне перехожу...

На удивление Кацуки его перебил:

— Конечно, *Nikiforov*, — и расслабился окончательно, улыбнувшись в ответ и пожав руку. — Остался под большим впечатлением от вашей программы зимой, все хотел подойти и сказать вам это. Простите, не успел в Бельгии, нас тогда... отвлекли.

Виктор подавил желание фыркнуть на небольшую заминку в его речи. Да, весьма жаль.

— Если вы закончили, — и кивнул на столы организаторов, — то направляетесь в отель? Я могу составить вам компанию? — Кацуки смущенно рассмеялся:

— Знаете, ваша помощь действительно бы не помешала, — он застенчиво тронул волосы на макушке. — Я все еще путаюсь в Москве и буду благодарен, если вы меня проводите.

— Охотно, — с восторгом вызвался Виктор. — И, прошу, не нужно так официально. Вы вполне можете обращаться ко мне на «ты».

Кацуки слегка замялся, и неуверенно произнес, словно пробуя на вкус: — «*Viktor?*»

«В» смазалась, обратившись в нечто среднее с «б», а «у» в окончании придало чуть жалостливую интонацию. Звучало крайне необычно и придется долго привыкать к подобному обращению. Виктор не имел ничего против, ему нравилось и так.

— Правильно, — кивнул он, а затем спохватился, что сам по имени к собеседнику так и не обратился на протяжении всего диалога. Но как? Называть мирового чемпиона детским-равным «Юри» теперь точно не к лицу, Виктора бросало в холод от одной лишь мысли о подобном. Просто Кацуки звучало слишком фамильярно, и к тому же холодно, несмотря на то, что почти всех иностранцев поголовно звали по фамилии. Но для простого русского менталитета оно казалось не самым лучшим решением. Нужно иное, что устроило бы Виктора и звучало привычно для Кацуки: сверкнуло воспоминание о том, как о нем отзывались японские комментаторы на бесконечных видеороликах с соревнований или интервью.

— Кацуки-сан? — робея, попробовал Виктор. Тем не менее, на слух ложилось хорошо, звучало верно.

— Да, — незамедлительно откликнулся он, вначале оглянувшись, а только потом сообразив, кто именно его так назвал. Значит, подойдет.

— Ничего, — Виктор помотал головой, натягивая капюшон при выходе на улицу. Кацуки последовал его примеру, шагая за провожатым по мокрым бульварам и мгновенно теряясь в паутине проулков и одинаковых с виду указателей. Противная осенняя слякоть не давала расслабиться, с неба моросило. В метро Кацуки с любопытством залип на электронное табло, обозначающее сменяющие друг друга станции цветных веток, и едва не пропустил нужную. Пришлось дергать за край ветровки, и уводить по лабиринту переходов на поверхность, едва не волоча за собой — японец чуть не свернул шею, пытаясь разглядеть цветные витражи до мельчайшей детали. У входа в гостиницу Виктор едва заставил себя попрощаться. И, наблюдая как в дверях скрывается силуэт недостижимого прежде конкурента, не удержался от оклика. Кацуки притормозил и оглянулся с немым вопросом во взгляде.

— Просто хотел пожелать вам удачи завтра.

— Мы же соперники, нет? — удивился он, наклоняя голову к плечу. Скулы слегка порозовели, хотя может это обман зрения или то от прохлады, а Виктор не заметил раньше в огнях вечерних фонарей.

— Разве я не могу любить ваше катание? — И вас.

Кацуки ответил тем проникновенным взглядом, из-за которого казалось, словно он действительно понимает, что стоит за словами его поклонника.

— Тогда и тебе удачи, Виктор.

Измененное до неузнаваемости собственное имя из этих уст звучало как никогда приятно. Виктор не собирался поправлять.

Кацуки ожидаемо занял верхнюю строчку рейтинга, с легкостью обойдя как новичка Виктора, так и чеха, который взял серебро. Пусть Виктору было страшно обидно за самого себя, но он не мог не признать — подобный итог выглядел отнюдь неудивительно. Конечно, он рассчитывал на большее, но, если смотреть правде в глаза, третье место на первом в жизни взрослом этапе — уже отличный результат. Если бы не одного «но»: этап у него один. И если с двумя он сумел бы набрать приличное количество очков, то так

с гарантией пролетал мимо финала.

И все же, порефлексирав над стаканом чая в кафетерии спорткомплекса, Виктор сумел себя приободрить. Впереди еще оставались Кубок России, на котором он уж точно сумеет доказать всей стране, кто тот единственный, что достоин звания топового фигуриста. И тогда его ждала Европа, а затем долгожданные Миры. А до очередного сражения с Кацуки ему предстояло исправить ошибки и довести программу до ума.

Стул за соседним столиком противно лязгнул по плитам пола и жалобно закрипел под чужим весом. Почувствовался резкий запах свежеприготовленного крепкого кофе, каковой бывает только из бумажных стаканчиков с кричащими фирменными логотипами.

— Извини, — проронил Кацуки, смотря на переплетенные над столом руки. Виктор откинулся на спинку, да так, что его качнувшийся от резкого движения хвост почти достал японскую олимпийку.

— Спорт есть спорт, — философски вздохнул он, грея руки о собственный напиток. Кацуки наконец обернулся, впиваясь взглядом в его расслабленное лицо. По крайней мере, Виктор надеялся, оно таковым было. Кацуки чуть скривил губы, а затем поспешно опустил взгляд, смутившись от собственных действий.

Айфон Виктора отсигналил о входящем сообщении: сестра сообщала, что ее не будет всю ночь и Маккачин сам себя не выгуляет. Уже нагибаясь за сумкой и собираясь попрощаться, он заметил пристальный интерес Кацуки к экрану блокировки его телефона. Конечно, на заставке ведь стояла фотография Маккачина.

— У тебя есть собака? — с завистливым блеском в глазах спросил Кацуки, тут же одернув себя. Он настолько явно пытался казаться взрослым и держать порывы под контролем, что Виктор едва удержался от смешка. Ему просто не оставили выбора.

— Хотите с ним познакомиться? — предложил он, пытаясь прогнать из головы мысли о том, каково ему будет оказаться один на один в небольшой квартирке с обожаемым кумиром. И если бы всего лишь кумиром. Но полное счастья лицо Кацуки заставляло любой здравый смысл капитулировать.

И обойдя весь центр втроем, слишком взбудораженные для сна, они остановились на продуваемом всеми ветрами мосту. Темная фигура Петра, точно строгий постовой, зорко следила за порядком и угрожающе помахивала чем-то золотистым издалека. Но Маккачин, балуясь, все равно поставил лапы на перила, заласканный донельзя новым знакомым. Абсолютно влюбленный в него Кацуки не мог оторвать рук от мягкой шерстки, и Виктор лениво прикидывал, являются ли взаимные чувства пса самостоятельным явлением или отражением его собственных. Длинное белое здание по правому берегу привлекло внимание японца.

— Третьяковка, — ответил Виктор. — Ну, знаете, известная галерея. — Озарение осветило лицо Кацуки.

— А ведь я там был, — и пояснил, рассмеявшись недоумению Виктора. — Давно, еще когда в первый раз в Россию приехал. Нашей сборной устроили экскурсию, но я так ничего и не запомнил. Только как спать хотелось в автобусе и чуточку переводчицу.

Виктор обиженно насупился, уткнув подбородок в скрещенные на перилах руки. И, выдохнув, пробормотал: «А я вот не был ни разу. Ну и кто из нас более русский?» Кацуки хихикнул в шарф, обмотанный вокруг горла, и вновь наклонился к Маккачину.

Профиль Кацуки в соц.сети утверждал о том, что у него день рождения прошел всего пару недель назад. И Виктор еще ни разу не делал ему подарка на этот праздник. Один раз задумавшись над подобной несправедливостью, он уже не сумел выкинуть ее из головы.

— А хотите, подарю вам щенка?

Кацуки встрепенулся, поднимая на него круглые глаза и замахал руками.

— Что ты, куда мне? Целый год в разъездах, кому ухаживать?

— Но вы хотите? — уточнил Виктор, пропуская мимо ушей все возражения и вглядываясь в зажегшийся в глубине зрачков потаенный огонек надежды. Кацуки покаянно кивнул и приобнял Маккачина за шею, чтобы тут же оказаться зализанным мокрым собачьим языком. — Значит, в межсезонье.

Из спутанного комка коричневой шерсти и темной куртки донесся приглушенный обреченный вздох. Виктор не дал себя обмануть — Кацуки предвкушал.

— Тогда что мне подарить тебе? Конец декабря, верно?

Виктор сделал вид, что крепко задумался. Одно желание его преследовало уже очень давно, но он сомневался, что сейчас правильный момент для его озвучивания.

— Я не уверен, что ты захочешь исполнить, — в конце концов сознался он.

Кацуки поднялся и посмотрел искоса, наклонив голову. В его глазах отражался занимавшийся рассвет и это было абсолютно бесчестно. Слишком для одного Виктора.

— Я постараюсь, — со всевозможной серьезностью сказал Кацуки и облизал обветренные губы.

— Тогда, пожалуйста, не ненавижь меня после, — прошептал Виктор, привставая на цыпочки и обнял его за плечи. Поцеловал прямо в чуть поблескивающие губы, прикрывая глаза. И в ту же секунду понял, насколько правы все эти казавшиеся глупыми сказочками книжки: сердце сдавило до самой настоящей боли, а кончики пальцев отчетливо занемели. Голова кружилась, и на секунду показалось, будто еще немного и он потеряет сознание. И, шалея от собственной смелости, углубил поцелуй, прижимаясь ближе. Прикоснулся к языку Юри своим, и до того ему стало сладко, что захотелось петь и кричать, а тело казалось невесомым. И единственная ниточка, удерживающая его на бренной земле — чужие плечи под его руками.

Кацуки никак на поцелуй не отвечал. Даже глаз не закрыл и смотрел побитой собакой, проводя рукой по волосам, успокаивая. Так, как гладил Маккачина, когда тот ушиб лапу на мостовой.

— Не буду, обещаю, — твердо произнес он, когда Виктор позволил ему говорить. — И ты прости.

— Хорошо, — выдавил тот из себя. И отвернулся, чувствуя как начало припекать глаза, занавесившись от окружающего мира волосами. Кацуки обнял сзади, положив щеку ему на затылок и зашептал что-то на японском, с той противной печальной интонацией, чуть укачивая в руках. Виктор зло утер лицо рукавом и оттолкнул его от себя.

— Я понял, — и постарался встать ровно, прямо. — Соперники, товарищи, друзья. И на этом всё.

— Извини.

— Нет, — и, заметив мелькнувшую на дне зрачков Кацуки панику, невольно растянул губы в улыбке. Получилось даже похоже на настоящую. — Не за что.

Спешите видеть — Кацуки Юри в восхищении.

Через пару дней на подаренный спонсорами «Sony» пришло коротенькое сообщение:

«Юный друг дожидается твоей победы и ждет не дождется наконец познакомиться».

На прилетевшей следом фото Виктор обнимал небольшой шоколадный комоч, который с любопытством разглядывал большую светлую квартиру — насколько мог судить сам Кацуки. Камера захватила и угол чьего-то черного носа да пару знакомых мохнатых лап — Маккачин явно пытался пригласить новичка поиграть.

«Обязательно дождется. Прилечу в Петербург как только смогу, ко всем троим».

Часть 16

На Кубке России всей команде пришлось повозиться, но Виктор всё же вырвал победу у порядком осмелевшего Георгия, едва не перехватившего лидерство на короткой. Яков язвительно комментировал подготовку воспитанников своих московских коллег, чьи фигуристы даже близко не подошли к их оценкам. Мила, чуть сдав на короткой программе, вырвалась далеко вперёд во второй день, что позволило ей рассчитывать на уверенное место в составе команды, а вот Плисецкий умудрился накосячить, но по первости простительно. Виктор с умилением посматривал, как тот исходил от разочарования. Помню-помню, как же.

Тем не менее Чемпионат Европы охотно встречал питерскую компанию, и ещё с первых шагов по аэропорту к ним прибилась стайка корреспондентов местного телевидения. Виктор приветливо улыбался, помахивая некоторым уже знакомым лицам в толпе. Пропуск Гран-При одарил большим количеством свободного времени, что позволило обратить внимание ещё и на поддержку публики, оказываемую любимившимся спортсменам.

За те несколько месяцев, что он провёл в стороне от больших соревнований, многие интересовались его дальнейшими планами. На почту пришло несколько писем от поклонников, которые поздравили с переходом ко «взрослым» и выразили поддержку, попросив не опускать руки. Виктор обнаружил, что его катание нравится куда большему количеству людей, чем он изначально предполагал.

Так что, когда смешливая мелкая девчонка с тёмными хвостиками робко протянула ему альбом и маркер, Виктор не посмел ей отказать. Под хмурым взглядом Якова, который намекающе барабанил пальцами по стеклу наручных часов, он присел и охотно подписал. Нарисовал рядышком — уж как сумел — букет цветов и галантно поцеловал крошечную ладошку.

Ну не мог он поступить иначе! Слишком уж ситуация напоминала собственное прошлое. Он помнил, как ослепительно счастлив был от одного прикосновения к олимпийке обожаемого спортсмена. Следовать примеру Кацуки показалось ему естественным явлением.

И перед ответственным днём, засыпая в компании насупленного Георгия, обещавшего устроить ему на льду достойный отпор, не смог удержаться. На утро его не ждало состязание с Кацуки (он его даже не увидит до первой встречи на Мирах, которых ещё долго ждать).

Привычка, выработавшаяся на прошлых Гран-При, настойчиво требовала увидеть своего кумира, хотя бы в заметках Интернет-изданий или на медиасайтах, раз уж не представится возможность повстречать вживую.

Виктор, обозвав себя в сердцах Кацукиголиком, натянул наушники, чтобы не мешать и так не самому приятному в общении перед важными мероприятиями товарищу. Отвернулся к окну и развернул во весь экран видео его прошлой произвольной, которая в сильно ужатом варианте — и по времени, и в элементах — стала в нынешнем году короткой.

Вызывающей и блестящей программой, даже костюм доработали: вырез стал смелее, покрывшись тёмной сеткой, якобы хоть что-то утаивающей от чужих глаз; а подол приобрёл яркую подкладку, притягивающую взгляды.

Прокручивая раз за разом, Виктор пытался сосредоточиться на компонентах и отдельных особенностях исполнения, желая настроить себя на серьёзный лад. Но всё тщетно: после пары просмотров рассудочное мышление благополучно давало сбой,

и он мог только наслаждаться чужой игрой, зажигательным танцем на льду в искрящемся свете рамп.

Перед тем как вновь зайти на аксель, Кацуки вдруг обернулся в камеру и словно посмотрел прямо на своего поклонника, минуя презренные законы пространства и времени. Шало улыбнулся и поманил кончиком пальца. Мол, не бойся, иди ко мне. Давай прокатимся вместе.

Виктор почти поверил, что на нём на самом деле потрёпанные тренировочные коньки, знакомые до последней царапинки на коже, с едва заметным кусочком липкой ленты поверху: приклеивал шнурки пару раз, пока прыжки учил, чтобы — не дай бог! — не развязались и не пришлось таранить носом каток Дворца.

Виктор коротко глянул на соседнюю постель, где Гоша до сих пор беспокойно ворочался в попытке уснуть. Раздражённо выдохнул и, подхватив для приличия полотенце, бодро протопал в сторону ванной комнаты, сверкая голыми пятками.

— Ты куда это? — Гоша не пришёл в восторг от полоски резкого света, ударившего прямо по глазам.

— Голову хочу остудить, переживаю что-то за завтрашний день, — живо отозвался Виктор. Подумаешь, человеку захотелось принять прохладный душ. То, что с непросохших волос ещё стекали редкие капли, а за окном стоял февраль, — его мало волновало.

— Неужели я дождался этого чудного мгновения? Витька волнуется, — пробурчал Гоша в подушку, накрывшись одеялом с головой. — Чудик. Насмотришься вечно перед прокатами всякого.

Виктор плотно прикрыл за собой дверь и запер к тому же, прежде чем склониться над раковиной. Отражение встретило понимающим взглядом — мол, не бойся, брат, не выдам, — тогда как голый рассудок резонно отметил, что друзей, товарищей и далее по списку желать не положено. Может, надеяться Виктору и не на что, но сделать что-то с реакциями тела — задача не из лёгких. А уж за такой короткий срок — и думать забудь.

Споласкивая руку, Виктор пообещал — это было в первый и последний раз. При том прекрасно понимая, что врёт самому себе: ну какое дело Кацуки до дурных фантазий некоторых подростков? Вот уж действительно, чудик. Может статься, Гоша прав даже больше на его счёт, чем полагает.

И по окончании короткой программы Виктор беззлобно, насколько мог, подтрунивал над другом. Гоше категорически не везло на соревнованиях за пределами России. Однако полностью расслабиться не представлялось возможным: Криса отделяли от него какие-то несколько баллов, с хвостиком. При удачном раскладе тот способен и отобрать первенство. Допускать такое вновь нельзя категорически.

Виктор тщательно готовился к завершающему дню соревнований, прогоняя программу каждую свободную минуту — как на льду, пока его не прогоняли с катка, так и на паркете. Затыкал уши «капельками» айфона и повторял прокат, отрабатывая каждый элемент заново, пока он не становился идеальным.

Когда Яков с тревогой стал посматривать в его сторону, заподозрив мандраж перед выходом, мобильный в кармане завибрировал. Виктор с недоумением вытянул его и открыл голосовые сообщения. Сестра отзвонилась ещё прошлым днём, да и отец с Кариной Вадимовной, обняв на прощание, вняли просьбе не отвлекать пустыми разговорами. Заодно удалось с них стребовать обещание проследить за обеими собаками со всей ответственностью, а не как обычно. Макка тогда ещё состроил обиженную мордочку и отказался покидать прикроватный коврик в его спальне. Зато

новый неназванный щенок от всей души облобызал ему лицо перед отъездом.

«Прости, только сейчас увидел запись КП — в гостинице была ужасная связь. Пришлось ловить в соседнем кафе Wi-Fi. Наверное, я выглядел невероятно забавно, официанты даже периодически пытались меня выгнать! — чуть смущённо рассказывал Кацуки. Виктор поневоле усмехнулся, представляя, как он эмоционально наблюдал его прокат. Бедные служащие корейского кафе. — Тренер Сынгиля сегодня сообщила о замене; он сам попал в больницу. Точно пока ничего не известно, но ходят разговоры, будто он повздорил с кем-то из своей сборной». — Звучало вполне вероятно. Виктор был наслышан о его несговорчивом характере и попытался отогнать подобные мысли. То же самое могло произойти с каждым из них, не стоило зубоскалить. Но всё же в этом случае шансы Кацуки на победу повышались.

«Я хотел пожелать тебе удачи, но, быть может, тебе уже многие сказали это за последние дни. Так что забудь обо всём на время выступления и выложись на все сто. Извини, если я написал не вовремя и помешал».

Виктор переслушал сообщение ещё трижды и прижал экран к ткани куртки, прямо под воротом. Осознание, что сам Кацуки в плотном графике тренировок перед Чемпионатом Континентов нашёл время посмотреть его соревнования, радовало и смущало невероятно. Но приятные впечатления в значительной мере перевешивали и дарили чувство уверенности.

Позволить себя победить теперь, когда он знал, что Кацуки следит за соревнованиями в режиме онлайн? Вот ещё!

«Крис — пидорас!»

Виктор прикусил щёки изнутри, чтобы выражение не вырвалось вслух. То-то будет весёленькое происшествие: *«Русский молодой фигурист оскорбляет конкурента на международной пресс-конференции. Смотрите в HD».*

Но чертовски верный своему слову пидорас — этого он не мог отрицать. Крис пообещал ему лутц — Крис сделал своё дело. Никифоров, вы можете уходить: золото отходит другому. Конечно, уже разбежался.

— Виктор Никифороф, — честно попытался выговорить иностранный корреспондент, — этот сезон начался для вас не лучшим образом. Скажите, какие были сделаны ошибки во время программы? Из-за чего не получилось что-то так, как вы задумывали? И как вы теперь оцениваете свои шансы на предстоящем Чемпионате Мира. Есть ли они вообще?

Яков попытался забрать микрофон для ответа, но хитрец обошёл длинный стол участников кругом и поставил его прямо перед Виктором. Тому ничего не осталось, кроме как постараться улыбнуться как можно добродушнее.

— Главная моя ошибка состояла в том, что я недооценил противников. Кто бы мог подумать... — *«Что Крис такой паразит».* — Что Кристоф нас так сильно удивит.

Золотой призёр сбоку изображал блаженную беспечность.

— Я старался. — Он нагнулся к своему микрофону. — Не одному ведь Виктору нас радовать новыми трюками? — И шутливо толкнул локтем в бок. Виктор попытался как можно незаметнее для посторонних пнуть его под столом. Яков многообещающе хмурился — видимо, готовя лекцию о должном поведении перед Федерацией фигурного катания.

— Больше я её не совершу. — Виктор вернулся к теме, пытаясь сохранить приличный

вид. — А что касается планов: приезжайте на Чемпионат и увидите всё своими глазами.

Корреспондент остался не слишком доволен ответом, но его время подошло к концу, и руку тянул уже представитель другого издания. Девушка с бейджем новостного телеканала обратилась к Крису:

— Каковы ваши ожидания от Чемпионата Мира? Как вы думаете, получится ли у вас забрать приз у нынешнего победителя?

Крис задумался ровно на секунду:

— Я способен весьма беспристрастно оценить свои силы, так как вставляю в программу лишь те элементы, которые уверенно выполняю на тренировках. Например, четверной лутц я добавил после того, как стал чётко приземлять его в восьми из десяти случаев. — И пожал плечами, с намёком глядя в сторону соседа. — Приходится. Ведь не у всех из нас прыжки удаются просто потому, что так захотелось. — Виктор почесал кончик носа. Ну да, ему больше нравилось делать всё на эмоциях, выкатывая в едином вдохновенном порыве. Есть за ним такой грешок — он и не отрицал. — А что касается Кацуки Юри, пусть соревнованием с ним займётся его фанат. Я не буду возражать, если мне вручат медаль и без всех церемоний, только за симпатичные глазки.

Виктор проследил, чтобы лицо не дрогнуло и ничем не выдало реакцию. Про фанатство он Крису еще выговорит за пределами спорткомплекса, а пока же требовалось отвести внимание от опасной темы. И не удержался, фыркнув под нос:

— Могу предложить разве только шоколадную.

— Из твоих рук, лапушка, что угодно, — тут же отозвался Крис. Виктор изобразил тяжкий вздох и попенял на камеру, намеренно отворачиваясь от тренера.

— Топовые фигуристы Швейцарии продаются за шоколад. До чего только не доводят людей диеты?

— А японских будешь пряником сманивать?

— Тульским, а как же. Зелёный чай «Моти» с ватрушками попьём, пока ты будешь кататься за троих. Как заработаешь на весь пьедестал — позволим присоединиться.

Тренер Криса тактично кашлянул, и друзьям пришлось сворачивать затрапезную беседу.

После Чемпионата Континентов Кацуки добрался до записи конференции и посмеялся над ней. Даже прокомментировал под постом: *«На самом деле он не вкусный, а пряники я пробовал»*. Виктор с несвойственной ему робостью вертел в руках провод от наушников. Его вроде как отшили, но Кацуки ведь ни слова не сказал против общения, верно?

Определившись, он кивнул самому себе и отодвинул щенка, пытавшегося попробовать модем на зуб, а затем вдавил голубой значок рядом с иконкой аватарки-кацудона. «Skype» задумчиво пошуршал и выдал соединение. Маккачин моментально уткнулся мокрым носом в монитор, ожидая, что увидит заботливо вычесанный белый бок кошки Криса. Виктор приподнял тушку пса, с усилием сдвигая его к краю, чтобы тоже появиться на экране. И сразу после приветствия выдал, немного запыхавшись: *«Я готов рассмотреть и другие предложения, Кацуки-сан! Вот вы знаете, что такое плюшки?»*

Кацуки пару минут пытался понять, к чему это он — в его карих глазах почти виднелось отражение работы головного процессора, с большой скоростью перерывавшего содержимое предыдущих диалогов. Наконец искомое было найдено, и он обманчиво-строго пригрозил: *«Тебе не удастся заставить меня потерять форму накануне Миров, Виктор!»*

— Даже если я очень попытаюсь? — Парень радовался просто тому, что может услышать его настоящий голос. И удерживаться от шуток не видел смысла. Кацуки они,

похоже, нравились. По крайней мере, он не одёргивал и никак не подавал вида, будто те ему неприятны. Только на пару минут зависал по началу, как браузер с плохим приёмом сети, но затем включался и охотно поддерживал игру. Но сегодня видно что-то пошло не так.

— Извини. — Голос в динамиках показался печальным или грустным.

Виктор забеспокоился и поспешил выпалить:

— Если вас что-то беспокоит и вам некому рассказать. — Он замялся, пытаюсь подобрать более корректное выражение. — В смысле, если вы захотите рассказать — я выслушаю. И, как знать, дам совет. Ну а вдруг, всё же со стороны бывает виднее!

Кацуки сморщился, словно от резкой зубной боли, и весь съёжился, будто пытаюсь стать меньше в размере.

— Это навряд ли.

— Если что-то личное, то я не настаиваю. — Виктор, как мог, пытался удержать любопытство в узде и проникнуться — всё же, что могло так беспокоить Кацуки? Когда они переписывались пару дней назад, он казался весьма жизнерадостным и нацеленным на победу и (попутно) весёлое времяпрепровождение. На пару минут повисло напряжённое молчание.

Виктор честно старался не пялиться на лицо своего собеседника, но оно выглядело зловеще-восковым в бледной подсветке монитора, и только мельчайшие перемены в мимике, которые приходилось с трудом высматривать, позволяли убедиться в его «человечности». Кацуки не смог долго продержаться под пытливым взглядом и сдался.

— Всё одно скоро в газетах всплывёт. — И махнул рукой, недовольно при этом покачав головой, а затем признался: — Это из-за «четырёх континентов». Я там второе взял. — Виктор терпеливо ожидал пояснений. — В позапрошлом году, когда ещё с Ли соревновался, также было. Теперь-то, я думал, будет проще, а оказалось — ничуть. По-прежнему чудовищно тяжело. Все вокруг как-то развиваются, наращивают баллы, элементы, прыжки разучивают новые, а я как-будто на месте стою. — Он замялся, но всё же решил продолжить: — У тебя не возникало такое ощущение, словно ты один куда-то рвёшься, бежишь, а когда оглядываешься, то на деле оказывается, что прошёл ты всего ничего?

— Возникало, конечно! — Виктор аж подпрыгнул на стуле, перепугав щенка, и даже не заметил этого. — Сколько раз я Крису «бью» и Гошу — мы занимаемся на одном катке, — но всякий раз, стоит мне лишь зазеваться, они перегоняют. И снова приходится упахиваться до полной потери сил, пока эти прыжки в кошмарах не начинают сниться. Постоянно так.

Кацуки смущённо потёр шею и откинулся на спинку кресла. Обзор помещения стал больше, и Виктор разглядел небольшую комнату: в темноте цвета было не отличить — только белели очертания не разобранной постели за спиной её владельца и прикроватный столик. Пара книжек с надписями на английском и, вероятно, японском да какая-то скомканная вещь. Может, футболка, сброшенная второпях после тренировки?

— Я читал новости. — Кацуки глянул на что-то за пределами монитора. Судя по видневшемуся проводу зарядки — на телефон. — Не обращай внимания: пресса может говорить что угодно. Пока ты своим катанием доказываешь обратное — написанное останется пустой болтовнёй.

Виктор кивнул. Некоторые издания успели проехаться по его проигрышам на Гран-При и Чемпионате Европы, назвав этот год самым худшим в его карьере. Гоша, когда прочитал, предупредил: если Никифоров посмеет в его присутствии хоть заикнуться

о своих неудачах — он лично отправит его в травмпункт кратчайшим из маршрутов.

— Почему бы тебе не попробовать более сложную тему? Мне думается, ты потянешь.

Виктор вынырнул из глубин мыслей и уставился на монитор. По ту сторону экрана Кацуки крутился на стуле и рассеянно вертел в руках карандаш.

— У тебя частенько в программах мелькают сказочные и нарочито-юношеские образы, — подметил он, на секунду поднимая взгляд. — Сам выбираешь?

— Только музыку. — Если бы Виктор попробовал — Яков снял бы с него скальп в тот же час. Та же «Nothing Else Matters» на этот сезон вырывалась с боем, хотя, казалось бы, уж кто под неё не катался.

Кацуки пробубнил под нос нечто неразборчивое: то ли выражал неодобрение, то ли удивлялся про себя.

— Просто они, как бы сказать, детские? То есть в «юниорских» такие номера проходили на «ура», а теперь публика ожидает увидеть другие мотивы. — Виктор подумал над этим с минуту и согласился. Когда они с Яковым ставили программу, то больше заботились о первой составляющей оценки — у них ушла масса времени, чтобы Виктор приноровился к непривычным стандартам. И он уже успел ощутить на своей шкуре, как резко сдала вторая половина. Выходит, технику разучил, но подзабыл про интерпретацию? Ничего удивительного. Яков всегда ставил во главу угла что-то одно. А вот Кацуки сразу заметил, ещё бы нет — с не лучшими прыжками, вот уж его-то волновали баллы за прочие части проката.

Конечно, угнаться за всем невозможно — Виктор и не собирался, но найти золотую середину стоило. Яков зачастую говорил, что необходимо использовать свои сильные стороны. И одной из таковых Виктор смело мог считать прыжки — именно их стоимость он изначально высчитывал, когда готовился к соревнованиям. И всё же Яков тренер, хоть и выдающийся, — он судил со своей колокольни. Виктор стремился к чемпионству и не прислушаться к указаниям действующего лучшего фигуриста мира было бы глупо. Тем более он действительно ощущал в себе потенциал исполнить то, что ему предлагал Кацуки.

Тут край сознания защекотала неприятная мысль: если Кацуки позволяет себе разбрасываться советами, то вообще не воспринимает его как серьёзного противника. Конечно, так дела и обстоят, но осознание от того не становилось менее болезненным.

Кацуки заметил перемену в настроении и поинтересовался причиной. Немного поколебавшись, Виктор ответил. Если уж они говорят на чистоту, то к чему сейчас увливать?

Его собеседник несказанно удивился.

— Не принимаю как соперника? Тебя? — Кацуки позволил себе коротко усмехнуться. — Уж прости, вот ты-то как раз один из моих самых потенциально-опасных конкурентов. Возможно, и не в этом сезоне, но дай тебе год-другой. Да обо мне даже не вспомнят, если мы покажемся вдвоём на одном льду!

Виктор недоверчиво прищурился и потребовал пояснить. Ну да, как же. Кацуки, может, и желал его подбодрить, и он действительно был ему за это благодарен, но надо же и меру знать. А то скажет ведь.

Сам Кацуки замялся, отводя взгляд. Но затем выдохнул и выпалил как на духу:

— Мне нравятся твои программы. Они искренние. Что у тебя на душе — то и катаешь. Эта честность подкупает, тем более огранку «русская школа» даёт прекрасную.

Ох. Виктор почувствовал, как произвольно разгорается лёгкий румянец на ушах и скулах. Как хорошо, что в искусственном свете оно не так заметно.

Кацуки вновь откинулся назад, скрестив руки за головой, и мечтательно протянул:

— Эх, дать бы тебе тему, ну например... — Он перешёл на японский, и Виктор после непродолжительной лингвистической борьбы был вынужден попросить смилостивиться и перевести. Но Кацуки, внезапно озарённый недавно пришедшей идеей, проигнорировал его и подтянул ближе пару листов бумаги. Принялся набрасывать что-то в них — Виктору не было видно, что именно, — но они с увлечением покрывались стройными рядами иероглифов вперемешку с латиницей.

Пришлось подавить раздражение и терпеливо дожидаться, когда творца отпустит его замысел. С привычкой не слышать и не видеть никого вокруг в приступе вдохновения Виктор был знаком не понаслышке. Тут только ловить за шкуру и насильно вытаскивать в реальность.

Дверь в комнате распахнулась, и голос, обладатель которого полностью в обзор не попадал, окликнул Кацуки. Тот оглянулся только раза с третьего и, переспросив, что-то ответил, не забыв на автомате отключить микрофон. Виктор заинтересованно уставился на экран, где парни перебросились ещё парой фраз. Наконец незнакомец подхватил ткань с прикроватного столика, оказавшуюся рубашкой с ярким нечитаемым принтом, больше похожим на логотип, и скрылся.

— Извини, мой сосед иногда беспардонный, — покаялся Кацуки, возвращаясь к диалогу. Виктор украдкой перевёл дух, не замечая, что до того едва дышал, весь обратившись в зрение. — Я уже жалею, что подписался на шоу. Одни только примерки занимают слишком много времени. Если после сезона я наберу хоть несколько килограммов — костюм придётся перешивать и меня им же и придушат.

Виктор мысленно сделал пометку посмотреть расписание ледовых выступлений, чтобы своевременно подключиться к трансляции. И не удержался от зевка — разница во времени напрягала по-прежнему. Кацуки синхронно зевнул в кулак, и оба приснули от смеха.

— До встречи на Мирах? — предположил мужчина, утомлённо складывая голову на скрещённые перед собой руки.

— Я буду с нетерпением ждать! — Виктор залюбовался: сонный Кацуки под углом смотрел в камеру, очаровательно щурясь. — И будьте смелее, Кацуки-сан, я обожаю ваши программы. Они всегда удивительны, каждый раз словно откровение. Не волнуйтесь, вам никто не помеха.

Кацуки польщено поблагодарил, пряча лицо в сложенных руках на столе. И пожелал удачи в ответ, почти тут же отключаясь.

За окном занимался не по-весеннему поздний рассвет. Виктор решительно взялся за рюкзак с коньками — ему ещё предстояло отработать образ, и пусть на сегодня режим пойдёт ко всем чертям. До Чемпионата оставалась всего неделя.

«...пятое место — не самое выдающееся достижение воспитанника Фельцмана, тем не менее он обеспечил для сборной квоту на следующий чемпионат. Тогда как Японскую федерацию можно поздравить: Кацуки Юри продолжает удивлять зрителей и судей своими преобразованиями на льду. Золото по праву присуждается ему, тогда как...»

Часть 17

Перед самым Гала-представлением Виктор в нетерпении переминался с ноги на ногу. Подходила к концу программа Неколы, вице-чемпиона, и вскоре на лёд должен был выходить Кацуки — а пока же он дожидался в отдельной комнате. Виктор видел его через неплотно задёрнутую шторку у дверей: Юри уже собрался и был готов в нужный миг присоединиться к шоу. А сейчас он никуда не торопился и спокойно наслаждался видом чужих программ, наблюдая через монитор. Никаких следов от волнения, в котором он признавался всего несколько дней назад — только чистое удовольствие от просмотра.

Виктору даже стало обидно, что его не удостоили чести исполнить собственную показательную. Но он помотал головой, отгоняя непрошеную мысль: по прошествии времени прокат стал казаться несуразным и слабым — пусть и для внеконкурсного выступления. Как Кацуки тогда выразился? «*Детским*».

Волей-неволей Виктор признал: он покинул младший дивизион, и его программы должны вырасти вместе с ним не только по техническому наполнению, но и смысловому. Одной красивой картинкой стало недостаточно. Но как этого добиться — он пока что не знал. И потому, не мудрствуя лукаво, отложил поиск решения до следующего сезона, а сейчас позволил себе насладиться последними днями нынешнего.

В полутёмном стадионе пришлось скорее догадываться, что кто-то идёт к проходам ко льду, нежели видеть на самом деле. Виктор, сидя с самого края от прохода, прищурился и только затем разглядел, как Кацуки расстегнул спортивную куртку и прицельно бросил на бортик. Странно, что не передал в руки тренеру, но разгадка нашлась быстро: Челестино тоже обнаружился сидевшим на трибунах, хоть и в некотором отдалении от Виктора. А разве он не должен был поддерживать своего спортсмена даже на закрытии мероприятия?

По крайней мере, Яков почти всегда стремился дать какое-то напутствие ему или Гоше либо чехлы подать: не так-то удобно прыгать по резиновому покрытию за защитой лезвий, которую любезные организаторы опять куда-то унесли или просто сшибли с борта другие участники. А то ведь некоторым приходилось ползать на карачках в темноте, поминутно опасаясь, что тебе отдавят пальцы. Виктору как-то досталось от мельтешащей Милы — с неделю ногти сияли благородным пурпуром, несмотря на то, что на коньки были надеты протекторы и весу-то в ней всего ничего.

В имитации строгого синего пиджака с сияющими лацканами Кацуки выглядел непривычно официально. В обычной жизни, как успел понять Виктор, он предпочитал спортивный стиль, появляясь в костюмах только ради строгих конференций, хотя и выглядел в них куда как представительнее. Но затем стало не до разглядывания деталей одежды: звукооператор включил музыку.

Во время программы Виктор всматривался, пытаясь понять: в чём же секрет? И, если удастся, перенять его. Ведь можно же рассчитать оценку, подобрать музыку и разучить все движения так, чтобы попадать в хронометраж с точностью до миллисекунды. Он пробовал, не он один: Гоша с Милой, да и не такой уже мелкий Юрка — все они проводили перед зеркалом в танцевальном классе долгие месяцы, прежде чем показаться на публике с новым номером.

И всё равно у них не выходило откатывать так, как это делал Кацуки. Словно бы в том нет ни малейшей сложности — и следовать за музыкой так же естественно, как дышать. Он не задумывался над тем, что выполняет тело, иногда даже глаза закрывал — Виктор готов был поклясться! Порою ему казалось, что Кацуки мог бы и вовсе кататься в полной

тишине да темноте — и отсутствие освещения не помешало бы ему завоевать медаль.

А ближе к концу Кацуки вскинул руки, от груди протягивая их вперёд. Только поклона недоставало — впрочем, вскоре последовал и он, гармонично завершая выступление. Кацуки благодарил публику и судей, столь высоко оценивших его старания прошлым вечером. А все прочие — вместе с самим Виктором — могли лишь подняться с мест в неом свидетельстве своего восхищения. Не находя слов, одними лишь аплодисментами благодаря фигуриста в ответ.

По возвращении в Питер Виктор перебрал несколько десятков своих любимых композиций, пытаясь выдумать некую историю, которая бы проходила через всю программу. И уже на неё нанизывать связующие компоненты, точно бусины на нить.

У него имелось несколько задумок, по отдельности выглядевших весьма неплохо. И если бы он предложил, то вполне возможно, что Яков бы их одобрил. А с небольшой помощью хореографа Юбилейного или даже Лилии из них удалось бы вылепить хорошую программу. Но всё же она бы и близко не подошла уровнем к программам тех же Сингиля, Леруа или Неколы. О том, чтобы приблизиться к Кацуки, не могло быть и речи: тот обретался где-то в поднебесье, куда вход простым смертным был воспрещён.

Виктор продолжал забавляться с разными стилями и образами в попытке найти тот единственный, что глубоко тронет его, но он пока ускользал, как юркая рыбка из рук незадачливого рыболова. И никто не собирался ждать Виктора до бесконечности: вскоре предстояло заказывать костюмы, готовить аудио для будущего сезона. Персонально для него этого делать никто не собирался, и, если он не планирует выступать в трениках (как костюмер грозился, пролистывая график), ему вскоре предстояло определиться.

— Ты хоть знаешь, что ищешь-то? — пристал однажды Яков после спонтанного прогона нескольких чужих программ в попытке ненавязчиво подсобить. Но в том-то и заключалась загвоздка: Виктор не знал. И оттого метался.

— Просто дайте мне ещё немного времени, дядь Яш. Найду, обязательно, — убеждал он его, не особо веря в правдивость своих слов.

— Ну смотри у меня, — вздыхал Яков и направлялся к Гоше с Юркой, которые, по его мнению, хотя бы делом занимались.

Только тот разговор довольно быстро вылетел из памяти. Поутру на электронном табло Пулково появилась запись, что рейс Вашингтон-Москва благополучно приземлился, и вскоре пассажиры переседут на внутренний, до Питера. Виктор сквозь зубы обругал одного тихушника и вылетел из постели, споткнувшись о брошенные на пол наушники.

Если бы он не отслеживал официальные страницы Кацуки, то с лёгкостью бы пропустил долгожданное событие. Хвала всем тайским блогерам, но некоторые из участников выложили фото с последнего ледового шоу в Берлине и небольшого фуршета для «своих» после. И один сетовал в комментариях (примерно на сороковом Виктор хотел дать слабину и бросить просмотр, тем не менее удержался), что его лучший друг покинул их компанию, обменяв фигуристов на свидание с русской красавицей. Грешным делом Виктор поначалу подумал, будто Кацуки забыл об их уговоре. А как осознал, о ком шла речь, — пожалел, что не забыл (кто-то всё-таки сболтнул о произошедшем в клубе).

Пришлось бросить все запланированные дела и спешно разыскивать поводки: собаки с любопытством наблюдали за его сборами. Щенок попытался было помочь, но больше вертелся под ногами, и Виктор аккуратно перенёс его на диван, чтобы не наступить ненароком.

Из кухни выглянула Карина, мигом оценила боевую подготовку и скрылась там же,

зашуршав пакетами: складывала миски и корм на первое время. Судя по объёму сумок, в её понимании это около полугода.

В суете с волос Виктора слетела резинка, однако ему стало лень её искать, ведь в бардаке он провозился бы не один час. Накинул одну из любимых рубашек и стал задумчиво коситься в сторону пиджака, но вовремя одумался и натянул непромокаемую куртку. Отряхнул джинсы, попытался отскрести налипшую по низу засохшую грязь, а затем махнул рукой: всё равно Маккачин ещё наставит следов.

У дверей Карина уже гладила бывшего мохнатого подопечного, распутывая пальцами кудряшки. А затем обратила внимание на самого Витю: «Ух, вы как на свидание приготовились, Виктор Андреевич!» Он лишь фыркнул, принимаясь возиться с застёжками ошейников.

— Как обычно, не придумывай. Ну, я убежал?

— Дай мне минутку хоть! — возмутилась она и поднялась на ноги вместе с щенком на руках. — Веди себя хорошо, малыш. Надеюсь, друг Виктора хорошо о тебе позаботится. — Карина прижала его к груди и чмокнула в мокрый нос напоследок. — Попроси хоть фото прислать, как они прилетят домой.

Виктор чуть снисходительно рассмеялся.

— Думаю, и фото, и видео можно будет легко найти в Интернете. — Уж детройтские фанаты не пропустят появления у кумира питомца. — За Кацуки следят пристальнее, чем за некоторыми кинозвёздами. Но я скажу.

— Хорошо. — Девушка приоткрыла дверь, провожая Виктора и собак. И когда они уже прошли на лестничную клетку, то, смеясь, поинтересовалась: — Виктор, а тебя на ужин ждать или ты с ночёвкой?

Виктор не сразу понял, к чему вопрос, а затем покраснел, но, к счастью, в этот момент лифт стал спускаться, и его смущение заметили только Маккачин и щенок.

На секунду Виктор пофантазировал, что, если бы он жил в собственной квартире, как с недавних пор Гоша, то, несомненно, смог бы пригласить Кацуки пожить к себе. Но он же не Крис — для Виктора было просто невысказано устроить его на раскладном диване, как друга-ровесника. Да и Кацуки наверняка с самого начала забронировал отель, всё-таки он путешествовал намного чаще самого Вити.

Виктор промчался через переход и стал нервно озираться по сторонам, пытаясь понять: успел или же нет? Кацуки ведь не мог уже уехать, верно? Сверился с табло на телефоне. Он ещё не должен был успеть пройти регистрацию. Но чем ближе Виктор подходил к зданию аэропорта, тем больше начинал волноваться.

Перед терминалом он совсем растерялся, не зная, куда идти дальше, и уже намеревался обратиться на стойку информации. Мимо прошла группа парней примерно его лет, прилетевших и их встречавших вперемешку, и Виктор услышал их не такой уж тихий разговор. Один из них с увлечением рассказывал, что в самолёте сидел рядом с самим Мировым Чемпионом по фигурному катанию.

«Да точно тебе говорю! Это был Юри Кацуки!» — пытался он убедить товарищей, но те отнеслись к его заявлению скептически.

«Тебе наверняка показалось — просто похожий азиат. Неужели ты думаешь, что он полетит сюда?»

Другой покивал с видом знатока: «Точно, только позавчера закончилось шоу в Бостоне. Я смотрел трансляцию. Он наверняка сейчас отсыпается или летит домой, в Детройт».

Виктор хотел было помчаться к ленте с багажом, однако его остановили в дверях.

— С собаками нельзя! — От зычного окрика Виктор сжался. Маккачин уже не был

тем щенком-подростком, так что поблажек ждать не приходилось, тем не менее попытаться стоило. Сотрудник аэропорта категорично отказал в просьбе пропустить: — Если это не поводырь, то подождёте на улице.

Виктор остался на входе, надеясь, что не пропустит долгожданного гостя в толпе. И действительно, едва не упустил, но тёмное пальто в светлом помещении резко контрастировало с окружающим пространством.

Виктор на минуту оробел: Кацуки даже вне катка казался чем-то недостижимым, слишком ненастоящим, словно призрак. Только дотронься — испарится. И удивлялся, как это люди не видят этого, не тыкают пальцем и осмеливаются не уступать дорогу. Юри же заметил знакомых собак и сам подошёл к нему, приветливо улыбаясь. Заклятия немоты как не бывало.

— Не ожидал, что ты станешь меня встречать, извини за неудобства. Я хотел позвонить уже из отеля.

— Что вы, Кацуки-сан! — Виктор махнул рукой. И окончательно расслабился — от вида такого уютного Кацуки в дурацких очках и шей, обмотанной мягким шарфом с аляповатой расцветкой. — Я просто не смог дождаться.

Юри немного смутился, тем не менее почти тут же радостно ответил:

— Если честно, я тоже. Проводишь меня до кафе?

Виктор с готовностью отозвался, а его желудок вторил словам, напоминая, что кое-кто забыл позавтракать. По дороге Кацуки забросил чемодан в отель и сменил одежду (Виктор скромно подождал в фойе, убедившись, что с собаками здесь можно — предусмотрительность Кацуки поражала). Порядком посвежевший гость Северной столицы наконец поприветствовал Маккачина как полагается.

Тот охотно оставил отпечатки лап на его брюках и попытался сбить с ног, но это оказалось не так-то просто сделать. Кацуки вовремя его перехватил и, приподняв, чуть покружился на месте. А затем уже познакомился с щенком, с неожиданной робостью дав сначала обнюхать свою ладонь, и только потом погладил.

Виктор следил за их сближением, затаив дыхание, однако все опасения оказались тщетны: щенок с лёгкостью принял незнакомца в стаю и, оглядываясь на Маккачина, втянулся в игру. Кацуки с радостью побегал с обоими по дорожкам парка и, когда троица выдохлась, вручил поводки Виктору, с трудом растянувшись вдоль лавочки. На его щеках красовался густой румянец, а сам он чуть ли не искрился от счастья.

— Боюсь, мне придётся увеличивать дистанцию на пробежке. Он просто неутомим, — шуточно пожаловался Кацуки. Виктор присел рядом и отпустил животных с привязи.

— Тот ещё электровеник, — согласился он, наблюдая, как щенок носится, пытаюсь догнать Маккачина. — Как назовёшь? — Юри задумчиво промычал под нос, а затем приподнял голову, уставившись на Виктора.

— А ты почему так назвал Маккачина?

— Да по первой ассоциации. — Парень пожал плечами. — Я же ребёнком тогда был, увидел, что шерсть цветом похожа, — ну и назвал. Не особо раздумывал тогда.

— На что похож, говоришь... — Кацуки приподнялся на локтях. Щенок как раз старался растормошить взрослого товарища, пытаюсь уговорить на очередную игру, припадая к земле и прыгая вокруг. Макка реагировал заторможенно: он уже устал и хотел спокойно полежать в тени.

У Юри, пристально наблюдавшего за собаками, внезапно вырвался смешок, а затем его стала бить дрожь. Виктор всполошился, а когда понял, что тот пытается удержаться от хохота, любопытствовал о причинах. Но Юри только с трудом выдавил: «*Кажется, я придумал*» — и отказался рассказывать дальше, продолжив посмеиваться.

— Разве это честно? — надулся Виктор. Мужчина смягчился, расплывшись в неуверенной улыбке.

— Прости-прости. Но я боюсь, что ты обидишься. — Он ладонью растрепал волосы на затылке. — Да и не такая уж это хорошая идея, на самом деле, так что я постараюсь придумать другую кличку. Можно я расскажу о ней потом?

— Если так, то хорошо. — Виктор, обезоруженный честностью, сменил гнев на милость. — Тогда, может, взамен расскажете что-то сейчас?

Кацуки снова осторожно улёгся, не замечая, что макушкой едва касается чужого бедра. И проводил взглядом чаек, летевших в сторону Васильевского острова.

— А что тебе интересно?

— Да хотя бы какая музыка вам нравится? Быть может, фильмы или что-то в этом роде?

— Много, честно говоря. И классика, и рок, даже электро — волей-неволей приобщаешься, если у соседей тонкие стены и хорошие колонки. — Виктор рассмеялся: был и у него период «*Rammstein*». Правда, он пошёл на компромисс с семьёй и купил хорошие наушники. — Хотя вот музыку своих программ я не очень люблю, — признался он. Виктор наклонил голову к плечу. — Думаю, сам понимаешь. Она так надоедает к концу сезона, что где-то с год ты её слышать не хочешь вовсе. А ведь её крутят повсюду.

Уж наверное, Виктор сам мог, не задумываясь, напеть любую из собственных тем — неважно, как давно он её прогонял в последний раз.

— А выбираешь как новую? Если это, конечно, не секрет.

Кацуки пожал плечами.

— Да какой уж там особый секрет — как и все, я думаю. Определяю, что я хочу сказать своим прокатом. Тему, которая совпадает с моим настроением на следующий сезон, — а затем подбираю. — Он прикусил губу в попытке подобрать более точное слово. Виктор с трудом оторвал взгляд от зрелища и принялся с особым усердием рассматривать горизонт. — После рождается история. Хотя бывает и наоборот: когда сначала в голову приходит сюжет — буквально звучит в голове, — но такое случается достаточно редко. Да и хлопотно такую программу ставить, ведь придётся музыку заказывать.

— Почему бы и не заказать? — Виктор действительно не видел особых проблем: уж Кацуки-то мог бы себе такое позволить. Но тот лишь отмахнулся и уцепился за другую тему, уводя разговор от себя.

— Проблемы с произвольной? — участливо поинтересовался Юри. — У всех свои способы, однако попробуй для начала решить: что бы ты хотел рассказать людям в следующем году?

Виктор погрузился в раздумья. Было ли у него то, что он хотел бы громогласно заявить на весь мир? Продемонстрировать перед лицами зрителей, судей, Кацуки. Разумеется, желаний было великое множество, но подавляющее большинство он предпочёл бы оставить при себе или в кругу близких знакомых. Впрочем, постепенно одно из них проступило отчётливее прочих.

Он уставился на свою руку, которая лежала на деревянной поверхности лавки — всего в нескольких сантиметрах от неё находились плечо и шея другого человека. Того, кто одним своим существованием перевернул все его представления о самом себе. О его, Виктора, возможностях и пределах. Когда Виктор добивался всё новых высот, на миг разгораясь от гордости — да так, что мог крикнуть: «*Эй, посмотрите, я достиг, чего желал! Я, а не вы! Я получил всё, полагающееся мне по праву*» — находилась сила,

которая разворачивала его и тыкала носом в этого мужчину. Он всегда находился на несколько шагов впереди, на уровень выше, и — вот удивительно! — Виктор не мог при всех обстоятельствах его возненавидеть. Кацуки Юри его вдохновлял и заставлял стремиться к большему. Показывал на собственном примере, что, оказывается, можно кататься ещё и так.

И хотя в жизни он оказался совсем не похож на образ «Кацуки-на-льду», он не становился хуже. Только ближе, человечнее.

Виктор осторожно, миллиметр за миллиметром, передвинул ладонь ближе, пока не коснулся самого краешка тёмного пальто на чужом плече — ткань оказалась на ощупь плотной, жёсткой и немного влажной от морозящей изредка смеси дождя со снегом. И, что главное, немного, самую капельку, тёплой от чужого тела, разгорячённого бегом.

Хотелось иметь возможность вот так вот запросто коснуться его плеча, руки в любой момент. Юри Кацуки задавал его мечтам вполне определённый вектор. И для этого требовалось поначалу стать равным.

Если Кацуки столь требователен к самому себе, то Виктор должен требовать с себя не меньше — и тогда, возможно, кумир посмотрит на него всерьёз. Как на соперника, на друга. И, чем чёрт не шутит, кого-то ещё.

В голове возник образ костюма: синего, с плавным переходом из белого в почти фиолетовый. Стразы по нему, словно звёзды, и рисунок метеора аэрографом. И протянутая рука, пытающаяся ухватиться за хвост кометы. Коснуться путеводной звезды.

Виктор моргнул, рассеивая мутную пелену перед глазами. Юри, прежде пристально вглядывающийся в него, передёрнул плечом, сбрасывая чужую руку. И, заметив смятение на лице Виктора, ободряюще улыбнулся.

— Если это то, что ты чувствуешь, — вперёд. У тебя непременно получится. — И опустил взгляд, перекрещивая руки на груди. Тяжело выдохнул, морщась, на пределе слышимости. — Вот бы и мне решить, хочу ли я чего-то ещё?

Виктор с недоумением повернулся к нему, думая, не показалось ли, но Кацуки углубился в собственные раздумья. Пришлось тормозить и требовать пояснений. Если он полагает, что в присутствии Виктора можно что-то утаивать и печалиться — пусть сразу позабудет о подобном!

— Знаешь, у меня есть два чемпионских золота — и это большее, о чём я когда-то смел мечтать, — наконец, выдал Кацуки. — Мне до сих пор не верится. Но, кажется, я привыкаю. Не пойми неправильно. Я всё ещё хочу доказать всем вокруг, что получил их не зря, не по воле случая, а потому, что заслужил. Но иногда я думаю: так не может продолжаться вечно. А что меня ждёт после? И приходит мысль, что закончить «тройкой» будет совсем неплохо.

— Вы рассуждаете так, будто не верите, что можете ещё. Это ведь неправда!

— Мне бы твою уверенность. Но на покой я не собираюсь, это верно.

— Вы можете получить и четыре, и даже пять. Вообразите себе только: пять чемпионских титулов! Ни у кого в мире ещё не было столько наград подряд.

— Сомневаюсь, что выйдет. Но мне бы хотелось.

— Так постарайтесь.

Часть 18

Кацуки в итоге пробыл в Петербурге не больше недели. Ошеломительные несколько дней, заполненные прогулками под холодными ветрами и робким весенним солнцем. Виктор с удивлением обнаружил в, казалось бы, давно знакомом человеке новые интригующие черты. К примеру, он всегда знал, что по утрам до Юри тяжело дозвониться, но только теперь причина всплыла на поверхность: Юри участвовал в «рвр»-сражениях, зачастую то по Токийскому времени, то по Нью-Йоркскому. Хотя загадку «Где он находил на это силы и время?» ещё только предстояло разгадать.

Но скоро его отпуск подошёл к концу, и это произошло куда быстрее, чем хотелось.

Виктор вызвался составить ему компанию в аэропорту, о чём вскоре едва не пожалел. Несмотря на предостережения, Кацуки заявился за два часа до отлёта. Японская пунктуальность сошлась в бою с русским авось и потерпела сокрушительное поражение. Самолёт задерживался.

Юри с буддистским спокойствием пожал плечами и, сдав багаж, устроился с рюкзаком и клеткой с щенком у окна, вскоре начав зевать. Да так, что смотреть на него тоже становилось утомительно.

Виктор не выдержал и умчался за стаканчиком кофе, однако по возвращению обнаружил, что Юри прикорнул тут же, используя рюкзак в качестве подушки. И, невзирая на то, что это были последние часы перед очередным расставанием, у Виктора рука не поднялась его будить. Он устроился рядом и засмотрелся: спящим Кацуки ему ещё не показывался, обычно стараясь соблюдать хоть какие-то приличия.

Виктор всмотрелся в его лицо (если раньше у него не имелось возможности рассмотреть повнимательнее, не будучи уличённым в невоспитанности, то теперь всё было совершенно иначе) и обнаружил массу отличий от многочисленных плакатов.

На фото искусно замазывались все несовершенства кожи и подрисовывались более изящные черты лица. Виктор с некоторым огорчением узнал, что ресницы у Кацуки не такие чёрные, как ему казалось раньше.

Он-то думал, что, как и у всех азиатов, они будут тёмными и пышными. Но на деле оказались самыми обычными, посветлевшими на кончиках — как будто выгоревшими от долгого времяпрепровождения под солнцем.

И губы обкусанные, суховатые. А волосы спутались, сейчас больше напоминая стог соломы, чем гладкие, чётко разделённые воском пряди, к которым он привык.

Виктор огляделся по сторонам и, убедившись, что их пока никто не признал, опёрся на подлокотник между их сидениями. Нагнулся ниже, к вороту чужого пальто. Ноздри защекотал ставший таким привычным за эти дни запах чужого одеколona — более резкого, чем он ожидал; а ещё спортивного дезодоранта и мокрой шерсти (купал щенка перед отлётом?). Словом, как и у всякого спортсмена-собачника. Как и у самого Виктора.

Он обрадовался, подумав об этом: найти ещё пару общих черт оказалось приятно. И в порыве прильнул к чужой руке.

— Кацуки-сан, знаете... — Он заколебался. Взгляд упал на чужую грудь, и Виктор с минуту наблюдал за тем, как она поднималась в ровном ритме, свидетельствующем о том, что её обладатель глубоко спит. И решил: — Вы всё же мне нравитесь.

И быстро поднял взгляд на чужое лицо. Ему показалось, что брови немного напряглись и наморщились кожа на переносице, но это, конечно, было обманом зрения.

— Я помню, что говорил тогда, на мосту в Москве. Что не стану претендовать на что-то большее, кроме дружбы или соперничества. Извините, я не уверен, что сдержу слово.

Он перевёл дыхание и отвернулся к окну, через которое уже виднелся

приземляющийся аэробус с рекламой американских авиалиний на борту. Их общее время истекало.

— И вы можете подумать, что это подростковое увлечение или я путаю любовь с чем-то другим. Я и сам не знаю точного ответа — вам может быть виднее. А я и не прошу вас отвечать. — Он подтянулся выше, непроизвольно дёрнув Кацуки за рукав; приблизился к чужому лицу и, зажмурившись, затараторил. Так было проще, не видя, хотя Виктор чувствовал, что уши у него покраснели. Может, не только у него. — Тем не менее я хочу, чтобы вы знали. Не ради чего-то. Мне хочется быть с вами честным. И да, это не помешает мне постараться на соревнованиях вас победить. Вряд ли получится вот так просто, но не падает только тот, кто не прыгает.

Рядом послышался сдавленный смешок.

— Конечно, я всё свожу к фигурке, да? Пусть. Любят обычно за что-то хорошее. Или за фантазии о ком-то. Я вот смотрю на вас и знаю, что хорошее в вас перевешивает. Во мне, наверное, тоже, хотя Крис или парни с катка точно скажут по-другому. Им только дай сделать пакость.

Виктор опустил в собственное сиденье, подобрав под себя ноги. Когда на табло загорелся нужный номер рейса, он растолкал своего спутника. Кацуки со вкусом потянулся. И, прощаясь, обнял за плечи, буквально уткнувшись носом в макушку согнувшегося парня.

— Ты действительно во многом ошибаешься, Виктор. И одновременно с тем прав. Мне так думается.

— Но всё же вы присмотритесь, хорошо?

Виктор почувствовал кивок — и его голова на секунду вдавилась в основание собственной шеи. Кацуки напоследок стиснул его до боли в рёбрах, немного не рассчитав силу. И, едва не забыв свои вещи, поспешил туда, где его поджидал самолет, и через пару минут он уже взмыл в небо, исчезая за нескончаемой чередой рваных низких облаков.

Поздно вечером он вышел на связь, потом только лишь через пару дней, а затем стал звонить и писать всё реже и реже, ведь присутствия Чемпиона требовали многие коммерческие выступления. Он старался выкраивать время, но признавался, что это достаточно тяжело: жизнь завертелась пёстрой праздничной каруселью. Да и обучение в университете близилось к завершению, и настало время отсекаать «хвосты».

Впрочем, иногда на телефон Виктора приходила короткая SMS или аудиозапись, напоминавшая о задуманной аванюре и наполнявшая решимостью довести искомую до победного (как он надеялся) конца.

Как раз после очередной полуночной переписки Виктор с утра пораньше направился к тренеру и изложил свой замысел. Яков оглядел его со странным выражением лица: то ли силился отыскать крупинцы разума в чужой голове, то ли давно потерял на это всякую надежду и вспоминал особо крепкие выражения.

На днях заявление Юрки о намерении добавить четверной в юношескую программу он встретил с такой же кислой миной. Но, заметив узкую полоску губ и насупленные брови, махнул рукой — ну показывай, мол, Витёк, что за ересь ты подготовил на сей раз.

На обеденном перерыве Виктор остался во Дворце, отказавшись от приглашений друзей, а Яков ушёл в тренерскую — всё ту же тёмную комнатку, не сильно изменившуюся за прошедшие годы. Словно маленький уголок пространства, над которым не властно время, отрезанный от окружающего мира плотной дверью. Её не так давно выкрасили в белый и тут же сумели заляпать тёмными полосками-«шрамами» от кроссовок или коньков.

Будучи мелким, Виктор шутил, что так тренера отмечают жертвы безвинно убиенных учеников. Сейчас же стало казаться, что это добродушная детвора пыталась выместить всю глубину благодарности от дополнительных тренировок на бездушном куске дерева. И чем дольше Яков находился в тренерской, тем больше Виктор был готов присоединиться к ним.

Никифоров знал, что Яков вывел на экран плазмы запись с тренировки, где он откатывал собственноручно выдуманную программу, и наверняка хмурился, пока смотрел.

Вопреки тому, как часто Виктор видел записи своих прокатов: будь то соревнования или же репетиции — всякий раз возникало чувство неловкости. Сейчас же оно усилилось сверх меры. Показывать результат тщательных единоличных трудов было гораздо хуже, чем совместное творчество команды «тренер-хореограф-фигурист». Он и так старался шлифовать выступление украдкой, в углу катка, чтобы не мешать другим заниматься.

Как бы то ни было, разве это остановит троицу «Юбилейного» от упражнений в остроумии и желании позубоскалить?

Не зная, чем себя занять во время вынесения вердикта, Виктор совершенно машинально потянулся к смартфону. Руки по привычке отыскивали в сумке наушники, и он отрешился от реальности при помощи нового стрима из «закулисья» «Fantasy On Ice» (Кацуки милостиво поделился ссылкой перед отъездом, мучительно краснея и уверяя, что Виктору будет скучно смотреть, хотя сам Виктор считал иначе).

На очередном безликом стадионе тренировка шла полным ходом. Перед группой детишек выступал смутно знакомый силуэт. Часто мелькавший рядом с Кацуки таец — Пхичит? — если Виктор его признал верно. Он командирским тоном наставлял коллег. Или, вернее, пытался: те всё равно отвлекались.

— Затем разворот, отступаем на шаг влево, тройка, и... — Мимо камеры плавно прокатился Кацуки, явно задумавшийся о чём-то своём и едва ли замечавший окружающих. Зато те с него глаз не сводили, и Виктор в чём-то мог их понять. Пхичит испустил усталый вздох человека, давно смирившегося с подобным положением дел. — Юри, вот что ты сейчас делаешь?

Кацуки встрепенулся и чуть не запнулся зубцами о лёд, выровняв положение в последний момент. И оглянулся, пристыженно потирая затылок.

— Я понимаю, ты привык ставить себе программы сам. Но если тебе не нравится хореография, которую я придумал, то не молчи, а скажи прямо. Или ты всё ещё не поправился?

— Вовсе нет! — Он замахал руками. — И программа замечательная, но я уже закончил на сегодня. Жду только тебя.

Мужчины оглянулись на поджидающую толпу. Если Виктор правильно помнил, это шоу должно было состояться послезавтра. И, судя по тому, что он видел, было едва ли готово хотя бы наполовину.

Пхичит пришёл к тому же выводу и взмолился:

— Тогда, может, сможешь поставить программу ребятам? И вместе уйдём пораньше.

Кацуки поражённо замотал головой, однако друг оказался неумолим. И вскоре ему пришлось согласиться.

— Ты уверен? — напоследок протянул он, с сомнением оглядывая предстоящий фронт работ. — Вряд ли им понравится такая резкая смена инструктора.

Пхичит насмешливо фыркнул:

— Думаю, они почтут это за честь!

Позади хлопнула дверь, и Виктор едва не выронил телефон — едва ли смартфон бы пережил падение на лёд. Яков подошёл поближе, посмотрел на подопечного снизу вверх и скрестил руки на груди. Виктор убрал мобильный телефон в карман и подобрался, приготовившись отстаивать свою точку зрения, потому что подобная поза была до боли знакома.

«Придётся пободаться лбами», — мысленно вздохнул он.

— Витя, ты понимаешь, что прокат совсем «сырой»? — потребовал тот ответа.

Виктор осторожно кивнул. «Сыро» — это не «не годится». Тут уже есть с чем работать!

Тренер пристально всмотрелся в застывшего в ожидании его вердикта ученика, а затем внезапно усмехнулся:

— Не смотри на меня как на врага народа. Мы с тобой работаем над одной целью. Хочешь — бери, тебе тянуть-то. Но пойми и меня. В таком виде я программу не возьму. — Приободрённый Виктор вскинулся на месте. — И по-хорошему тебе не стоило бы «выступить» тут с «самоволкой». Если хочешь знать моё мнение: для победы тебе нужна стабильность, которую мы пока ещё можем успеть выстроить. А ты занимаешься дурью.

Виктор затряс головой, решительно отмахиваясь от последнего предложения. Если со стороны всё выглядит именно так — пусть. Но в душе царила твёрдая уверенность: эта «дурь» именно то, что ему сейчас нужно.

Возможно, она и не приведёт его к победе (хотя он запрещал себе о таком даже думать), но даст шанс вырасти в собственных глазах. Если он не сумеет добиться такой мелочи: самому поставить программу — то нечего и грезить о чём-то большем.

Однако номер взяли. С сильными доработками, за каждую из которых приходилось спорить до хрипоты. И втайне Виктор крайне гордился тем, что отстоял особенно важный для него элемент — последний тройной аксель. Для него имело смысл сберечь его: не для баллов или ради забавы, а как символ того, к чему он стремился. *К кому.*

И потому он упустил из виду небольшую деталь, давно переставшую быть частью его жизни.

За ужином, собравшись узким кругом их маленькой семьи, отец откашлялся и поинтересовался планами на будущее. Виктор пожал плечами: распределение пришло только недавно.

— Москва сначала, потом Китай. Финал обещают в Японии, если там не будет землетрясений и цунами, как пару лет назад. — И вернулся к тарелке. Знакомое жжение в ногах говорило, что он слегка перестарался. Но это дело наживное: мышцы привыкнут.

— Я не про фигурное, Вить. — Дождавшись, когда сын снова повернётся к нему, он продолжил: — Ты не забыл, что в этом году у тебя выпуск? Надумал, куда поступать будешь?

Виктор заторможенно сообразил. И вправду, восемнадцать зимой; экзамены маячили в следующем мае. Но это-то всё потом, чего сейчас говорить, когда на носу сезон? Вот Чемпионат Мира пройдёт, тогда и решит.

Он всё это озвучил, надеясь, что тему закроют. Для него эта цифра мало что значила. Он давно во взрослой лиге — теперь официально может выступать только в ней. Всего-то.

— Будешь ли ты заниматься и дальше или выберешь что-то другое? Более... стабильное?

Виктор фыркнул под нос. Увлечение, как же.

Карина, с тревогой посматривая на мужчин, робко тронула названного сына за руку.

— Не заводись. Прошлый сезон прошёл не на «ура», и мы волнуемся. Сколько ещё

ты захочешь кататься? А чем потом будешь себя обеспечивать?

Прошлой осенью Виктор вылетел сразу после первого этапа, пусть и занял неплохое место на Чемпионате Европы. Но призовые деньги вышли небольшими — всех затрат на этот сезон не покроют. У него, конечно, имелись свои сбережения, но если тратиться на фигурку, то от них быстро ничего не останется.

— Сколько смогу — столько и буду. — Всё просто: пока ноги есть, он будет кататься. Аксиома.

Виктор раздражённо скрестил руки на груди и, не выдержав, завозился, в гнетущей тишине начав карябать ногтем скатерть, едва не опрокинув на себя бокал.

Отец положил руки на стол и поправил сползшие приборы.

— Давай тогда так: выступаешь до конца зимы, там смотрим на месте. Попадёшь в тройку — катайся дальше, выберешь что-то заочное. Нет, уж извини, пойдёшь на дневное.

— Да первое я займу, первое! — запальчиво пообещал Виктор. Неужели и дома нашлись люди, которые не верят в его победу? Он-то думал, что Дворец и дом — вот два незыблемых места, где тебя всегда считают победителем, даже если ты пришёл в хвосте. Гошку, вон, просто с выходом на Европу поздравляли.

Затем он вспомнил о присутствии на соревнованиях ещё одного человека, который по необъяснимым причинам продолжал считать его своим опасным соперником, и поправился:

— Ну, может, второе.

Отец посмотрел на него с сочувствием. Такими же светлыми глазами, как у самого Виктора, и пожелал удачи.

Позднее, ночью, Никифоров пробрался в папин кабинет и, пошарив по шкафам, отыскал старый фотоальбом. С одного пожелтевшего снимка, где столпилось полтора десятка мужчин с лыжами в руках, улыбался смутно знакомый юноша. На обороте значилось, что сборная питерской «корабелки» по биатлону выиграла «межвуз». Были и другие фотографии этой же компании, но уже не с соревнований. А жаль, ведь так похожий на Виктора парень казался на ней счастливым.

«Раньше у него тоже были мечты, — подумал Виктор. — Но что-то его заставило от них отказаться». И всё же они совершенно разные люди. Если он свои воплотить не сумел, то Виктор сможет.

В детском саду — или в начальной школе — он раскрашивал маленькие медальки в духе «Самому сильному папе» или «Самой красивой маме». Всё это барахло наверняка лежит где-то на антресолях, если давно не было выброшено. На минутку Виктору захотелось присоединить к своей колоннаде кубков и галерее медалей ещё и отцовскую.

Впервые за несколько лет он отказался выдвигаться в сторону вокзала с большой и шумной компанией от «Юбилейного», а попросил подбросить до поезда отца. И, пожимая руку, Виктор с волнением спросил:

— Пап, а ты, если занят не будешь, посмотришь Чемпионат?

Тот рассмеялся — легко и беззаботно, словно не ему тут пятый десяток лет.

— Разиня ты, Витька! — И подтолкнул вперёд, едва не опрокинув вместе с чемоданами. Облокотившись о дверцу машины, закурил, смотря на удаляющуюся фигуру: — Сподобился спустя столько лет.